голубиная книга анархиста

ОЛЕГ ЕРМАКОВ

Самое время!

Олег Ермаков

Голубиная книга анархиста

«WebKniga»

2018

Ермаков О. Н.

Голубиная книга анархиста / О. Н. Ермаков — «WebKniga», 2018 — (Самое время!)

ISBN 978-5-9691-1772-3

Новый роман Олега Ермакова, лауреата двух главных российских литературных премий – «Ясная Поляна» и «Большая книга» – не является прямым продолжением его культовой «Радуги и Вереска». Но можно сказать, что он вытекает из предыдущей книги, вбирая в свой мощный сюжетный поток и нескольких прежних героев, и новых удивительных людей глубинной России: вышивальщицу, фермера, смотрителя старинной усадьбы Птицелова и его друзей, почитателей Велимира Хлебникова, искателей «Сундука с серебряной горошиной». История Птицелова – его французский вояж – увлекательная повесть в романе. Да и сами главные герои не только колоритны, но и актуальны: анархист-толстовец, спасающийся от преследования за крамольный пост в своем блоге, придурковатая нищенка, поющая духовные песни. Река влечет героев, и они обретают свой остров, где начинается для них новый отсчет эры свободы и любви. «Пластика письма удивительная, защищающая честь классической русской прозы… Роман – приключенческий – в том смысле, в каком привыкли думать о романах Вальтера Скотта и, не без оглядки на них, о пушкинской “Капитанской дочке”» (Ирина Роднянская). Сказано о предыдущей книге, но еще более справедливо для новой.

ISBN 978-5-9691-1772-3

© Ермаков О. Н., 2018
© WebKniga, 2018

Содержание

Большой автомобиль 7
Проснулась 12
Мрачные ущелья 18
В вагончике 24
Снег хрустел 27
Глаза Вали 32
Вася за чаем 39
Какая логика? 46
Сегодня восьмое марта 51
Вася молча рубил 56
Еще через два дня в полях запели 61
Автомобиль катил 65
Тем временем Валя 70
Да, перед Васей 72
Послышался характерный сигнал 81
Нет, горбатого лишь могила исправит 87
Лодка уходила в черную воду 94
Ворон снова летел над березами 98
Конец ознакомительного фрагмента. 99

Олег Ермаков
Голубиная книга анархиста

© О. Н. Ермаков, 2018
© Состав, оформление, «Время», 2018

* * *

Все мы тут кролики разных возрастов и категорий и скачем – прыг-скок – по стране Уолта Диснея.
К. Кизи. Над кукушкиным гнездом

А Россия мне – как сон.
И. Соколов-Микитов. Чижикова лавра

Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красавица?
Из кинофильма «Морозко»

И руки сна неодолимо
Под звуки музыки текут.

Неизвестный автор. Из сна

Большой автомобиль

…Большой автомобиль проплывал мимо, отъехав от кафе, да вдруг начал тормозить, хотя они и не махали, надеясь на дальнобойщиков или какую-нибудь «буханку» из райцентра, это Вася заметил по поводу одной такой машины, что, мол, «буханка», а девушка сначала подумала вообще о каком-то древнем транспорте, ну, там, о какой-то телеге, что ль, с будкой, как в кино про Русь босую, лапотную или даже недавнюю советскую. Он ей объяснил. Она засмеялась, он тоже:

– А ты подумала, что рлжаная?

Вася иногда картавил слегка.

– Хуу-угу! – откликнулась она, кивая, лишь бы позабавить этого остроносого рыжика.

– Ты прикольная, – заметил Вася.

– Нет, живая, – возразила она.

– В смысле? – спросил Вася.

– Слетевшая с иголки! – выпалила она.

Он удивленно вытаращился на девушку.

– Так ты… торлчала? Вальчонок?

– Была пришпилена. В коробке под стеклом.

– Хм, меня вон тоже хотели замариновать…

И в этот момент внедорожник и затормозил, проехав в туманном сиянии фонарей, фар. Вася глянул и отвернулся. И тогда водитель сдал назад, поравнявшись с молодыми людьми, остановился. Сквозь стекло ничего не было видно. Но Вальчонок-то видела – вдруг увидела.

Вот что это было.

Первобытная река, мутная, текущая где-то в степи или в саванне, с редкими толстоствольными деревами, желтоватой, пыльной, и в этих водах кто-то плыл – звери, мощные гривастые львы, олени; а другие животные шли берегом, шли, куда-то шли и шли, пока не появились столбы, ворота, это был вход, и вспыхнула догадка, что это знаки покинутой цивилизации, но кто же сейчас здесь всем распоряжается? – как тут же явился ответ: Черные обезьяны! И сразу вдали запылило, клуб пыли приближался – это был джип, за рулем сидела черная обезьяна, а позади еще несколько черных обезьян, и они горланили по-человечески: «Вешать! Вешать и стрелять! Вешать! Вешать и стрелять!»

Ну, это обычное у Вальчонка.

Она покосилась на спутника. А вдруг и он?.. Ведь она знала его всего каких-то два-три часа. Она с любопытством смотрела, смотрела. Но он ничего не говорил, не удивлялся, не прятался. Ей-то, пожалуй, и захотелось куда-нибудь шмыгнуть – вон, какие-то склады у дороги, что ли. Да Вася стоял. Ей всегда, конечно, странно было, что никто не обращает на такие вещи внимания.

Вдруг стекло, туманное и как будто жидкое, поехало вниз, в глубине автомобиля замаячило лицо и послышался голос:

– Ребята, куда путь держим?..

– Мы? – спросил Вася.

– Автостопщики?

– Мы?.. А… Ну да. – Вася никак не мог собраться с мыслями. – В сторону… в сторону… этого… Брлянска.

После некоторого молчания голос вновь раздался:

– До самого Брянска не довезу, но по дороге подброшу.

Вася оглянулся на девушку.

– Ты… поедешь, Вальчонок?

Она обернулась, как будто за нею стоял кто-то еще.

– Хахаха, – засмеялась она и полезла на заднее сиденье.

Вася открыл переднюю дверцу и сел.

– А рюкзак? – спросил водитель.

Вася оглянулся.

– А!..

Он забрал рюкзак, поставил его рядом с девушкой и наконец уселся. Автомобиль тронулся.

В салоне было тепло, уютно. Вальчонок хихикала. Водитель, темноволосый мужчина средних лет в «аляске», ловил ее отражение в зеркале. Но молчал. Лицо его было хмурым, каким-то замороженным. Вальчонок – а хорошо ее назвал сразу, как только услышал имя, Вася – старалась не смотреть на его отражение. Она глядела в окно. За окном туманилась поздняя зима, унылая, плачущая уже. Вася глядел вперед. Что у него на уме? Как только они познакомились на Соборном холме в городе, куда этот Вася притащился с рюкзаком, чтобы встретиться с тем фотографом и взять у него денег, потому что у него не было денег совсем и он убегал, она узнала, где он ночует. Ночевал Вася на чердаках

…пятиэтажных домов, скрываясь от людей. Они его преследовали из-за одной вещи. Но никак не могли захватить врасплох. И как-то подослали гулящую, она пыталась соблазнить его, но сообщники выдали себя, закашляв. И Вася кинулся к выходу на крышу. Они ворвались на чердак и погнались за ним. Он побежал по гремящей железной крыше, они – следом. Закричали, что он сейчас разобьется. Расшибется в лепешку!..

Но Вася ушел. И на улице потом старательно очищал куртку от прилипшего голубиного помета и пуха, всякого сора.

Как же ему это удалось? Вальчонок хотела у него спросить, да забыла, а сейчас вспомнила.

– Вася, Вась, – тихо зашелестела она губами, приближаясь к нему. – Куда ты подевался с крыши тогда?

Он оглянулся, шмыгнул носом.

– Чего?.. Когда?.. Ты что?

Водитель посмотрел в зеркало.

– Ну, ну… с крыши, когда на чердак они вылезли? Ты что, не помнишь? Забыл, да?

Вася шмыгнул носом.

– С крыши? – напряженно спросил он. – Отстань, не знаю.

Она отстала, поняв, что Вася остерегается водителя. Да, ему надо было осторожничать. Видимо, в этом и было дело, ага. Ему нельзя было ночевать на чердаках, а он это делал постоянно, жевал булку, читал книжку под гульканье голубей. Жаль, что ей пока не удалось поучаствовать в этой его жизни. Он понравился бы Мартыновне. Но к моменту его появления на Соборной горе Мартыновна уже исчезла, как и обещала. Ее любили птицы, голуби, потом эти… воробьи и синички. К ней всегда подходили люди с фотиками и щелкали, а однажды даже на кинокамеру снимали, наверное для кино. Перед возвращением Матушки в Дом из Москвы, где Ее поновляли, лечили, чистили, хотя Она и так чиста, как первый снег на ветке и даже чище. Но такую игру устроили. А Мартыновна уже сказала, что как Матушка вернется, она исчезнет совсем, бросит всех нищих соборных, надоевших ей хуже редьки, и попов, и ментов, гоняющих братию из угла в угол, да вон еще и казаков каких-то в лохматых шапках, с сизыми носами. «Я тебе брошу!» – грозил ей Мюсляй, забиравший у ней почти всю денежку, что дали добрые и злые люди. И показывал кулак. Этот Мюсляй откуда-то притащился с Генералом, доходягой при деньгах. Жили все тогда под землей, в теплом большом туалете с кафельной плиткой, с дверями, там был такой коридорчик длинный, туда и приносили свои мешки, картонки, да спали. В самом сердце города – в туалете возле собора на горе. У Генерала были

деньги и медали, но ничего не осталось, все раздербанили внуки и правнуки, разворовали, а самого Генерала убили, повезли в деревню и убили, сбросили в подвал, да он выжил, вылез и пошел по земле. И где-то и повстречал этого Мюсляя. За то прозвали его, что глаза его как мюсли, это Белочка сказала, а он считает, что они нарочно искажают его истинное прозвище – Мыслитель. Ибо любит говорить много и непонятно. И если услышит, что его так кличут, по-Белочкину, то и прибить может, а кулак у него аховский, зимой он в кожане, в унтах, как летчик, голос громовой.

– Не самое лучшее вы время выбрали, – сказал тяжело водитель, опуская стекло. Он распечатал пачку, видимо только что купленную в кафе, щелкнул зажигалкой и закурил.

– В смысле? – переспросил Вася.

– Даже март не начался.

– А мы… мы поближе к югу и тянем, – сказал Вася.

– Брянск… А дальше? – спросил водитель. – Там Украина. В Крым?

– Нет, – сказал торопливо Вася и засмеялся. – Зачем нам Крым?

Водитель посмотрел на него.

– Интересно. Всем он нужен, а вам – нет?

– Земли и так хватает, – отозвался Вася. – Можно и в Сочи погреться у моря.

Водитель покачал головой и ответил:

– Не-эт, земли всегда мало.

– Вы не космонавт? – спросила Валя.

Водитель посмотрел на нее в зеркало, с шумом выпустил струю табачного дыма:

– Пфф-фа!..

Вася кивнул.

– Вот именно.

– В космосе тоже идет борьба, – сказал водитель.

– Между землей и небом война, – напел Вася. – Все как в «Левиафане».

– Это по Звягинцеву, что ли?.. – поинтересовался водитель. – Он же обманщик и русофоб. Север другой. Север не знал крепостного права. Люди там сильнее, а у него сплошь хапуги и алкаши. На севере свет.

– Нет, это по Гоббсу, – заметил Вася.

– А вы, дяденька, с севера? – спросила Валя.

Водитель хмыкнул.

– Нет, – сказал он. – Но бывал там, в Архангельске и на Соловках, на экскурсии. Монахи, конечно, основательно устроились. Каналы, башни. Особенно красиво, когда подплываешь: эти все купола вылупляются из моря.

– Крласота гулаговская, – сказал Вася. – Солж расписал ее здорово.

– Это кто?

– Солженицын.

– Ну… Тут надо смотреть вперед, а не ковыряться в прошлом.

– Не все прошлое говно, – сказал Вася.

– Это слишком нехорошо сказано, – ответил водитель. – Зачем же ругать все скопом?

– Так вы сами сказали.

– Я имел в виду Солженицына.

– А правда, нет ночей? И прям светло как днем? – спросила Валя.

Водитель хмыкнул.

– Правда. Неужели по телевизору не видела? Или вон по Ютубу?.. Светло, хоть шей. На куполах и крестах свет солнца даже в час ночи.

– Ой! – воскликнула Валя. – Вася, поедем туда.

– Там еще зима в полном разгаре, – ответил с неудовольствием Вася. – И полярная ночь вообще. Прлоклятье, – добавил он с отчаянием.

– А когда же наступит день, чтобы без тьмы? – спросила Валя.

– Летом, – сказал водитель.

Некоторое время все молчали, как будто прислушиваясь к ровной работе мотора, шуму дороги, ослеплявшей их радужными сполохами фар. Но встречных автомобилей уже было меньше. А вокруг простирались сероватые поля, уходящие в черноту. По холмам светились иногда деревни.

– А-у-нас-давно-уже-эта-ночь-давно, – пробормотала скороговоркой Валя. – Не-видать-ни-зги.

Водитель поймал ее изображение в зеркале.

– Ничего, утром рассветет, – сказал он.

– Нет-нет-нет, – затараторила Валя. – Нету-почти-света. Мартыновна улетела. Хотя Матушка вот и вернулась. Но там сейчас ее накроют. Рясами, платками, грязными поцелуями. Фу, пакость какая. На сто шагов не подпускала бы никого. Давно говорила Мюсляю, надо купить лампу, лампу керосиновую. Ходишь и спотыкаешься. Не видно. Нет свету. Так он не разрешил. Ага, а себе на табак берет сколько хочет да на вино. А мне на лампу не дал. Прибью, говорит, и тебя, и лампу. Потому как сам-то из угля весь, угля тьмы, а в сердце чернила. И глаза из гуталина. Страшный. Уже хватился и меня ищет.

– Чудно, – пробормотал водитель и посмотрел на Васю как только можно дольше.

– Чудно, что есть места с тем фаворским светом, а есть без него, – отозвалась Валя.

– Хватит тебе, – попросил Вася.

– Ребята, а вы вообще откуда едете? – спросил водитель.

Они молчали. Так в молчании и ехали дальше. Вася начал клевать носом, и Валя увидела, *как мужик с бородой в подпоясанной рубахе спускается по камням к реке – к Днепру – и зажигает керосиновые лампы: одну, другую, третью, – и трепещущие огоньки тех ламп отражаются в темных водах…*

Автомобиль мягко подпрыгнул, и Вася очнулся, ошарашенно вытаращился вперед, потом посмотрел на водителя и проговорил с некоторым удивлением:

– Лев Толстой приснился.

Водитель мельком глянул на него.

– Что говорил?

Вася подумал и пожал плечами.

– Ничего.

Помолчав, добавил:

– Керлосиновый сон.

Еще через некоторое время автомобиль начал тормозить и остановился.

– Все, – сказал водитель. – Здесь я сворачиваю. Дорога на Брянск – прямо.

– Спасибо, – ответил Вася. – Денег у нас нет.

– Я догадался, – сказал водитель.

– Хорошо, – сказал Вася и начал выбираться из автомобиля.

Пассажирка не двигалась. Водитель оглянулся. Девушка спала, положив голову на рюкзак.

Он соскочил с поезда возле открытой террасы со столиками, сразу подошел к светловолосой девушке, обнял ее. Она запрокинула голову: о, это ты? Он принялся целовать ее чудесное светлое лицо, расспрашивать: как ты здесь?

Голос диспетчера: «Это уже опасно, надо спешить!»

Мы стоим, не разнимая рук.

Снова диспетчер: «Его качества могут рассеяться».

Она: «Иди, иди».

Он: «Подожди, сейчас… Как это место называется?»

Она: «Что?»

Он: «Как этот город называется?»

Она (с удивлением): «Основная Теория».

Он (всматриваясь в ее лицо и сопротивляясь силе, утягивающей в некое жерло): «Сколько лет вы здесь живете?»

Она (как бы не понимая): «Что?.. Сто сорок».

Он: «Сто сорок?»

Она: «Семьдесят».

И все, его затянуло обратно в поезд. По лицу потекли даже слезы. Смешно, он думал, что уже никогда не попадет на эту станцию. Никогда уже не попадешь туда, на эту станцию, и не увидишь светловолосую девушку. Он не знал, что все железные дороги соединяются и есть специальный атлас этих дорог, станций, полустанков. По ним можно все проследить. И она это знала, хотя и не была светловолосой девушкой.

Проснулась

Проснулась Валя от сильной качки, как будто они уже добрались до северного моря и плыли теперь к Соловкам. Но нет, все было то же: впереди водитель, рядом с ним Вася.

– Ой, – произнесла она. – Мм… Тут нет нигде остановки?

– Здрасьте, – сказал Вася. – Остановки по расписанию.

Валя засопела.

– Но мне… уже надо, – сказала она.

– Куда, в супермаркет? – спросил Вася. – Или в библиотеку?

– А где мы? – спросила Валя, глядя в окно.

За окном не было ни огонька.

– Хых, – отозвался Вася.

– Ой, я больше не могу, остановите, – попросила Валя и захныкала.

– Чего ты?

– Не могу, обоссусь, – сказала Валя.

Водитель расхохотался и затормозил. Валя тут же выскочила на улицу и, отбежав немного в сторону, присела, спустив штаны и подхватив полы куртки. О, блаженство. Даже в этом величие Семидесяти Двух.

Подойдя к автомобилю, она не спешила занять свое место. Водитель курил. Вася оглянулся.

– Ну, чего?

– Хотела спросить, – проговорила Валя, – спросить…

– Что?

– …Забыла, – призналась она и села.

Автомобиль тронулся.

Через некоторое время впереди засветился какой-то огонек.

– Огонек! – воскликнула Валя.

Огонек приближался. Из тьмы вырастал дом. Автомобиль остановился.

– Все, – сказал водитель, – приехали.

Валя сидела не шевелясь. Вася тоже. Потом он задвигался, открыл дверцу и вышел, заглянул к Вале и взял рюкзак. Валя все сидела. С улицы доносился лай.

– Ну ты чего? – спросил Вася. – Так и будешь торлчать?

– А чего это такое? – спрашивала Валя. – Чего? Куда нас завезли? Темень какая…

– На северный полюс! – воскликнул Вася.

К автомобилю кто-то шел с фонариком.

– Вон, керосинщик какой-то крадется, – пробормотала Валя.

– А мне как раз… – начал Вася и замолчал.

– Юрьевич! – позвал подошедший мужик.

– Все нормально, Эдик, добрался, – ответил водитель. – Привез тебе помощников.

Эдик направил луч на Васю, тот отвернулся, заслоняясь ладонью.

– Вижу одного только, – пробормотал мужик и перевел луч на автомобиль.

Валя пригнулась, стараясь спрятаться за спинкой переднего сиденья.

– Давай, выходи, – сказал ей Вася.

– Куда мы приперлись? Ну куда? Зачем? А что скажет Мюсляй? Ой, Матушка, спаси и сохрани.

– Выходи уже.

– Не выйду. Хочу назад, в город.

– Вальчонок…

И это имя возымело магическое действие. Девушка покорно начала выбираться. Мужик Эдик осветил и ее. Она зашла за Васю. Но был он щупл и невысок даже в своем толстом матерчатом пальто, так что скрыться полностью ей не удалось.

– Валя и Вася, – представил их Юрьевич и, обернувшись к мужику, попросил куда-то их отвести.

Еще он передал мужику сумку с покупками, за что тот поблагодарил его. Между ними состоялся короткий смутный диалог, Эдик спрашивал, как там прошла встреча на высшем уровне, Юрьевич устало отвечал, что так и прошла… как обычно… в стиле *вешать и стрелять*. Эдик посмеялся, заметил, что ничего лучшего они придумать не могут.

Вася и Валя пошли за тем фонарщиком по замерзшим к ночи ледяным и снежным комьям. Мужик привел их в вагончик, нашел керосиновую лампу и зажег ее.

– Ой, керосинка, керосинка, я же говорила, говорила, – забормотала Валя.

– Ты ничего не говорила, – возразил Вася. – Это *я* видел.

– Свет будет, – сказал мужик, – ну завтра там, послезавтра. Провода оборвало. С тех пор и не протягивали пока… Кхм. – Он кашлянул в кулак. – Значит, располагайтесь. Вон койки. Печка, а дровишки на улице… Айда покажу.

Вася сходил с ним и вернулся с охапкой поленьев. Мужик ушел. Вася сгрузил поленья у железной печки.

– Посмотри, есть там ножик или чего-нибудь, – попросил он.

Валя взяла лампу, но вместо того, чтобы искать нож, залюбовалась горящим гребешком под стеклом. Вася ждал. Валя любовалась. Потом она обратила внимание на тени.

– Опа-па, ты похож, похож на… на… карлика! – воскликнула она. – Или на кота. Нет, на пингвина.

Вася посмотрел на тени.

– А я… я… на матушку Татиану. Копия! Видал?

Вася поднял руку и помахал ею. Потом другую.

– Ну пингвин и есть! – воскликнула она.

– Жирный пингвин прячется в расселине, – пробормотал Вася.

– А ты живешь на чердаках? – подхватила Валя.

– Блин, какая-то угарная сказка, – сказал Вася.

– Про пингвина на чердаках! – отозвалась Валя и хлопнула в ладоши.

Вася встал и сам принялся искать нож. И нашел столовый тупой ножик. Взяв его, он начал щепать лучины, ударяя по ножу другим поленом. После долгой возни ему удалось подпалить поленья. Вагончик наполнился дымом. Валя закашляла и выскочила на улицу. Но понемногу дым рассеялся, тяга установилась, из трубы повалило густо, бело. Вася позвал девушку. И она вбежала в вагончик и присела перед печкой, протягивая руки, ухая. Потом сказала, что хочет чаю или какао. Вася в ответ фукнул. Рассказал, что ненавидит какао, напиток тоталитаризма. Его мучили этим какао в лагере.

– Да я сразу поняла, ага, ага. Вижу: сиделец.

– Да нет, – сказал Вася, – это был пионерский лагерь. Меня туда упекла мамаша. И меня пичкали какао, зараза, и всяким дерьмом застарелым советским. Там, речевками разными, песнями про костры-Ленина, игрой «Зарница», хотя я уже тогда никого не хотел убивать. Прлоклятье. А я еще и пионером не был! – воскликнул он с отчаянием. – Недорос. Но мамаша договорилась. Она у меня бегемот. Уже все на ладан дышало, весь этот монстр гнилой. …И снова – несет гнилью.

Валя слушала его, поглядывая с сомнением.

– Врешь ты, – заключила она. – Враки, враки все.

Вася уставился на нее с удивлением.

– Я-а? Врлу? Прло какао Ленина? «Зарлницу»?

От волнения и возмущения он начал сильно картавить.

– Ху-гу! Сидел, сидел! Они тебя подстерегли, схватили. Ночевал на чердаках, ходил по крышам. А они этого не любят. Не любят, не любят. – Валя помотала головой.

– А-а… Да нет, – отвечал Вася, успокаиваясь. – В тюрьме не сидел…

– Сидел! – упрямилась Валя. – Сидел!

Вася смотрел на нее.

– Сидел! – повторила она.

– Не в тюрьме, – тихо ответил Вася. – Слушай, я уморился, как гусь на перелете через Гималаи. Из Москвы ехал, потом на гору с церквушкой забирался, ждал Никкора… А он приперся с какой-то чувихой, приехал в ваш город свадьбу снимать, а сам втюрился в невесту, хых. Хых-хых, хых-хых!.. – Вася не мог остановиться и смеялся.

– Тот, с фотиком? – спросила Валя и тоже начала подхихикивать, глядя на Васю.

Вскоре они смеялись на два голоса. И вдруг Вася оборвал смех.

– Вот дерьмо… зараза…

А Валя еще продолжала смеяться, захлебываясь, тряся вьющимися локонами.

Вася озирался с опаской на окно, потом встал и вышел. Походив где-то, вернулся. Валя все еще смеялась.

– Да замолчи ты уже! – потребовал Вася.

Валя взглянула на него и зажала себе рот ладонью, продолжая хихикать.

– А телефон у этой невесты оказался невыключенным после последнего разговора, – проговаривал вслух свои тревожные мысли Вася. – Проклятье. И ее жених все слышал. Их шашни – да и ладно бы. Но и разговоры с нами, со мной. Это засада. За нами могут идти по следу. Он обязательно наведет, зараза. Да и если самого Никкора прижмут к стене, он сразу расколется, сдаст с потрохами. Надо отсюда выметаться. Вот что! – Он решительно посмотрел на девушку, разомлевшую от печного тепла, с раскрасневшимися щеками и блестящими глазами.

В тепле от нее, от ее одежды пахло затхло. Видно, она давно не мылась. Но, правда, Вася привык к этим тяжелым запахам. Да уже и отвык, пока добирался до этого города. Воля – как воздух, дышишь и не замечаешь. Но разве это воля? Еще нет, еще нет. Воля впереди.

– Нам надо уходить, – сказал Вася.

– Да, – тут же согласилась Валя. – Здесь тьма, тьма, тьма. Пойдем туда, где белые ночи.

Вася встал, взялся за рюкзак, позаимствованный на одной остановке, и сказал, что бумагу оставит, обменяет ее на одеяло. Он вытащил рулон проклеенной полиэтиленовой пленкой бумаги, который оказался в этом рюкзаке у какого-то дачника на остановке, и, стащив с железной койки ватное одеяло, сложил его и сунул в рюкзак.

– Больше ничего брать не будем, – сказал он.

– А лампу? – спросила Валя.

– Ладно, – согласился Вася.

– И ножик, – добавила Валя.

– Ок! – ответил Вася.

– Ты мне – я тебе, – сказала Валя. – Но что ты им оставишь?

– Как что, бумагу.

– Бумагу?.. Стены оклеивать?

– Что хотят, то и пускай делают, хоть поэму пишут.

– Иих, – вздохнула глубоко Валя и вдруг твердо сказала, что этого мало.

– В смысле?

– Мало-мало-мало. Мыло-мама-раму-рыло… Хи-хи. Я им оставлю шарф.

– Ты что, дура?

Валя пожала плечами.

– Наверное.

Вася смотрел на нее.

– Без спросу ничего не трогай, так говорила Мартыновна, – объяснила наконец свою позицию Валя.

– Хых-хых-хы-хы! – засмеялся безудержно Вася. – Хыхыхыхы.

– Кроме шуток, правда говорила.

– Так говорил Заратустра! – выпалил Вася.

– Да-а-а? – переспросила Валя. – Какой еще…

– Немецко-персидский придурок.

– Хорошая кличка, – одобрила Валя. – Не то что наш Мюсляй. Уж он-то чужого не упустит. У него не руки – магниты даже на бумажные деньги: все липнет. Он подчистую обобрал Генерала. И нас обдирал как липок. Страшенный зверь. Спаси-оборони, Матушка-заступница.

– Ага… жди, оборонит…

– Типун тебе на язык, как говорит Мартыновна.

– Если б только типун – да и ок, я согласен. Но они сразу руки заламывать, наручники, в кутузку… в обиде за бога на нас с Бакуниным.

– Твой дружок?

– Хых-хыхы!.. Да, так, знакомый один. Ну хорош, пошли… Да не разматывай свой шарф.

– Я без того не пойду.

– Хыхыхы!..

– Проси – и воздастся, а без спросу…

– Слышал, слышал. Так говорил ваш Антизаратустра. Ну, я не знаю… Хочешь – оставайся.

– Нет, я с тобой, – поспешно сказала Валя, снимая длинный шарф и кладя его на стол.

– Так шарф забери! На улице не май.

– Нет.

– Вот же черт!.. Ладно… Тут у меня есть сколько-то… одолженного у Никкора.

И Вася полез в карман, достал бумажные деньги. Мельче сотенных бумажек не было. И Вася решил, что за старое драное одеяло и тупой ножик – это слишком дорого. Тогда они взяли и лампу. Вася смотрел на рулон бумаги и бормотал:

– Надо забрать…

– Зачем?

– От дождя укрываться. Ты знаешь, в Японии вообще дома из бумаги.

Валя засмеялась.

– Не веришь?

– Откуда такое взял?

– Да я про Японию все знаю. У меня и кличка – Фуджи.

– А! Вот! – воскликнула Валя и сделала такое движение руками, как будто ловит что-то в воздухе.

Ловила – и поймала.

– И еще неизвестно, куда лучше ехать, – сказал Вася. – На юг в Украину или на восток к японцам.

– В белые ночи, – ответила Валя.

– Чего?.. На север? Там холодина собачья. Да и все та же Рашка грязная и зачумленная рабством.

В это время послышались шаги. В вагончик заглянул давешний мужик.

– Ну че? Все у вас тут на мази? О, печка тянет. Молодцом. Чаек можно вскипятить в чайнике. Вот, я принес. И заварки прихватил с хлебом и сахаром. – С этими словами мужик

поставил на печку чайник с водой, положил на стол кулек с сахаром и батон. – Кружки вон. Так… А что это? – спросил он, указав на рулон бумаги.

Вася замялся. Валя ответила:

– Для поэмы!

Мужик внимательно посмотрел на нее, щурясь, сдвинул камуфляжную кепку на затылок, обнажая лоб, переходящий плавно в лысину, и тихонько присвистнул.

– Так вы батраки или поэты?

И тут Вася ответил:

– Вольные стрланники.

Мужик не смог удержаться и засмеялся.

– И хто? – спросил он сквозь смех.

Вася собрался с духом, чтобы не картавить, но вовремя нашел синоним:

– Путешественники.

– Вольные? – уточнил мужик.

Вася хотел ответить утвердительно, но вдруг задумался, задумался и ничего не сказал. Зато сказала Валя:

– Калики мы перехожие, дяденька.

Мужик снова засмеялся.

– Оно и видно! Завали меня буина.

– Кто такой? – тут же навострилась Валя.

– Буина-то? – спросил мужик. – А еще узнаете. Ох, ну, бляха-маха, цирк. Лады. Ужинайте и смотрите тут не очень раскочегаривайте печурку-то, а то и петух ночной закукарекает.

И он ушел. Чайник стоял на печи да шипел, и они решили все-таки почаевничать, а потом уже и отправляться в путь-дорогу.

– Что ты там про калек объясняла? – вспомнил Вася.

Валя запела:

– Сорок калик их со каликою-у-у… Оне думали думушку-у-у… А едину думушку крепкую-у-у…

Вася с любопытством наблюдал за нею. Валя преображалась, ее лицо обретало какую-то ясную целостность.

– А итить нам, братцы, дорога не ближнея-а-а… Итти будет ко городу Иерусалиму… Святой святыни помолитися… – Тут она как будто проглотила слово. – …гробу приложитися… Во Ердань-реке искупатися-а-а… Нетленною ризой утеретися-а-а… Итти селами и деревнями-и-и… Городами теми с пригородками-и-и… А в том-та веть заповедь положена-а-а… Кто украдет, или кто солжет… Едина оставить во чистом поле-э-э… И окопать по плеча во сыру землю-у-у…

В это время запел и задребезжал чайник, Вася протянул руку, взялся за дужку и сразу отдернул руку, замахал ею и с проклятьями выскочил на улицу, сунул руку в снег. А Валя тем временем обернула дужку тряпкой, сняла чайник, сбила ножиком крышку и сыпанула в бурлящую воду заварки.

Вася вернулся в вагончик, с неудовольствием глядя на Валю.

– А ты не такая уж глушенная, как кажешься, – сказал он ей.

– Так если железо горячее, – ответила она, – тряпку надо взять, Фуджик.

– Хм. Да ты знаешь хотя бы, что такое Фуджи? – с раздражением спросил Вася, разглядывая обожженные пальцы.

– Не-а.

– Гора. Самая крутая гора в мире.

Валя захихикала.

– Чего ржешь? Ее фотографируют и рисуют все кому не лень. Вулкан! Фуджи – по-японски крутизна.

Валя повалилась на койку, продолжая смеяться. Вася взялся левой рукой за дужку, обернутую тряпкой, налил в кружку чая, посластил его и принялся пить. Хотел отломать кусок батона, но вспомнил о ножике и откромсал пласт.

Отсмеявшись, к нему присоединилась и Валя.

– Да-а… – бормотал Вася, – зараза… обжегся на ночь глядя… На улице ветер… Может, они и не видели, как мы садились в эту машину… А если и видели, откуда знают, куда мы? Тем более свернули… Интересно, сколько кэмэ мы уже проехали?

Валя сербала чай. Она расстегнулась, стащила большую вязаную шапку с помпоном, смешно вытягивала губы и громко прихлебывала.

Вася покосился на нее.

– Как лошадь.

Валя повела крупными карими глазами и промолчала.

После чаепития она стала деловито застегиваться, озираться.

– Да не, – сказал Вася, – слушай… Лучше нам пока остаться.

Валя взглянула на него и покачала головой.

– Не-а, надо уходить.

– Почему? – удивленно спросил Вася.

– Не знаю, – призналась она и вдруг прижала руки к груди. – Фу-у-джик, пойдем, а? Ну пойдем отсюда? Чего ты? Пойдем.

– Да постой ты… Нас вон чаем угостили, кров дали… Вижу, сколько Вальчонка не корми… Нет, останемся. Куда мы? А тут печка, чайник.

– Его можно купить, – быстро сказала она.

– Успеется. Вот накопим деньжат, закупим продуктов, палатку. А может, лодку. И тогда по весенней воде – и ускользнем. Пока лед еще на реках.

И они остались, вынули из рюкзака одеяло, поставили в угол рулон бумаги, сняли верхнюю одежду, обувь и легли на скрипучие железные койки. Вася задул лампу. В печке догорали дрова. Пахло дымком и грязной одеждой. Валя звучно скреблась в голове.

– У тебя что, вши? – спросил Вася.

– Не-а, – ответила Валя, продолжая чесаться. – Это от жары.

Молчали. По снегу кто-то подбежал к вагончику. Замер. Валя и Вася тоже затаились. Кто-то прошел вдоль вагончика, снова приблизился к двери. Послышалось дыхание. Потом шаги удалились, и все стихло.

Вскоре Вася засопел, всхрапнул, что-то пробормотал…

Мрачные ущелья

…мрачные ущелья, но не в горах, и стены ущелий были не каменные, а какие-то костяные, что ли, и колонны тянулись, да костяные и бамбуковые, внушительные, гигантские. И летел рядом с ними, медленно поднимался, озираясь и говоря себе, что надо все запомнить, надо запомнить. Со стороны, видимо, был похож на комарика.

Щелк! Щелк! Жжжж, вторая серия.

Фабрика. Работницы в синих косынках, синих передниках. У одной из девушек робко интересуется, какой сейчас год. Она удивленно смотрит.

– Как «какой»? Вы чего?

Ну, начал что-то мямлить про память, обстоятельства… Она озадаченно улыбнулась и отошла к подружке, зашептала ей…

Появился мастер или даже начальник цеха. Надо уносить ноги. Как же это делается здесь? А так – буквально: оторвались ноги от пола и полетел по цехам, ввергая в смятение работниц и рабочих. Выход! Выход! Где же выход?

Увидел и рванул к нему, выпорхнул, как мотылек в форточку. На улице понял, что находится в Москве. Да вот какого года Москва?

Уже скромно шагал и не решался ни у кого спрашивать ничего. Но вот заметил женщину в беретке с сумочкой. И обратился к ней с тем же вопросом. Она шарахнулась, но все-таки бросила:

– Газеты читать надо!

И тут осенило. Конечно! Это лучший способ незаметно узнать время. Принялся искать газетный стенд и вскоре увидел его. Под стеклом газета. Но медлил, не подходил. И вот по какой причине.

Дело в том, что, когда начинаешь что-то читать, это означает скорое завершение всего. Обычно сразу все и уплывает из рук. Любопытная особенность, о которой надо еще поразмышлять. Впрочем, уже и сейчас можно сказать следующее. Текст, как правило, структурирует сознание, поток образов, мыслей. Следовательно, это действует на вольный полет бессознательного, как разряд электричества.

Ну в общем, поборов страх, приблизился к стенду. И сразу прочел, что газета вышла в 1937 году.

Валя еще вставала попить. Смотрела в окно. Потом и она затихла *в зрительном зале. Вдруг над головами сидящих замелькала тень.*

– Это птица! – крикнул кто-то.

– Да, да! Птица пролетела!

– Кто-то умер!

И действительно, в третьем ряду обнаружили мертвого человека. Старуху с петлей на шее. Все собрались возле нее, заглядывая брезгливо и участливо… И внезапно она открыла маленькие, злые, цепкие, черные глазки и уставилась на меня.

– Вы оба умерли, – произнесла она сдавленно.

Утром их разбудил Эдик. Он постучал в дверь, не дожидаясь ответа, распахнул ее и вошел. Начал шуметь, укорять, что так поздно встают, – да еще и не встают вовсе, а дрыхнут на седьмом небе, так дело не пойдет, здесь не санаторий и не пионерский лагерь…

– …с какао, – тут же подхватил Вася.

– Борис Юрьевич вас принял подсобными рабочими, так и вставайте подсоблять. – Мужик посмотрел на часы и сказал, что дает им двадцать минут, ладно, полчаса на завтрак и ждет вон у того краснокирпичного здания.

А где взять воды, не сказал, ушел, хмуря русые брови и кругля синие маленькие глазки. Вася обошел вокруг вагончика, но воды не обнаружил. Тогда он набил снегом пустую жестяную банку из-под помидоров, валявшуюся под столом, взялся щепать полено, долго не мог развести огонь, а Валя все валялась на койке, закутавшись в рваное ватное одеяло, и не желала выползать на холод.

– Ты че, не умеешь? – хриплым со сна голосом спросила она. – У меня бабка за пять секунд печь затопляла. И я могла. Потом разучилася.

Вася посмотрел на нее и ничего не ответил. И снова зажигал спички. Наконец огонек занялся.

– Я, – сказал Вася, распрямляясь, – знаешь сколько кострлов на своем веку зажег?

– Сколько? – поинтересовалась Валя, следя за ним из своего кокона.

– Столько, сколько положено индейцу.

Валя почтительно замолчала.

Вася поставил банку со снегом на печку.

– Дерьмо, зараза, проклятье, – заругался он. – Разве за полчаса тут управишься? Мы что, в армии? Или на заводе?

– А ты служил?

– Нет.

– А на заводе?

– Нет. Нет. Нет. Я с детства люблю одно.

– Что?

– Чего нет.

– А чего нет? Чего? Ну чего?

Вася усмехнулся.

– Скажи – и тебе захочется.

– Фуджик, пожалуйста, ну скажи.

– Волю вольную. Врубаешься? Как твои сорок калек… Хотя небось богомольцы. А это уже рабство. Где ты научилась этим песенкам всяким?

– А? А?.. Ммм… Ммм… – Валя зевнула. – В туалете.

– Хыхыхыхыхы, – Вася смеялся. – В консерваторском, наверное? У Сани Муссолини мамка уборщицей в консерватории работает, так он приобщался к классике… пока грибов не обожрался и не попробовал какой-то пруд перейти, как ваш боженька. Затонул.

– Не-а. На Соборной горе. Там был врытый в землю туалет, теплый, просторный, хороший, с коридорчиками, мы в них спали, и нас не выгоняли святые отцы. Генерал говорил, что это прям бункер. И водичка – пожалуйста, мойся скоко хошь. И розетка. Мюсляй включал кипятильник, чай варили, вьетнамскую эту лапшу заваривали. Вку-у-усно.

– Хыхыхыхых-хы, – смеялся Вася. – Ляпота. Русь святая. Оказывается, вон где она. А Никкор что-то, мол, куда мы едем, на поиски ее. А она уже здесь. Хыхыхыхых-хы. Хыхыхых-хых. И все хорошо. Попы на лимузинах, патриарх на вертолетах-самолетах-поездах с часами, за которые можно пенсионеру десять лет жить. Или какому-нибудь поэту-художнику, они народ не требовательный. Или…

– Мне! – воскликнула Валя.

– И тебе, – сказал Вася, вставая и уходя.

Вернулся он с большим комом снега, опустил его в банку.

– Наверное, это он и постарался? – весело спросил Вася.

– Чего?

– Ну, святую такую Русь учредить для вас на той горе? Он же тут у вас много лет служил, делишки свои обделывал с продажей сигарет, водки. И с тех денег да хоромы-туалет отгрохал? Хыхыхыхыхых.

– Кто?

– Да патриарх ваш!

– А ваш?

– Что?.. Наш? Мой патриарх – Бакунин. На все времена. Форевер. А если копнуть глубже, то Чжуанцзы.

Валя выпростала из своего кокона руку и перекрестилась.

– Ты как гусеница, кстати, в этом одеяле. Может, превратишься и в бабочку. У китайского патриарха есть про это. Мол, однажды он уснул и приснился себе бабочкой, а когда проснулся, не мог врубиться, то ли он в самом деле Чжуанцзы, которому лишь приснилась бабочка, то ли он все еще бабочка, которой снится Чжуанцзы.

Валя перестала креститься и шептать молитву и удивленно уставилась на Васю.

– О-о-о, – протянула она.

– Ага, – отозвался Вася.

Валя понемногу выползала из одеяла. Железная печка быстро согревала настывший за ночь воздух в вагончике. И наконец, она скинула одеяло и, проведя рукой по лицу, потянулась. Вася, глядя на нее, хмыкнул.

– Как по-писаному… Ну и кто там у вас пел-то?

– Мартыновна, – ответила Валя. – Она этих песен знала уйму.

– Откуда?

Валя пожала плечами. Волосы у нее были всклокочены, как у льва грива или у рокера с бодуна. Вася отвернулся.

– Фуджик, – позвала Валя, когда они уже пили вчерашний разогретый чай. – Крилю не ругай, а?

– Какого?.. – спросил Вася и вдруг сообразил. – Патриарха?

– А то буду крыть твоего Буку.

Вася засмеялся.

– Ну и пожалуйста. Они уже померли. И полиция их не охраняет, как твоего Крилю. Хотя охранять его должны серафимы шестикрылые. Нет – полицейские с автоматами, как босса политического, а не батюшку. Хыхы!.. Ладно, Вальчонок! Жизнь покажет, кто, чей патриарх прав. Но только фишка-то в чем? В том, что… Ну, не будем об этом. А то еще ляпнешь.

– Скажи, не ляпну.

– Ляпнешь.

– Не-а.

– Да-а. Все!

Когда они доели батон и весь сахар и допили настоявшийся за ночь горький чай, Вася встал и надел свое пальто с цигейковым воротником. А Валя заупрямилась. В теплом вагончике разомлела и не хотела куда-то еще идти. Вася ее убеждал, что идти просто необходимо. Иногда надо ради большой свободы придушить маленькую. Валя хныкала, она вообще ни о чем ни с кем не договаривалась, спала, а проснулась уже здесь, а раз Вася о чем-то договаривался, то и пусть сам теперь отвечает. Вася отвечал, что им здесь необходимо пожить до половодья и перелетных птиц, скопить деньжат и двинуться дальше, в теплые края.

– Птицы сюда, а мы отсюда?

– Да. Поменяемся местами проживания.

– Нет, не пойду.

Вася плюнул и пошел один.

В краснокирпичном здании был гараж и там копался в тракторе какой-то мужик в измазанном комбинезоне. Вася поздоровался. Тот посмотрел на него и ответил. Вася с изумлением узнавал в нем вчерашнего Бориса Юрьевича.

– Ну что, устроились? – спросил Юрьевич.

Вася кивнул.

– А где подруга?

Вася засопел, глядя под ноги.

– Ну… Еще не собралась, – сказал он наконец.

– Хорошо, – ответил Юрьевич. – Вон на стенке вешалка с робами, выбирай для нее и для себя, переодевайтесь и поступайте в полное распоряжение Эдуарда Игоревича.

Вася снял пару грязных брезентовых курток и штанов и снова отправился в вагончик. Валя *входила в разрушенную башню и в одном проломе видела залитые солнцем руины какого-то города, а в другом – берег моря. Посреди башни грудой лежали щиты, шлемы и мечи с копьями, на шлемах колыхались перья, и с одного султана на другой перелетала бабочка.*

Он растолкал ее. Валя распахнула глаза, и в них что-то нездешнее мерцало и струилось, так что Вася оторопело молчал.

– Ты чего? – спросила Валя.

– Ничего, робу принес. Одевайся, пошли.

– Роба для рабов, – сказала Валя, с неудовольствием глядя на брезентухи.

– Мы не рабы, – сказал Вася, – а временнообязанные.

– Мама мыла раму, мылом мыла рыло.

Вася натягивал штаны, потом куртку. Валя к робе не притронулась.

– Как хочешь, но я тебя кормить не собираюсь, – сказал Вася и вышел, хлопнув дверью.

Эдик тоже спрашивал про Валю, Вася отвечал, что у нее что-то болит, что-то ей нездоровится, короче. Эдик хмыкал и объяснял, что к чему.

– Вот это шед, – говорил он, указывая на сооружение с двускатной железной крышей и какими-то ящиками внутри. – Один шед, за ним второй, там третий, четвертый. Пошли.

Они вошли внутрь шеда. Резко пахло. Сквозь сетчатые окошки ящиков глазели новозеландцы. Красные. Какие-то карлики, с ужасом подумал Вася. Но это были кролики. В шедах они и обитали. Вася и Валя должны были убирать за ними, поить и кормить их. Вот и все. За это их тоже будут кормить и поить, а еще и приплачивать по пять тысяч. Эдик отвел Васю в дальний угол фермы, где была яма для кроличьего навоза. Вонь стояла невидимым атомным грибом над ямой. Также Эдик показал склад кормов. Кролики были не дураки поесть. В рацион входило много всего: картошка сырая и вареная, сено, солома, брюква, силос, зерно, костная мука, мел, морковь, капуста, соль, ну а летом еще трава, ботва и зеленые ветки.

– Ну и все, поэт, начинай, – сказал Эдик, почесывая русые бакенбарды и ухмыляясь. – Проходишь по шеду и насыпаешь вот столько корму в железные миски, вделанные в клетки. А в другую мисочку – водички. А в эту пазуху – сена. А вот из этого желоба какашки сметаешь, сметаешь – сюда. В ведро. И на тележку с обрезанной бочкой. Ну? Усек? А когда в бочке порядочно наберется какашек, гарцуешь к яме.

Эдик доставал сигареты, закуривал.

– Давай, я погляжу, – сказал с дымом.

Вася зачерпнул комбикорм из ведра и насыпал в миску.

– Много-то не сыпь! – сказал Эдик. – Во-о-т. Так. Сам откуда?

Вася быстро взглянул на него, шмыгнул носом.

– Я-а? – спросил, отводя глаза.

– Ну не кроли же. Они известно откуда – с Новозеландии!

– А я из Австралии, – решил отшутиться Вася.

– Откуда? – переспросил Эдик.

– Оттуда, – ответил Вася.

Эдик пристально посмотрел на него, щурясь.

– Ладно, астронавт, давай продолжай. Приду – проверю.

И он ушел, а Вася ходил сначала между нижним ярусом клеток и насыпал корм, потом взял стремянку и принялся то же делать на втором ярусе. Новозеландцы прядали толстыми ушами и куда-то то убегали, в еще одну будто комнатушку в клетке, то возвращались, тыкались носами в сетку, шевелили усами. Наверное, их беспокоил новый кормилец. Красные кролики были хороши. Действительно, шерсть у них отливала красным, ну точнее светлым шоколадом… Или какао?..

– Вот бы наши удивились, – бормотал Вася. – Зараза… Жалко, нет фотика все запротоколировать, а то и не поверят. Красные в клетках. Ххы-хы-ыыы. При Сталине за такое расстреляли б.

Позже Эдик пришел проверить, что тут наработал Вася. Посмотрел и заругался. В некоторых мисках корма было меньше, а в других больше, и в нескольких мисках уже почти не было воды. Вася снова принялся возиться с кормом. До обеда не управился. А есть уже хотелось зверски. И он направился к гаражу. Но там уже никого не было. Тогда он пошел к небольшому щитовому домику, выкрашенному в салатовый цвет. Подергал дверь, постучался. Никто не открыл. Вася озирался. Направился к другому дому, кирпичному, двухэтажному, с крышей под черепицу. Черный рослый пес встал, увидев его, и подошел к ограде.

– Вот зараза, – шептал Вася, косясь на собаку. – Настоящая собака Баскервилей.

Пес обнажил белые клыки и тихонько зарычал.

Дверь вдруг открылась, и на крыльцо вышла женщина в джинсах и клетчатой рубашке, с распущенными светлыми волосами. Вася поздоровался и спросил, где здесь вообще есть магазин. Женщина ответила, что до ближайшего магазина далековато, пешком не пойдешь. Из-за женщины выглядывала девочка с косичками и бантами, рассматривала с любопытством Васю.

– Что же делать? – спросил Вася.

Женщина посмотрела на часы.

– О, уже время обеда. Вы ведь новый работник? Обед вам дадут у Эдуарда Игоревича, его мама готовит. – С этими словами она показала на светло-зеленый домик.

Вася оглянулся и ответил, что уже был там, дергал дверь – закрыто.

– Да-а? Странно. Хорошо, сейчас я позвоню Надежде Васильевне.

Она попросила девочку принести телефон. Та убежала и вскоре вернулась с мобильником. Женщина позвонила. Некоторое время она молчала, разглядывая Васю, потом слегка улыбнулась и заговорила. Вася ждал, прислушиваясь и поглядывая на пса.

– Ну вот и все, можете идти, – сказала женщина.

Вася снова пошел к салатовому дому с желтыми наличниками. И только взошел на крыльцо, собираясь взяться за ручку, как дверь открылась. В дверном проеме появилась старая женщина в домашнем халате, с повязанной белым платком головой – узлом назад. Она держала пластмассовую коробку в руках, покрытых пигментными пятнами, как и лицо. Взгляд ее был суров.

– Здрасьте, – пробормотал Вася.

Старуха кивнула, протягивая коробку.

– На, держи токо так, а то разольешь, – сказала она.

– А что это? – спросил Вася.

– Еда, что ж еще, – ответила она и посмотрела за Васю. – А где еще один едок?

Вася тоже оглянулся.

– А-а… Сейчас придет.

– Помойте и назад принесите, – сказала старуха и закрыла дверь.

Слышно было, как она звякнула задвижкой. Вася даже не успел поблагодарить. С теплой коробкой он пошел в вагончик. Где-то тарахтел трактор. Вокруг простирались белые поля, точнее, желтоватые уже после долгой зимы. Дорога куда-то уходила. На старых березах каркали

вороны. Жизнь была полна тоски и зимней безысходности. Ну, то есть пейзаж… А значит, и жизнь. Вася поежился, бормоча свое: «Проклятье, дерьмо, зараза».

В вагончике

В вагончике воздух снова настыл. Валя сидела, закутавшись в свое и Васино одеяло.

– Вот блин! – воскликнул Вася. – Ты хотя бы печку топила. И чего мое одеяло стащила?

– А что, Фуджик? Что? Нельзя, да? Тебе жалко? Жалко?

– Не жалко…

– А я знаю, ты не жадный!

– Откуда ты меня знаешь? Мы знакомы второй день… Хм. – Вася сам был удивлен.

– Знаю, вижу.

– А вот и не знаешь, – отрезал Вася, ставя коробку на стол и раскрывая ее.

Сразу пахнуло вкусно. В коробке, оказывается, были отделения: для хлеба, для супа, для картошки и жареной колбасы.

Валя потянула носом и откинула одеяла.

– Ой, вкуснотища-то какая у тебя!..

– Только не для тебя, ясно? – строго спросил Вася. – Нюхать можешь, конечно, сколько влезет. А есть я буду один. Ибо сказано твоим Антизаратустрой: кто не работает, тот не ест.

Валя хлопала глазами.

– Васечка, Фуджик… – лепетала она. – Говорится и по-другому: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды?» Вот как. А еще и так: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» Это любимые речи Мартыновны, про птиц особенно. И все у нас это любили, такие-то слова. Даже Мюсляй, нехристь, повторял, что ага, ага, мы как птицы небесные, пусть и подают нам, голубей же кормят батонами.

Вася безжалостно принялся есть. На ясные карие глаза Вали навернулись слезы.

– Ва-а-ся-а… ты же не такой злой, ты же лучше, зачем так-то себя уродоваешь?

– Ладно. На этот раз так и быть, – сказал Вася. – Иди в зеленый дом с желтыми окошками. Там бабка Васильевна тебя ждет. Но учти, не пойдешь со мной в шеды – ничего больше не получишь.

– Пойду, пойду, – бормотала Валя, торопливо обуваясь. – В шведы, так в шведы, с тобой куда хошь.

– Хыхыхыхх! – засмеялся Вася. – Хыхыхыхх!.. Засел у тебя в голове север.

Валя вышла из вагончика, но тут же вернулась.

– А что ей сказать? От кого я? От тебя?

– От себя. Мы в работниках с тобой у фермера Бориса Юрьевича. Вот и все. По пять тысяч нам будут платить, да еще кормежка. Чем плохо? К половодью получим тысяч десять да и отчалим. Главное, здесь документов не требуют.

Валя снова исчезла, но опять показалась.

– Фасечка, а может, ты за моей коробкой сходишь? Ну? Нууу? А то я боюся. А потом уже вместе будем ходить. Обещаю, обещаю, обещаю. Но не клянусь.

Вася перестал есть.

– Почему это?

– А потому. Потому что от лукавого. И надо только говорить: да и нет, но не клясться. Грех клясться. И небом грех, и Иерусалимом. И даже своей головой нельзя. Потому как не сделать ни одного волоса самому ни белым, ни черным…

– А рыжим? – спросил Вася.

– Он все может.

– Кто, боженька?

– Не поминай, Вася, имя всуе. Семьдесят Второй этого не любит.

– Чего? Кто-кто?

– Ох, Фасечка, сходи, а? Ну пожалуйста, по-жа-луй-ста. А? А?

– Нет, не пойду. Она подумает, что я хочу за себя и за тебя уплетать. Не пойду. Баста.

Валя покорно вздохнула и вошла в вагончик.

– Ты чего?

– Боюся.

– Хыхыхх!.. В туалете под землей жизнь проводить она не боится, вместе с гоп-компанией-то? Там небось у вас и убийцы, воры, насильники всякие. Кликухи какие: Мюсляй, Генерал, Мартыновна… И милостыню клянчить не в лом. А тут – ну белоснежка прямо, дюймовочка. Хыхыхх!

Валя молча сидела и разглаживала ладонью одеяло. Вася передернулся и продолжил обед. Потом бросил ложку.

– Челрт! Проклятье! Ешь, я ко второму не притронулся. Только вымой потом все и отнеси бабке.

И он вышел из вагончика, нахлобучив вязаную шапку. Отправился в шеды. Шведы. Хм. Хых, хы-хы-хы…

До вечера он работал; закончив с кормом и водой, выметал катышки навоза по желобам, собирал в ржавое ведро и ссыпал в разрезанную надвое железную бочку на колесах и с приваренными трубами, потом катил эту тележку в самый дальний край фермы, перебрасывал навоз в яму, дурея от нестерпимой вони. А это еще зима, конец зимы. Что же будет летом?

– Хорошо, что мы к тому времени сдернем отсюда, – говорил Вася. – По рекам в Киев. А то и в море. И прощай, Рашка-замарашка. Рашка-смирительная-рубашка. Почему я в ней должен мучиться?! Только бы Никкор не сдал меня. Убегу, как Бука. Томск – Иркутск – Япония – Америка – Англия… Но, пожалуй, в Японии я и останусь. В бумажном домике. С видом на Фуджи… Хыхыхыхыхыхх!.. И Кропоткин так же убежал. Правда, через север… А! Снова север. Может… может, где-то на севере есть еще неопознанные острова… ну хотя бы один островок… свободы? В южных водах есть один «остров свободы», но свободу там кастрировал Кастро. Как обычно у коммунистов и прочих им подобных… проклятье. Что Пол Пот со свалками черепов простреленных в джунглях, что Мао, что эти мордастые корейцы Чим Бым Ым… Ни Бе Ни Ме про голодающих и мерзнущих сограждан. Зараза…

Эдик проверил его работу, похмыкал, велел убирать чище.

Идя к вагончику, Вася увидел, что из железной трубы струится дымок, и улыбнулся, потер нос. А в окне вагончика желтела горящая лампа.

В вагончике было тепло. Вася сразу скинул робу. И тут же увидел коробку пластмассовую и помрачнел. А Валя ему улыбалась, сидя на койке.

– Кхм, ну… снова. Валентина?

Валя аж вздрогнула и вытаращилась на него.

– Валентина! Ты чего не отнесла коробку?

Он заглянул внутрь, все было вымыто. Валя отмалчивалась.

– Сколько времени? – спросил Вася. – Пора уже топать за ужином?

Валя пожала плечами.

– У тебя, что, нет часов?

Она покачала отрицательно головой.

– Хы. Хы-хы… И у меня нет, – сказал Вася. – Отобрали. Как же мы будем узнавать время?.. Вот дерьмо… И солнца нет.

Просидев в вагончике еще минут двадцать, Вася решил пойти за ужином. Он позвал Валю, но та снова не хотела идти. Они начали препираться. Вася в сердцах бросил коробку на пол. Потом поднял.

– Ладно, подруга, хых, пора прекращать это путешествие. Уезжай завтра.

– Куда?

– Да в туалет свой!..

Валя подняла брови и сказала, что туалет уже закрыт и ликвидирован, а вместо него наверху в другом месте поставили такую железную будку.

– А где же вы тусовались? – спросил Вася.

Она ответила, что в одном доме после пожара, там кое-что уцелело, крыша, стены, только все сильно обгорело, но они натаскали досок, Мюсляй достал молоток, гвозди, целлофан на окна, а печка там была, вот и зажили. Одна сердобольная женщина, Адамовна, дала им старый диван и раскладушку, одеяла. Другой житель Соборной горы подарил топор. А матушка Татиана вручила две иконы: Одигитрию и Герасима Болдинского. Вот и зажили. А прежних владельцев того дома и той земли уже нет: спьяну и погорели насмерть.

– Ну вот туда и поезжай нафиг.

– Да на чем же я уеду отсюдова, Фуджик? – плаксиво спросила она.

– Фермера попроси.

– Так он же не таксист? И денег у меня нету.

– Я дам на дорогу. Никкор мне кинул чуток.

Валя посмотрела на печку, вытянула руки и пощупала идущий от нее жар. И встала, надела куртку, шапку. Вместе они пошли к щитовому домику.

Дверь на этот раз была открыта, в окнах уже горел свет. Вася прошел в сени, там постучал в другую дверь.

– Давай! Заходь! – крикнули.

Он вошел. В освещенной кухне у стола стояла Надежда Васильевна в фартуке.

– Здрасьте, – снова поздоровался Вася, держа коробку.

Старая женщина зыркнула на него и промолчала.

– Чего рано приперся? – крикнул из комнаты, где на разные голоса тараторил телевизор, Эдик. – Ужин в семь. То бишь в девятнадцать ноль-ноль. Еще двадцать минут.

Вася потоптался. По телевизору с сексуальной возбужденностью ведущая горячо палила про Сирию: «Боевики ИГИЛ, запрещенной в России, взорвали центральную библиотеку иракского города Мосул. В результате взрыва в здании возник пожар. Во дворе библиотеки боевики развели костер из книг и рукописей. Всего ими было сожжено…»

– Иди погуляй! – крикнул Эдик сквозь трескотню ведущей.

– Судок-то оставь, – потребовала Надежда Васильевна.

Вася вернулся к Вале, голодно взглянувшей на него из-под наползшей на лоб шапки.

– А ты и вправду Вальчонок, – сказал Вася. – Рано пришли.

И они пошли по тракторным колеям. Над полями нависало свинцовое небо. Было уже почти темно. Но снег как-то все и подсвечивал.

– Мистическая картинка, – бормотал Вася, – жалко, нет моей «Фуджи». Выложил бы в Фейсбуке.

Валя посмотрела на него, странно блестя глазами, но ничего не сказала.

Снег хрустел

Снег хрустел и железно скрежетал под их ногами. В сумраке плыла шеренга больших берез, как будто флотилия кораблей с мачтами, покрытыми водорослями. Они шли и шли, пока вдруг не оказались на берегу реки.

– Река?! – воскликнул Вася.

Он начал спускаться по склону в снегу. Валя остановилась и сверху наблюдала за ним. Вася осторожно ступил на лед, укрытый снегом. И вдруг в тишине раздалось мелодичное: «Длон-длон-длон». Вася замер, потом оглянулся. Валя рылась за пазухой – и достала мобильник, посмотрела на дисплей – и ее лицо стало фосфорически синим, как у героини «Аватара». У Васи и возникло такое чувство, будто он парит верхом на драконе, сорвавшись со скалы… ну или сам по себе, как обычно, зачем ему летающие животные?

И Валя заговорила по телефону. Отвечала: «Да?! Да! Да…» и: «Нет! Нет. Нет…»

Вася карабкался на берег, цепляясь за лед, снег. Валя уже закончила переговоры и убрала трубку.

– …Х-ххых!.. У тебя мобила? – задыхаясь, спросил Вася.

Валя кивнула.

– Фу!.. – Вася дышал тяжело. – Твоя?

Валя кивнула.

– Откуда? – допытывался Вася.

– Подарили мне, подарили, и все.

Валя сторонилась, глядела исподлобья, сжималась.

– Хыхых…

– Подарок, подарок, – бормотала девушка, отступая и даже как будто собираясь убегать.

– Так… что ж ты молчала? – спросил Вася. – Там же есть часы. Ты что, глупенькая, да? Дай посмотрю.

Валя отступила еще дальше и покачала головой.

– Да только посмотрю.

Но она отступала.

– Ну, я всегда знал, что это мафия, – сказал Вася. – Нищебродский Кремль. У вас, наверное, и пахан свой имеется? Президент? Премьер? Сладкая парочка рокировщиков-фокусников. И Дума?.. С кем войну ведете? С украинскими нищебродами? Или сирийскими? С американскими?.. Да, у них тоже есть бомжи. Но хоть книг не жжете. Не жжете? Как игиловцы?

– Не-а, – отчужденно сказала Валя.

– Ладно, нафиг мне не нужен твой мобильник. Но ты хотя бы время по нему смотри, ага?.. И не говори никому, где мы. Понимаешь?

Валя кивнула, но тут же спросила почему.

– А-а, долго объяснять. Но, короче, меня схватят. За мной охотятся.

– Кто? – широко раскрыв глаза, спросила Валя.

– Мафия, кто ж еще, – сказал Вася. – Но… хотел бы я знать, где ты будешь брать деньги для пополнения баланса. Работать-то не желаешь. А попрошайничать здесь не у кого. Или у тебя там, в подкладке, вшиты банкноты?

Она отрицательно покачала головой и тут же спросила, что это такое.

– Банкноты?.. Бумажки банковские. Деньги, зараза-дерьмо-проклятье…

Они пошли назад. Вася споткнулся и, не удержавшись, упал, заругался.

– Проклятье!.. Надо фонарик.

– Фонарь, – подсказала Валя.

– Хыхыхы… Смотреть керосиновые сны.

На этот раз Вася вошел без стука. Васильевна была в кухне, а из комнаты доносился возбужденный спор какого-то ток-шоу. Слышались выкрики о музыкантах, поддерживающих хунту, о национал-предателях Бабченко, Макаревиче, о русофобе Невзорове. Но тут же Эдик переключился на другую программу, воскликнув: «А пошли вы все на хер!..» Следом за этим заскрипели тормоза, раздался душераздирающий крик и загрохотали выстрелы.

Васильевна указала на коробку. Вася взял ее со стола и торопливо пошел прочь.

– Так где второй-то? – резко спросила Васильевна.

– Там, – ответил Вася. – В смысле, тут.

– Ну так пусть забирает, сейчас заполню.

Вася вышел на улицу, набрал холодного воздуха, выдохнул, кивнул на дверь и сказал Вале:

– Зовут.

Валя быстро перекрестилась и вошла в дом. Вася, глядя на это, просмеялся по своей привычке:

– Ну примадонна, а не попрошайка.

Вскоре Валя появилась со своей коробкой, и они отправились трапезничать в вагончик. Прежде чем усесться за стол, Вася зажег керосиновую лампу и затопил печку. Валя тем временем молилась да крестилась и шептала «Отче наш иже еси на небесех…» и так далее.

Наконец они открыли свои коробки.

– Что это у нас? – пробормотал Вася, беря ложку.

– Макароны, – сказала Валя.

– Ххыхыхых!.. Как в тюрьме…

Валя быстро на него взглянула. Вася поймал ее взгляд.

– Что смотришь? – спросил он. – Как прокурор?

– Ничего, – ответила Валя, отводя глаза.

Позже, когда они улеглись на свои койки в натопленном вагончике, Валя спросила:

– А ты там, на берегу, говорил… говорил…

– Что? – осоловело спрашивал Вася.

Тепло и сытость разморили его, да и целый день труда, физического труда, к которому он вовсе не был привычен.

Валя молчала, вздыхала.

– Что… – снова пробормотал он, уже почти засыпая.

– Про Фуджу, – сказала Валя. – Это твоя баба?

– Фуджи – это… это вулкан.

– Ты сказал… сказал… жалел, что нет тут твоей Фуджи, – почти дословно воспроизвела его реплику Валя.

– Да?.. А, это… это камера… Фирма такая японская, производит их. Камеры. Так они и называются – «Фуджи».

– Для кино? Ты киношник? Кинокамера?

– Хыхыхых, – засмеялся Вася. – Нет, я человек пока. А «Фуджи» – фотик. Но у меня его изъяли… Как и вообще всю технику. Ну комп, мобилу. Только велосипед не взяли. А зря. Я на нем могу въехать в мавзолей… Или в ворота Кремля врубиться в знак протеста. Хыхыхыхых…

– Гора… фотик… камера… – бормотала Валя.

– Да это мне тот фотограф дал кличку – Фуджи, потому что люблю фотики этой фирмы. А я ему дал кличку Никкор, он любитель «Никона». Свадьбы снимает.

– А ты?

– Я? Нет. Я так… свободный художник. Любитель.

– А кем ты работал?

– Хыхыхыхых!.. Хыхыхых!.. – Вася зашелся своим смехом. – А ты?..

– Я-а-а? – изумленно спросила Валя.

– Ты, ты, ты.

Она не отвечала.

– Тоже, как видно, свободный художник, художница, – заметил Вася.

– Фуй, как жарко, – сказала повеселевшая Валя, стаскивая свитер, потом и темно-голубые штаны толстые спортивные со светло-синими лампасами, трико, две рубашки, пока не осталась в одних трусиках и черной футболке. – Счас бы закурить сигаретку.

– Да ну, – возразил Вася, – развешивать сеть для рака. Легкие и будут такой сетью – обязательно поймаешь. Моя тетка курила, как героиня Гарика Сукачева, только не трубку, а папиросы все. И ей отрезали легкое. А она все равно курила. Ну и в одно легкое набилось порядочно этих с клешнями, задушили ее. Нет. Мне воздух нравится! Синее небо…

– А на Соборной же горе ты курил? – напомнила Валя.

– Чтобы согреться, расслабиться, – сказал Вася. – Ну… сам не знаю зачем. Ты закурила, тогда и я. Так просто… А вообще не курю.

Вася уже плохо различал ответ Вали. Она еще что-то говорила, ерзала на кровати, скрипела пружинами.

Набрел в солнечный и заснеженный день на заросли шиповника за холмами. «Одет в рубище, но за пазухой нефрит», – проговорил кто-то.

Сполохи алых плодов в зарослях шиповника и были похожи на блики печные. А дао и есть плавильная печь, где одно перетекает в другое. А вообще эти заросли напоминали какой-то сад. И я снова подумал о Чжуанцзы. Ведь он служил смотрителем сада. Озирался. Не появится ли? Кто-то же сказал про нефрит и рубище. Не появится ли садовник? Чжуанцзы. Он же и служил смотрителем сада… только какого-то другого. А потом и эту должность бросил, чтобы спокойно скитаться по Поднебесной в заплатанной одежде из грубого холста, в сандалиях, подвязанных веревкой. Хо-хо!.. Бедность, а не рабство.

Но когда вышел на мост, то увидел, что льда нет, совсем нет, вот удивительно-то, правда. Стал смотреть. А в воде резвятся рыбки. Вот радость! Хых!..

– Ты же не рыба, откуда тебе знать? – снова спросил кто-то.

И тогда возмущение охватило меня и предчувствие какого-то счастья.

И я сказал в воздух:

– Но я и не шиповник, а знаю его радость!

Хы-хы-хы… Хы-хы-хы…

Вася заворочался, всхрапнул и разбудил Валю. Она привстала, озираясь, и снова уронила голову.

…Капает. Кап-кап-кап… То ли дождь, то ли с деревьев. Сыро. А в домике хорошо, сухо, тепло, ах, ах, как хорошо!.. Но… Но кто-то дергает угол. Ну? Ну?.. Лень посмотреть, так устала, что до сих пор не хочется лишний раз…Так устала убегать, все убегала по снегу, по снегу. Ладно, привстала, смотрю в оконце. Никого. И внезапно замечаю дырку. В моем новом легком домике. Ах да! вечером перед оконцем торчали две жабы. Две, две, две жабы. Как они могли сжевать угол домика?.. Так он же бумажный?! Ой, ой, а если… если огонь-огонь-огонь, мамочки, Матушка!.. И в это время снова кто-то взялся дергать… Дерг, дерг, дерг. Силуэт на стене. Кто это? Кто это? Мышь! Злобная мышь!.. Как дала ей щелбанец сквозь бумагу! Мышь подскочила как ужаленная и, крикнув, исчезла.

– Жалко, нет такой должности, – говорил утром за чаем Вася, – фотограф снов. Вот это было бы круто. А свадьбы – что… Одно и то же, козлиные прыжки, фужеры, костюмы, платья…

– Безо всего было бы лучше? – спросила Валя.

– Ну. Как Адам и Ева. Какая там была самая первая свадьба?.. Хыхых… Среди гостей змий, потом всякие зверушки, да? Лев с овцой, олень с волком, птица Сирин, павлин-мавлин… И же-э-э-э-лтогрывый ле-э-э-в да синий вол, исполне-э-э-э-нный очей, – запел, блея, Вася.

Валя зажмурилась.

– Ой, какая песня! А как дальше?

Вася посмотрел на нее удивленно.

– *С ними золотой орел небесный, чей так светел взор незабываемый.*

– А всю песню?

– Ты что, прикалываешься? Это же Бэ Гэ.

Глаза Вали расширились.

– Бэ Гэ-э?..

– Боб Гребенщиков. Не слышала?

Она покачала головой.

– Ну дела… И кино не смотрела «Асса»?

– Не-а.

– Где же ты жила?.. Ну не в туалете же на Соборной горе ты родилась?

Валя покачала отрицательно головой.

– А где?

– В деревне.

– Ну и что?! – воскликнул Вася. – Ломоносов тоже в деревне родился. На севере, кстати. Знаешь такого?

– Слыхала, – уклончиво ответила она.

– Да по большому счету сейчас без разницы, деревня или город. Коммунисты все стирали-стирали это различие, а тут пришел мистер Интернет и сразу уравнял всех, как «кольт» когда-то на Диком Западе. Но интернет лучше. Пускай стрельба идет словами. И третья мировая. А она уже развернулась в сети паутины. Там есть свои мухи и пауки. Меня вот сцапали, как муху.

– Ты на муравья похож, – возразила Валя.

– И что, в твоей деревне не было интернета?

– Это с экранчиком-то?.. Было такое у Сашки Мордвина, сам собрал, мы ходили смотреть, как он с актером переписывается. С этим… знаменитым… Кирпичом… Ну, про банду кино такое было.

Вася нетерпеливо мотнул головой.

– Я телевизор не смотрю, а кино у меня по ночам бесплатное и самое крутое.

– Сны? – догадалась Валя.

Вася посмотрел на нее и кивнул.

– Жаль, что с фотиком туда не проникнешь.

– А я их и так зырю, – сказала Валя.

– Ну, свои и я вижу, – ответил он.

– Нет, и чужие, – сказала Валя.

Вася поднял брови, потер нос.

– Хыхы, так тебе и фотик не нужен… Ну, что мне снилось?

– Не хочу говорить, – ответила Валя.

– Почему?

– Потому, – ответила она и вдруг перекрестилась.

Вася начал было мелко смеяться по своему обыкновению, но вдруг замолчал и удивленно взглянул на девушку. Ее жест озадачил его, но он никак не мог вспомнить, что же снилось…

– Ладно, давай собирайся, пойдем трудиться.

– Я позже приду, – сказала Валя.

– Нет, – ответил Вася. – Хватит таскать меня за нос.

Валя прыснула в ладошку.

– Я-а? Я тебя таска-ю-у?

Вася стал серьезен, свел рыжеватые брови к переносице, почесал конопушки на остром носу.

– Валентина, слушай меня предельно внимательно. Я всегда был человеком умственного труда…

– К-какого? – слегка заикаясь, спросила девушка.

– Такого, – ответил он и постучал себя кулаком по лбу.

– П-принимал решения? – спросила она, робея еще сильнее.

– Прлежде всего – думал, – ответил он и снова постучал себя по лбу.

Девушка кивнула, лучисто глядя на него.

– Как наш Мюсляй. Он тоже говорит, что думает за всех.

Вася не выдержал и зашелся своим хихикающим смехом.

– Мыслитель из туалета в горе!.. Я уже жалею, что не встретился с ним. Может, это новый киник Диоген.

Валя замахала на него.

– Ой, не надо с ним тебе встречаться, не надо, не надо. Он тебя прибьет. И меня.

– За что?

– Что ушла с тобой.

– А ты была его… ну, девушкой?

Валя опустила глаза.

– Что, угадал? – спросил Вася.

Она возвела на него крупные карие глаза.

– Мы все его. Даже Мартыновна. Да она улетела.

– Ясно, пахан, президент вашей нищенской шайки. Ладно, дай мне мысль закончить… Так вот, Валя, и на этот физический труд я соглашаюсь по одной причине: чтобы купить лодку и уплыть.

– Куда?

– Да я уже сто раз говорил.

– Скажи еще.

Вася покачал головой.

– Не скажу. Хочешь – участвуй, а нет – так и давай, возвращайся к своему пахану Диогену. Мюсляю. Или как там его.

– Он сам нас скоро догонит.

Вася взъерошил волосы.

– Хых-ха! За нами гонятся попы, полицейские да к тому же и пахан нищей братии? – Он возвел глаза к закопченному потолку. – А еще и сам боженька? Ну, за мои богохульства? Вот это компания! – Вася встал. – Короче, Вальчонок, или ты сейчас идешь со мной к новозеландцам, или…

Валя посмотрела на него вопросительно, откинула прядь грязных волос.

– К кому?

– Я разве не говорил? Ну новозеландцы, – Вася поднял руки и, приложив их к вискам, помахал ладонями, изображая уши.

Глаза Вали

Глаза Вали расширились.

– Какие зеландцы? – спросила она.

– Новые! – ответил Вася. – Красные! Все, пошли, сама увидишь. Целые толпы Red Rabbits[1]. РэРэ.

– Кого? – совершенно сбитая с толку, если можно применить это выражение к Вале, спрашивала девушка, уже собираясь следовать за таким изощренным представителем умственного труда, знающим языки непонятные.

– Сама увидишь, – отвечал Вася, выходя из вагончика.

И они пошли к шедам. Летел мелкий мокрый снежок, погода была мерзкая. И всюду серели непроглядные небеса. На высоких березах остро кричали галки. Никого не повстречав, они подошли к первому шеду, Вася открыл дверь. Валя стояла позади в своем то ли пальто, то ли в длиннополой куртке, в спортивных штанах с лампасами и разбитых кроссовках.

– Заходи, чего ты? – позвал ее из пахучих сумерек Вася.

– Я… я… кхм, кха, – закашляла Валя.

– Ну? – Вася выглянул из дверного проема.

Оробевшая Валя была бледна, ее полные губы беззвучно шевелились. Вася засмеялся.

– Ты как миссионер, приплывший на дальние острова к людоедам. Ну, с молитвой ведь можно смело хоть в огонь, хоть в воду?!

Но Валя не входила, мешкала. И ему пришлось выйти и схватить ее за руку. Валя упиралась. Вася тащил ее внутрь. Оба громко пыхтели. Наконец ему удалось затащить девушку в шед и, захлопнув дверь, встать перед нею. Валя боялась оглядываться.

– Фу… фух, дерьмо, – отдышался Вася. – А ты здорова, подруга… зараза… Будешь навоз таскать, как Геракл из древнегреческих конюшен. Хотя он и не чистил-то навоз сам, а просто пустил две реки… Поступок, достойный героя умственного труда, хоть древнего, хоть современного. Ну, гляди. Вот, вот они, новозеландцы, иммигранты с далекого острова – зайцы! Гляди, это же – хыхыхых – кролики! Red Rabbits! Красные Кролики. Ну, ну. Вот, вот, красавцы, пушистые… Только не улизни за каким-нибудь в нору, как Алиса.

Вася открыл дверцу ближайшей клетки, запустил внутрь руку и, схватившись за теплые уши, поволок кролика наружу. Это был большой кролик почти шоколадного цвета.

– Пусти! Не надо! – крикнула неожиданно Валя и толкнула Васю, так и не успевшего полностью извлечь упиравшегося кролика из клетки.

Вася удивленно смотрел на нее.

– Чего ты? Я просто хотел показать тебе… Чтобы ты сама увидела…

Валя рассматривала сквозь сетку кроликов.

– Ой, точно… коричневенькие какие-то… я таких в жизни не видала…

Вася торжествующе простер руку, как некий патриций.

– Ну вот, владей… лелей… И будь красной Алисой, хыхыхы, нашим ответом проклятым пиндосам.

– Эта порода какая-то заморская, – бормотала Валя, идя вдоль клеток.

– Да, я же говорил: новозеландцы.

Она оглянулась на Васю.

– А это где такое?

– Новая Зеландия? Ты чего, в школе совсем не обучалась?

– Обучалась, – буркнула Валя.

---

[1] Красных Кроликов *(англ.)*.

– Новая Зеландия – остров в Тихом океане, – сказал Вася. – Или… в Индийском?.. – Он потер нос. – Проклятье… Земля такая маленькая, а всего не упомнишь. В общем, ниже Индии, около Австралии… Да, за Австралией… у черта на куличках. А на самом деле – как у бога за пазухой.

– Они там живут?

– Ага. Наверное… Ну, раз их так называют. Хотел бы и я там сейчас оказаться. Уж там ни попы, ни жандармы не достанут. Даже корабли американцев с ядерным оружием не могут заходить.

– А там они живут так, сами по себе? – спрашивала Валя, наблюдая, как Вася начинает засыпать корм в плошки, наливать воду.

– Ага, и воду пьют из хрустально чистых речек, и травку хрумкают изумрудную. Новая Зеландия – экологически чистая страна. Хотя у них там и монархия, дерьмо и проклятье. А могли бы анархию учредить. Хы-хы-хы, – Вася начал смеяться по своему обыкновению.

Отсмеявшись, он пояснил, что вспомнилось, как батька Махно мечтал о своем рае: мол, лошади и девушки в травах; а тут вместо лошадей кролики… Измельчали анархисты.

Валя наморщила лоб.

– А… так… это же… ну как так?

– Что?

– Этот же… Махно, он ведь бандюга и жил как давно? – спросила девушка.

– Пропаганда, – сказал Вася. – А жил – да, давненько.

– А говоришь – батька, – сказала Валя.

Вася остановился посреди прохода между клетками с ведром воды, посмотрел на Валю и ничего не ответил. Позже он велел ей сметать катышки новозеландцев в совок, опорожнять совок в ведро. Валя поморщилась и ответила, что нет, лучше она будет поить и кормить новозеландцев.

– Ого, какая цаца, – откликнулся Вася. – Быстро ты забыла свое прошлое, жизнь в смоленском нутре. Ладно, давай. А я послежу.

Валя взяла мешок с кормом и стала насыпать в железные миски, бормоча что-то. Вася с изумлением следил за ней. Она взглянула на него. Вася покачал головой.

– Да ты прирожденный кроликовод, Красная Алиса!

Валя нахмурилась.

– Зови меня Вальчонком, – сказала она.

В полдень к ним заглянул сам Борис Юрьевич. Был он в брезентовых штанах, свитере, вязаной шапке, высокий, немного нескладный, с длинным лошадиным лицом и почти квадратной челюстью, кареглазый. Поздоровался, прошелся вдоль клеток, сунул руку в одну миску, вынул щепоть корма, поднес к носу с горбинкой, то ли природной, то ли образовавшейся от перелома, понюхал.

– Мм… – промычал он, отправляя щепоть обратно и вытирая руку об руку. – А вода свежая?

Вася замешкался.

– Они любят свежую, – сказал фермер.

– Хыхых, – просмеялся Вася. – И рацион у них ничего себе. Гурманы.

Фермер слегка поморщился.

– Вас Эдуард не обучал технике безопасности? – спросил он.

– Какой? – спросил Вася растерянно. – Не совать палец в клетку?

Фермер повел головой.

– Главному правилу? А оно простое: не давайте им кличек и не называйте их гурманами или там зайчиками. Это все.

Он доставал пачку сигарет.

Валя откашлялась и быстро спросила:

– Дяденька, не угостите?

Фермер перевел глаза на нее.

– Ты разве куришь?

– Ага, – откликнулась Валя радостно, вытирая руки о штаны.

– Да ладно тебе, – одернул ее Вася.

Но она уже шла к фермеру, протягивая руку.

– Привыкла с протянутой рукой, – пробормотал себе под нос Вася.

Фермер дал ей сигарету, но попросил в шеде не курить, и сам тоже вышел. На улице они продолжали разговаривать с Валей. Вася сметал веником катышки по желобам, ссыпал их в ведро. Покурив, Валя вернуться не спешила, так что в конце концов Вася выглянул из шеда. Вали нигде и не было. Вася затараторил свое: зараза, проклятье. Но еще поработал: отогнал *тачанку* в дальний угол, опростал ее. Мелкий гадкий снег все летел докучно, колол лицо, обжигал уши. Вася нахлобучил вязаную шапку, скрывая уши, оглядел пространство и лишь выдохнул:

– Тоска!..

Валя сидела в вагончике. Там было накурено.

– У тебя тут взвод кролиководов, что ли, дымил? – спрашивал Вася.

– Не-а, – откликнулась Валя. – Дядя Боря подарил всю пачку.

Вася увидел на столе пачку «Sovereign» и в сердцах воскликнул:

– Ну и дерьмо же! Зараза. Проклятье.

Валя вытаращила на него и без того крупные ясно-кофейные глаза.

– Чего, а? Чего такого, а? А? Вася? Вася?..

– Ничего, – откликнулся Вася. – Но это конкретная засада.

Валя испуганно моргала.

– Какая? Какая, Вася?

– Такая, такая, – в тон ей отвечал он. – «Соверен» – значит «Монарх». Ну и монета, конечно.

Валя смотрела на него.

– Это все знаки! – воскликнул Вася.

– К-какие? – заикнувшись, спросила она.

– Собаки Баскервилей! – ответил Вася ожесточенно.

– Это чего такое?

– Стозевно, лаяй, обло… озорно… Чудище такое, Вальчонок. На цепи в волосатой руке депутата там, мэра, губернатора, попа, само собой. Оно-то, зараза, за мной и гонится.

– Кто? – спросила Валя, таращась на него.

– Ну чудище… Собака. Обло… Баскервилей.

Валя хихикнула вроде, но, взглянув в напряженные глаза Васи, примолкла.

Пора было отправляться за обедом. А Вале приспичило… Она поспешила в дощатое сооружение, стоявшее неподалеку. Вася не стал ее дожидаться, пошел один. Взял у Надежды Васильевны один контейнер, та предложила забрать и второй. Вася заупрямился было, но Надежда Васильевна в сердцах сказала, что некогда ей возиться, мол, бери сразу и уходи, а то еще та грязь притащит.

– Какую грлязь? – спросил недоуменно Вася. – На улице снег.

– Такую! – сердито выпалила женщина и сунула ему второй пластмассовый контейнер.

Пришлось Васе взять обед и на Валю. А та и не показывалась. Вася шел, поглядывая исподлобья на унылые окрестности, и вдруг отчетливо вспомнил свой сон про шиповник. Он даже остановился, соображая.

– Хых… Так это сам Чжуанцзы и был, – пробормотал он и добавил восхищенно: – Вот зараза!.. Смотритель шиповника, правда. А настоящий работал смотрителем сада лаковых деревьев. Чего это такое, кто знает… Потому Вальчонок и крестилась. Неужели в самом деле?..

Валя была в вагончике.

– Ой, Вася, я токо собиралась пойти, а ты тут как тут. Ой, спасибачки, – говорила она.

Вася поставил контейнеры на стол.

– Ты руки-то помыла?

Она закивала энергично.

Вася тоже шагнул к рукомойнику, звякнул штырьком, заругался:

– Дерьмо, зараза! Проклятье. Воды нету. Не могла, что ли, принести? Чего ты такая ленивая?

Схватив ведро, он пошел за водой и так и забыл спросить о Смотрителе шиповника – точно ли она дозналась о нем? А Валя уже уплетала второе, гречку с поджаркой и подливой. В вагончике пахло этой гречкой.

– Вася, – говорила она с набитым ртом, – а кто такая эта… про которую ты рассказывал… ну… Красная…

Вася наливал воду в рукомойник.

– Шапочка?

– Не-а, – ответила она, покачав головой из стороны в сторону. – Эта… ну, с кроликами…

– Алиса, – вспомнил Вася, моя со звоном и хлюпом руки.

Он уселся за стол, раскрыл свой контейнер, взял ложку, хлеб, начал хлебать суп.

– Кто, Вася? – снова спросила Валя.

Он покосился на нее и ничего не ответил.

– Ну кто, Вася?

Вася вздохнул.

– Откуда ты вообще свалилась?

– Я-а-а? Ниоткуда. Ниоткуда.

– А по-моему откуда-то, откуда-то.

– Откуда?

Вася хмыкнул.

– Это я у тебя и спрашиваю.

– Так откуда? – снова спросила Валя.

Вася посмотрел на нее и начал мелко смеяться.

– Ну я-то откуда знаю? Это ты должна знать.

Валя пожала плечами.

– Хорошо, как называлась твоя деревня, твой район какой? Область? Страна? Континент? – спрашивал Вася. – Планета?

Валя вдруг стала очень серьезной.

– А зачем это тебе?

Она подозрительно щурилась.

– Да просто интересно, и все, – ответил Вася.

Валя молчала, сосредоточенно попивая кисель.

– Не скажешь? – спросил Вася, принимаясь за гречку.

Валя кротко вздохнула, глядя в стол.

– Ну и я не расскажу про Алису, эту очень любопытную штучку.

Валя молчала.

– Про ее приключения в норе, во дворце у Королевы, во время чаепития, в лесу, в поезде, на линиях шахматной доски… Классные приключения.

Валя отмалчивалась.

Второй трудовой день тянулся долго. Пришедший с проверкой под вечер Эдик разразился бранью. В последнем шеде еще не было убрано, и миски для воды пустовали. Валя их как-то пропустила. И кролики целый день не пили. Эдик пообещал выставить с фермерского подворья этих бродяжек, за что их только мамаша кормит. Валя и Вася уныло выслушивали ругань. Наконец Валя попросила его:

– Дяденька, не надо уже, ведь сказано же было: не судите да не судимы будете, ну? И сказано было благодарить ненавидящих вас и молиться за обижающих. Ну-тка я и помолюся.

Тот запнулся и уставился на нее. А Валя, полуприкрыв глаза, продолжала нараспев:

– Ай вы нуте-ка, ребята, / За царей – Тут она проглотила слово, – … молити, / За весь мир православный! / Кто нас поит и кормит, / Обувает, одевает, / Темной ночи сохраняет, / Сохрани его… – Снова проглотила слово.

Эдик оглянулся с изумлением на Васю.

– Хм… бл… кх-а… Чего это она?

Вася пожал плечами. А Валя напевала, покачиваясь:

– От лихого человека, / От напрасного от слова, / Сохрани… помилуй! / Что он молит и просит, / То создай ему… – Она открыла глаза и, ясно взглянув на Эдика, спросила: – О чем вы, дяденька, молите?

Эдик почесал подбородок.

– Э-э-э… Ишь, как шпарит. Ты бы так и работала складно, девка. В самодеятельности, что ли, выступала?

– Хыхы, – просмеялся Вася. – Это древняя самодеятельность.

– То песни-молитвы, – сказала Валя.

– Ладно, – откликнулся Эдик, сбавляя тон. – Молитвы молитвами, но здесь не богадельня, ребята. Включу вам свет – все сделайте, приду проверю.

Он погрозил коротким пальцем с грязным ногтем и ушел. Вася усмехался.

– А здорово это у тебя получилось.

Валя поправляла волосы, охорашивалась.

Все доделав, они выключили свет и пошли было к вагончику, но потом повернули к дому Эдика. Уже пора было забирать ужин. В доме работал телевизор: «В Москве прошла акция движения “Антимайдан”, организованная в связи с годовщиной протестов в Киеве, в ходе которых погибли более ста демонстрантов и которые привели к отстранению президента Украины… “Антимайдан” назвал события в Киеве “переворотом”… По сообщению арабской газеты “Аш-Шарк аль-Аусат”, в руки ливийских радикальных группировок попала часть химического оружия, принадлежавшего ранее Муамару Каддафи, и они уже провели первые испытания этого оружия… Армия Нигерии сообщила о том, что ей удалось вернуть контроль над городом Бага на северо-востоке страны, сотни жителей которого были в январе убиты боевиками исламистской группировки “Боко харам”».

– Ну чего, все чики-чик?! – крикнул из комнаты Эдик, когда Вася и Валя вошли.

– Да, – ответил Вася.

– Эй! Я спрашиваю… – начал Эдик.

Но тут Надежда Васильевна ему сама ответила:

– Да, да, тебе говорят.

Подавая контейнер Вале, она внимательно глядела на нее.

– Хлеба-то хватает? Не стесняйтесь, скажите.

Валя кивнула. Забрав свои коробки с ужином, они отправились восвояси.

В вагончике было холодно. Зажгли лампу. Вася решил сначала затопить печку, а потом ужинать. Но Вале не терпелось, и она сразу стала есть. А Вася, глотая слюнки, разводил огонь. Наконец пламя загудело в железной печке. Вася открыл свой контейнер. Валя разлеглась на койке и курила сигарету.

– Проклятье, – заворчал он, попробовав картошку. – Остыла уже. На чем бы подогреть?

Отыскав железную миску на полке, он переложил картошку в нее и поставил на печку. Вскоре запахло подгоревшей картошкой.

– Возьми тряпку, – предупредила Валя.

Вася обвернул руку тряпкой и снял миску. Шумел огонь в печи, красноватые отсветы бросала лампа.

– Вася, – подала голос Валя. – Что такое… основная… основная теория?

Вася Фуджи поперхнулся и взглянул на Валю, на ее лицо в струйках табачного дыма.

– Не знаю, – ответил он. – Смотря о чем речь. Основная теория в какой области?

Валя мотнула головой, как бы сбрасывая вопрос. Вася снова занялся картошкой. Доев, обернулся к Вале.

– Может, та, про которую Эйнштейн догадался? Великий физик.

– Чиво это такое? – спросила Валя.

– Ну… Теория относительности. Искривление времени-пространства, черные дыры, отклонение света… Даже машина времени.

Валя встрепенулась.

– Ага, – пробормотала она, – машина? Поезд?

– Какая разница. Из этой теории выходит, что можно совершать путешествия во времени. Попадать, короче, в прошлое. Или в будущее. Но сам Эйнштейн считал это лишь… ну, научной фантазией, точнее выводом, который в реальности не имеет смысла. Зачем тебе это?

Валя не ответила.

– Алиса, ну, та штучка с кроликами, как раз и попадала в какие-то искривленные пространства, – сказал он. – Наркоманы ее обожают.

Они укладывались спать. В вагончике было тепло, даже жарко. Вася попросил Валю задуть лампу, но та не двинулась. Он решил пересилить ее лень и тоже не вставал, чтобы загасить лампу. Ей-то дотянуться было ближе. Но она не делала этого.

В доме кто-то был, точно. Точно-точно. Как только они вошли, сразу ощутили чье-то присутствие. В кухне – никого. В спальне – никого. А вот в большой комнате? И здесь – никого. Сервант. Стол. Стулья, телевизор, диван. За шторами – никого. Они сели на диван. Между ними оказался чемодан. Он лежал на диване. Она прикоснулась к выпирающим округлостям чемодана. И отдернула руку, взвизгнув: кожа чемодана дышала. Он тут же рванул крышку… Ах!

В чемодане лежал, подтянув колени к самому подбородку, человек.

– Кто ты такой?!

– Извините, извините, – бормотал человек.

– Вор!!!

– Извините…

– Полицию…

– Не надо, я прошу, прошу вас. Я ничего не взял, ничего, совсем, клянусь. Умоляю.

– Не клянись!

– Почему?

– Таково поучение!

– Хорошо, не буду. Я никогда больше не буду клясться. Никогда.

– Точно?

– Клянусь… То есть – нет. Но обещаю, да, вот-вот, обещаю. Даю слово. Слово можно давать?

– Слово?.. Это не клятва.

– Тогда я пошел?

– Ну смотри же.

– Да, да.

Он ушел, а они еще ходили по дому, считали деньги из шкатулки, доставали цепочки, медальоны, все проверяли, рылись в шкафах, перебирали ложки. Как вдруг она спохватилась: где котенок? Но и котенок был здесь, он вылез из-под комода, позевывая розоватой крошечной пастью, потягиваясь.

И тут раздался стук. Или звонок. Они открыли дверь. На пороге стоял тот вор, на руках он держал медвежонка.

– Вот, я же обещал отблагодарить, пожалуйста, берите.

– Это же медведь!

– Медвежонок.

– Но он вырастет и станет медведем.

– Ну, тогда вы можете отдать его в зоопарк или в цирк.

– Какой цирк…

– Никулину.

– Он же помер?

– Его сыну.

– Нет, постойте…

Но вор убежал. А медвежонок перевалился через порог и стал играть с котенком.

Валя открыла глаза и увидела освещенный потолок, повернула голову. Лампа горела на столе. Она посмотрела на Васю. Тот ровно дышал. Приподнявшись, она потянулась к лампе и попыталась задуть огонек, но красноватый гребешок пламени продолжал трепетать.

– Фу! Фу!

Нет, не угасал. Тогда она догадалась прикрутить огонек, а потом уже легко его задула.

Обыкновенная вроде бы женщина, а на самом деле – пантера. С кем-то вдвоем мы уходили от нее и оказались в тупике. Обернулись. Она шла неторопливо, мягко ступая, пластично. Вот снова – да обычная, лишь весьма тренированная, спортивная грациозная женщина. Но я взглянул на ее перчатки – сквозь них прорезались стальные когти и даже на ладонях – острые тонкие шипы. Сейчас она исполосует своими лапками нас обоих.

В отчаянье я крикнул:

– Как с тобой справиться?

И она засмеялась и ответила:

– Тридцать вторым воображением!

Тогда я схватил ее и отшвырнул: таково мое тридцать второе воображение. И она не смогла меня цапнуть. Мы спаслись.

Вася за чаем

Вася за чаем вспомнил этот сон и спросил Валю, что это она толковала про семьдесят второе? Валя честно расширила глаза и, прикладывая руки к груди, спрашивала:

– Я-а? Когда-а? Когда, Фасечка?..

Вася махнул рукой и начал собираться на работу.

В шеде было холодно, пахло сеном, кроличьей мочой.

– Эй, новые зеландцы-голодранцы! – воскликнула входя Валя.

– Шубы-то у них богатые, – возразил Вася. – Еще не спущены.

Валя принялась вытаскивать миски, Вася взялся за веник, совок.

Вскоре у шеда раздались голоса, дверь распахнулась, оба обернулись, приглядываясь. В дверях стоял Эдик.

– Ну что, трудовые резервы?! – воскликнул он, проходя внутрь. – Завтракают ушастые? – Он оглянулся. – Заходите, выбирайте!

В шед прошел маленький мужчина в синей куртке, шапке с меховым отворотом и козырьком. Его маленькие глазки беспокойно шарили вокруг. В нем было что-то определенно хомячье.

– Выбирайте, – повторил Эдик. – Любого новозеландца, рожденного в начале зимы. Все мясистые, упитанные…

Хомяк ткнул в сетку.

– Этого? Точно, декабрьский. Счас сделаем. – Эдик хотел сам достать кролика, но остановился и взглянул на Васю. – Давай-ка, малый, извлеки пациента декабриста для нашего постоянного клиента Николая Маркеловича.

Вася двинулся было к клетке, но вдруг остановился. Исподлобья он глядел на Эдика, на мужика в хорошей шапке.

– Ну! – прикрикнул Эдик.

Оглянувшись на клиента, он улыбнулся и объяснил, что это новенький работник. Вася посмотрел на Валю и решительно распахнул клетку, сунул внутрь руку, схватил кролика за уши и потянул. Тот отчаянно упирался. Вася тащил его за уши. Наконец кролик замахал всеми мохнатыми лапами в воздухе… и внезапно оказался на земле – и рванул в противоположную от двери сторону, к Вале. Та взвизгнула. Кролик проскочил у нее между ног и затаился в углу. Валя на него смотрела.

– Эй, деваха! Свинти-ка декабриста! – крикнул ей Эдик.

– Ай, не могу я, не умею, – ответила она.

– Ну, блин, молодежь!.. – в сердцах воскликнул Эдик и отодвинул в сторону Васю, потом Валю и нагнулся, чтобы схватить кролика, да тот вдруг подпрыгнул высоко, сверкая белками глаз, и кинулся мимо, к выходу. – Держите, вашу мать!..

Валя не двинулась, Вася вроде сделал шаг, но схватить и не попытался. Кролик приближался к выходу. И тогда Хомяк выкинул вперед ногу и прижал кролика к брусу косяка. Подбежавший Эдик перехватил кролика за заднюю лапу и поднял высоко, потом поймал вторую лапу, а другой рукой взялся за уши, быстро оглянулся, положил кролика на крышу одной клетки, над которой не было второго яруса и, кхакнув, резко дернул руками в разные стороны, так что послышался хруст рвущихся жил, костей, мышц и звонкий вскрик кролика.

И все было кончено. Вася и Валя ошеломленно глядели.

– Французский метод у вас безупречен, Эдуард, – проговорил Хомяк.

– Хоть университетов мы и не кончали, – откликнулся Эдик.

И они вышли, унося кролика. Валя посмотрела на Васю. Лицо ее было белее снега, глаза глубоко чернели. Губы растягивались в какой-то улыбке.

– Дерьмо… зараза, – выругался Вася, но голос его был смешно высок и пискляв.

Прочистив горло, он выругался еще раз, но сильно картавя:

– Дерльмо, зарлаза…

Валя ничего не говорила.

– Дай мне сигарету, – попросил Вася.

Но она ничего не отвечала.

– Я бы закурил, – снова сказал Вася. – Выкурил бы целый косяк. Слышь, Вальчонок?

– А? – словно бы очнулась она.

– Говорю, дай мне сигарету.

– Нету, там остались, – проговорила Валя.

Она так и стояла столбом, хлопая глазами. А Вася задвигался, снова взялся за веник, совок.

– Ну что, – рассудительно говорил он, – все правильно, зараза, это же не Кэрролл с его искривленными пространствами. Тут так. Да. В Англии тоже тушат крольчатину. Подают с зеленью, соусом…

Валя закашлялась, зажала рукой рот и выбежала вон. Вася удивленно провожал ее взглядом.

– Хых. Хы-хых-хихи… – начал он заходиться своим странным смехом. – Хыхых-хихиха…

Валю он нашел в вагончике. Еще издали увидел дымок над трубой вагончика. Внутри было непривычно в этот час тепло. Валя сняла пальто-куртку. Тряпкой она драила стол.

– Ты перепутала, Вальчонок, – сказал Вася. – Убирать надо шед.

Она посмотрела на него и ничего не ответила.

– Ладно, уже скоро обед, – пробормотал Вася.

Но после обеда Валя отказалась идти с Васей в шеды. Вася убеждал ее, уговаривал, ругался, грозил – все бесполезно. Она отмалчивалась, смотрела в сторону и занималась уборкой: мела веником грязный пол, перемещала с места на место всякие вещи…

Наконец он сдался, согласился вторую половину дня отработать и за себя и за нее и ушел.

В пятницу Надежда Васильевна сказала, что завтра банный день и они могут прийти мыться. И на следующий день они пошли в баню, хорошую, бревенчатую, стоявшую на отшибе у реки. Первой мылась Валя, а Вася сидел на колоде, смотрел на оголившиеся берега, словно истекающие черной кровью. Два дня сильно светило мартовское солнце. А зима, как все последние зимы, была малоснежной и не морозной. Лед на реке набухал, темнел. В воздухе пахло весной. Валя долго не выходила, Вася начал уже беспокоиться, не угорела ли она там… Хотя сам же ее предупредил, что одежду пора выстирать, запах уже нестерпимый. Наверное, она и стирала. И наконец вышла в длиннополой своей куртке и в кроссовках, с голыми ногами, держа куль мокрой одежды. Мокрые волосы были заплетены какой-то замысловатой короной, лицо ярко розовело, карие большие глаза блестели. Вася Фуджи глядел на нее озадаченно.

Валя кивнула на дверь, и он пошел мыться. Ей-то он наказал все выстирать, а самому то же делать не хотелось. Да и смены, как говорится, белья нет. Но все же взялся и он за стирку. И, все закончив, хорошенько выкрутил штаны и надел их. Рубашку и свитер надевать не стал, а пальто надел на голое тело, как и Валя. И потопал к вагончику.

В вагончике было прохладно, Валя ходила в куртке.

– С легким паром! – приветствовала она.

Вася взглянул на нее растерянно.

– Ну, так в деревне говорят всегда, – объяснила она.

– А, как в кино, – ответил Вася. – В этом дурацком… постоянно перед Новым годом крутят… Так и называется, зараза…

Вскоре он почувствовал, что в вагончике все-таки холодно, и посетовал, что Валя не удосужилась затопить печку. Да и вещи надо сушить. Он вышел за дровами.

Железная печка быстро нагревала вагончик. Минут через двадцать стало уже жарко. Валя расстегнула пальто.

– А на что повесим-то одежу? – спросила деловито она.

Вася принялся искать веревку, но обнаружил только моток проволоки и натянул ее через весь вагончик. Валя повесила свою одежду, а потом и Васину.

Вася сходил за очередной порцией дров и, вернувшись, чуть не выронил поленья. Валя ходила в трусиках и лифчике. Он стоял и смотрел на нее. Она зыркнула в его сторону.

– Вася? Чего?

Он кашлянул.

– Вот… дерьмо-то… – пробормотал он, сгружая поленья, и снова посмотрел на розовую Валю.

– Чего, чего? – говорила она. – Жарко-то, душно, аж парит, как летом перед грозой.

Вася сел на свою койку в пальто.

– У тебя же штаны мокрые, Васечка, – сказала она, подходя и трогая штанину. – Вон лужи натекли. Сымай. Сушить надо.

– Ладно! Высохнет, – ответил Вася, но встал, пощупал матрас, потом провел рукой внутри пальто.

Пришлось штаны снять и повесить.

– А в лапсердаке не жарко? Не жарко-то? А? А? – говорила Валя заботливо.

– Нет, – ответил Вася, утирая бусины пота на одной щеке, потом на другой.

Быстро темнело, Валя зажгла спичку, склонилась над лампой. Вася отворачивался. И снова смотрел на ее спину, бедра. Корону она развязала, и мокрые концы волос прилипли к спине.

Гребешок лампы затрепетал под закопченным стеклом. Валя наполнила чайник водой, поставила его на печку.

– После бани положена рюмочка-другая, – проговорила она, – а мы попьем чайку. У нас в деревне пили с липовым цветом.

– Водку? – спросил Вася.

– Чай. А водку и не пили совсем.

– Да ну? – спросил Вася.

Она кивнула.

– Ага. Только самогон да бражку, ежли невтерпеж было.

– Хых-хахы-хи-хи, – засмеялся Вася. – А я уж было подумал, там у вас ислам все приняли, что ли.

Валя посмотрела на него и перекрестилась.

– Или… там и была Святая Русь. Так бывает, ищешь, ищешь, а оно рядом, – добавил он.

– Ты ищешь? Васечка? А? А?

– Я? Да это Никкор чего-то замудрил насчет Святой Руси, мол, в поиски ударился. И меня хотел впрячь. Какая еще… хыхыхых-хи-хи-хи… Я же атеист, Вальчонок. Ни во что не верю. А ищу свободу.

Чайник задребезжал крышкой. Валя насыпала заварки.

– Про Святую Русь – это сказки поповские, – говорил Вася, наливая чая в кружку. – Не было никогда. Русь – это вечные пытки да казни. Вот в это поверишь. Меня, зараза, пытали. Я это сам знаю. Теперь гоняют, как зайца, хых, кролика этого новозеландского. Вот дерьмо-то полное.

Валя протянула руку и погладила его по волосам.

– У тебя снова волосы мокнут, – сказала она. – Сыми лапсердак свой.

По лицу Васи и вправду катился пот.

– Что ты, как казах в пустыни, – добавила Валя.

И Вася засмеялся – дробно, мелко, заливисто, заразительно. Так что и Валя не выдержала и стала смеяться – сочно, хорошо, молодо.

– Откуда ты знаешь? – спрашивал он сквозь смех.

– Так Мартыновна говорила.

– А, эта Заратустра… то есть… хых-хи-хи-ха-хиххи…

И тут Валя сквозь заливистый смех позвала:

– Иди ко мне, иди, иди, Васечка.

Вася сразу перестал смеяться.

– Иди, иди, – звала Валя, ставя кружку на стол, вытирая ладонью губы. – Ну иди, чего? Чего ты?.. Или я к тебе…

И она как-то плавно встала. Да, все ее движения обрели пластичность, выразительность.

– Нет! – крикнул Вася фальцетом.

И Валя остановилась.

– Ой, Фуджик, ты чего?

– Ничего, – буркнул он, – и не называй меня так. Все. Спать.

И он скинул *лапсердак* и завалился в кровать. Валя еще посидела, допивая чай. Потом задула трепещущий гребешок огня и со вздохом улеглась.

Два безукоризненно одетых господина беседовали:

– Им непременно нужно чудо.

– Чудо? Откуда же взяться чуду?

– Они хотят чуда хотя бы на волосок.

– Хм, где мы его возьмем?

– Вынь да положь.

Мне надоело их слушать, и я вышел из помещения, спустился по лестнице и оказался на дне колодца, образованного высотными домами, – взял и полетел вверх. И от моего полета окна почему-то распахивались и выпадали, разбивались вдребезги внизу. А я летел, яростно летел вверх в звоне стекол.

Валя вначале спала без снов, а потом увидела *елку, вросшую в угол дома, с единственной веткой, на которой коричневели тяжелые литые шишки… Тут же неподалеку возились друг с дружкой птенец какой-то лесной птички и черный вороненок. А в небе просто серебрилась одинокая звезда и над крышами каких-то гаражей проступал месяц. И все.*

В воскресенье они могли отдыхать, а кроликов накормил-напоил бы один Эдик за хорошую оплату. Но Вася вызвался все делать и в воскресенье. А Валя отказалась, ссылаясь на заповедь о выходном дне: «Помни день субботний, чтобы проводить его свято». На возражения Васи, что день-то не субботний, а воскресный вообще-то, она отвечала, что у евреев была суббота, а у православных – воскресенье, а так просто говорится по привычке. Вася не удержался и высказал сомнения насчет выходного у туалетной мафии с Мюсляем во главе. Ну а Валя отвечала, что теперь она не у Мюсляя. И Вася пошел один. Деньги, ему необходимы были деньги, чтобы уйти дальше.

Когда он вернулся в вагончик на обед, там был Эдик.

– Ну вот, сделаю вам проводку, хватит с керосинкой сидеть. Загорится лампочка Ильича, – говорил Эдик, вертя в толстых пальцах моток синей изоленты.

Вася посмотрел на растрепанную Валю.

Эдик с неудовольствием глядел на Васю, почесывал рыжеватые бакенбарды.

– А что, уже обед? – Он посмотрел на часы. – И верно. Ладно, я потом приду.

Как он вышел, Вася повернулся к Вале.

– Ну? – напряженно спросил он.

Валя повела на него крупными глазами.

– Что же ты его не прогнала? – спросил Вася. – Священный же выходной?.. Или он не на все делишки распространяется, проклятье?

И Валя кивнула.

– Да. Сказано было, ибо не человек для субботы, но суббота для него.

– Хых! Хыхых-хи-хи-хи, – засмеялся Вася.

– Когда свалилась в яму овечка, разрешено было ее вытащить, хоть была и суббота.

– Так ты овечка, упавшая? Падшая?

– Я-а? – спросила Валя, прикладывая руки к груди.

– За волосы он тебя тащил?

Валя начала причесывать волосы.

После обеда повстречавшемуся Эдику с легкой складной металлической лестницей на плече Вася сказал, что Валя очень просила не приходить по случаю субботнего священного дня. Эдик озадаченно глядел на Васю.

– Что за чушь? – проговорил он. – Священного?..

Вася кивнул.

– Да, ради субботы.

– Погоди, – пробормотал Эдик, поглаживая округлый, тяжелый, плохо выбритый подбородок, – она что, еврейка?

Вася пожал плечами.

– Но сегодня воскресенье? – спросил с некоторым сомнением Эдик.

– Она крещеная, – сказал Вася.

– Ну и я, например, – сказал Эдик и достал золотой крестик на цепочке.

– А чего же работаешь в священный день отдыха? – спросил Вася.

Эдик вытаращил маленькие синие глазки на Васю, потом усмехнулся.

– Чего ты мне, парень, тут баки забиваешь, ну?

– Ничего не забиваю, – ответил Вася. – *Помни день субботний, чтобы проводить его свято.*

– Так… субботний же, – сказал Эдик.

– Суббота еврейская стала воскресеньем христианским.

– Как это?

– Да так. Как и вся библия. Как и сам господь бог. Был еврейским, стал христианским.

– Да?..

– Ну. И Христос был еврейским парнем, а стал православным. Ну и католическим, конечно. Еще и протестантским.

– Как это?.. – опешил Эдик.

– А что такого? Это же общеизвестный факт.

– Христос еврей? – спросил Эдик, прищуриваясь.

Вася в свою очередь вытаращился на Эдика и хохотнул.

– Хых-ха! Ха-ха… А кто же? Ариец?

– Чего мелешь… – пробормотал Эдик с угрозой, сдвигая брови.

– Ничего. Гитлер его и не любил, посылал в Тибет экспедиции за свастикой, зараза. Он же родился в Израиле.

– Кто?

– Иисус Христос. Звали его на самом деле Иешуа Га-Ноцри.

– Кого?

– Да Иисуса Христа. Это известно. Вы тут на ферме, конечно… Хых!.. Но вон телек есть. И в школе, наверное, где-то учились.

– Я, парень, автотранспортный колледж закончил, – сказал Эдик. – Имени Е. Г. Трубицына.

– И что, вам там не рассказывали… хотя бы про Булгакова? Да про него и в школе рассказывают.

– Да я целый сериал с женкой и тещей смотрел «Мастер и Маргарита»! – воскликнул Эдик.

– Там же и про Иешуа было.

Эдик почесал подбородок и длинно сплюнул.

– Там же звезд – куча. А еще второстепенных разных. Хрена ли упомнишь всех. Кто его играл?

– Иешуа?

– Ну.

– Не помню… Какая разница?

– Но, постой-ка. Ты говоришь, что этот… Йе… шу-а и есть Иисус? Так, что ли?

– Да.

– Тогда это же Безруков! Серега! Вот.

Довольно глядя на Васю, Эдик вынимал сигареты, закуривал. Предложил и Васе, но тот отрицательно мотнул головой.

– Безруков его и играл, – продолжал Эдик. – Но мне особенно Панкратов-Черный понравился. Классно играет… Опа! Просыпается с бодуна, а тут столик, водочка, икорка… и этот… Басилашвили собственной персоной. Дьявол. И баба, значит, Маргарита, лихо на швабре упражнялась, как в баре стриптизерши с трубой. Как она потом стекла колотила. Круть! Иногда и сам думаешь, такого бы лекарства пузыречек раздобыть да с авоськой булыганов отправиться в полет к администрации в гости. Перебить им все зеркала-окна-компьютеры.

Вася вопросительно смотрел на Эдика. Тот кивнул.

– Да, парень. Это только на первый взгляд тут все тишь да гладь да божья благодать. Боря из кожи вон лезет, крутится… Баба его Светлана… видел?

Вася кивнул.

– Ну вот, – продолжал Эдик, затягиваясь, – еле тут держится, боится. Я вот, например, один. Ну, не считая мамки. Моя сбежала в город. И Светланка Борина намыливается.

– А чего тут бояться? – спросил Вася.

Эдик усмехнулся.

– Знаешь, что такое *Управление сельского хозяйства*? Это кодла такая мордатых с авторитетами, прущими из пиджаков с такой силой, что те аж трещат!

– Авторитеты? – не понял Вася. – Бандиты?

Эдик расплылся в улыбке, сдвинул синюю бейсболку на затылок.

– Это еще не бандиты, дружок, но, может, хуже бандитов: бездонные! – И он похлопал себя по животу, а потом протянул руку и ударил легонько по животу Васю, дохнув приятно алкоголем. – Ну, у тебя совсем авторитет отсутствует! Так вот эти ребятки с авторитетами запросто пустят по миру. Все на банкетах да ежемесячном отстегивании мяса держится. А так натравят проверяющих свору, санэпидемстанцию, полицию, судебных приставов. Вон, знакомого фермера просто пожгли, и все. А у другого цирк устроили. Он получил кредит по программе «Развитие животноводства». Чтобы гасить кредиты, надо сначала выйти на прибыль, не все же так просто и быстро, как ловля блох в яйцах. А чиновники стали требовать быстрого возвращения. Ну и напустили приставов, те коров за бесценок загнали, дойное стадо стоимостью в одиннадцать миллионов они враз разбазарили за миллион семьсот тысяч. А? Врубаешься? Тут же и продавали возле фермы. А потом гулянку закатили. Да уехали, пьяные и веселые. Так-то. И самое интересное, виновных хрен могут найти. Ну, фермер этот не выдержал, всю семью положил и себе черепушку снес из «Сайги» двенадцатого калибра… А ты говоришь,

суббота да этот Йе-шу-а. У фермеров нет ни пятниц, ни суббот. Надо бабки делать, как учит президент. А то завтра пойдешь с голой жопой.

– Да? – спросил Вася. – Я слышал только, как он учил мочить в сорлтире.

– Нет, про бабки тоже учил, один бывший депутат и журналист из Питера, он в документальном фильме рассказывал. Тогда президент еще в свите Собчака работал. Ну и однажды воскликнул: мол, бабки, бабки надо делать!.. Это Юрьевич по компьютеру видел. Все правильно. Бабки еще никому не мешали. Да и в сортире всякую шваль гасить надо. Вон их сколько: америкосы, хохлы-бандеры, на востоке китаезы.

– Хых-хых-хи-х-хихи, – зашелся Вася.

– Ты чего, э? – спросил Эдик, отступая немного и смеривая его взглядом.

– А *Управление сельского хозяйства*? – напомнил сквозь смех Вася.

– Этих… на этих я бы поля вспахивал, – отозвался Эдик, выстреливая окурок в грязь. – Вот запряг бы – и пошел, и пошел вручную, с плугом, потом с бороной. У нас что тут хреново, агрохолдинг наезжает, зарится на земли. А в Управлении зять директора этого агрох… х…!

Вася продолжал заливаться.

– Да чего ты заходишься? – спросил Эдик.

– Ох… зараза… дерьмо… проклятье… Сейчас. – Вася переводил дыхание. – Только вот… что… Вот. А разве это *Управление сельского хозяйства* не часть системы?

– Ну. Допустим. – Эдик хмуро смотрел на Васю. – И чего?

– А кто же за всю систему отвечает? Кто ее выстроил и напустил полицейских? Не президент?

– Вон чего, – откликнулся Эдик. – Ты, случаем, не из этих ли, макаревичей там разных, жидобандеровцев, а? А то прикидываетесь… дурачками религиозными, суббота, то се, Йе-шу-а, там.

– Да прлосто сам ход мышления интересен.

– Чего ход?

– Ну логика.

Какая логика?

– Какая логика? – спрашивал Эдик, набычиваясь и багровея.

– Да ты сам же про фермеров, один сгорел, другой расстрелял, и вас донимают! – воскликнул в отчаянье Вася. – Вот дерьмо-то! Зараза!

– Э, псих, ты чего оскорбляешь? Мочевины, что ли, принял? Маде ин Новая Зеландия?

– Я не оскорбляю, – поспешно ответил Вася. – Прлосто у меня прлисказка такая… прлоклятье…

– Присказка, – ответил, мрачно двигая челюстью Эдик. – Ты фильтруй базар, ушлепок. Кто ты такой здесь есть? Гастарбайтер, бродяжка. У тебя даже документов не потребовали. Работай молча, понял?

– Да я и работаю, – ответил Вася. – Вот, иду.

– Ну и иди себе потихонечку. Давай-давай. Знаешь, как поется в песенке: «Ковыляй потихонечку… тра-та-та… А меня по-забу-у-дь. Отрастут твои ноженьки тра-та-та как-нибу-у-дь».

Вася пошел к шеду, продолжая пребывать в сильном изумлении. Когда он вернулся в вагончик, никаких проводов натянуто не было. Он заглянул внутрь. Валя сидела, уставившись в окошко и закутавшись в одеяло, как скво племени апачей. Печку ей, видимо, надоело топить.

– Хм, так и просидела? – спросил Вася.

Она повернула голову, посмотрела на него и ничего не ответила.

– Ясненько, – сказал Вася. – Созерцание мух – лучшее занятие в священный день. Похоже, и электрик проникся пониманием и так и не вкрутил лампочку Ильича. Был он вообще здесь?

Валя отрицательно покачала головой.

– Хых-хы, – просмеялся Вася. – Из-за идеологических разногласий электричество отменяется.

Валя вздохнула.

– Ну, и с лампой Аладдина поживем. Да и не долго уже осталось. Лед вот-вот вскроется. Не знаю, правда, где лодку взять. Придется просить Бориса съездить в город какой-нибудь. В какой мы вообще области находимся?

Валя молчала.

– Ну, тебе-то точно все равно, у тебя на уме *Основная Теория*. Или что у тебя на уме? Слышишь ты?

– Звонок, – сказала Валя.

– Звонок?.. Кто звонил?

– Мюсляй.

– А я уж подумал, *Семьдесят Второй*! – воскликнул Вася.

Валя тут же перекрестилась.

– И что же он изволил сказать? – спросил Вася.

– Ну-у-у… – протянула Валя и задумалась.

– Ох, Вальчонок, ты, как живодер, тащишь кота за… за хвост.

– Он приказал, приказал мне вернуться.

– Хых!.. А, да, там же в ставке и генерал. Ну а ты же дезертир, Вальчонок. Да, самый настоящий дезертир. Дерьмо, зараза. Ты его послала?

Валя отрицательно покачала головой.

– Зря, проклятье. А что же ты ему сказала? – вдруг заволновался Вася, наклоняясь к Вале.

Она повела на него большими темными глазами, сморщила нос.

– Что? – не отступал Вася. – Ты ему сказала… сказала, где ты? С кем ты?

Валя опустила глаза.

– Дерьмо! Проклятье! – воскликнул Вася. – Ты сказала? Все сказала? Да?

Валя кивнула. Вася задохнулся. Схватил кружку, налил из чайника старого чая, залпом выпил. Мгновенье он молчал. И с грохотом опустил кружку на стол. Снова поднял и – ударил по столу. И еще раз стукнул. Валя каждый раз вздрагивала и испуганно глядела на Васю. Таким она его не видела. Вася сорвал шапку с головы. Глаза его блуждали, волосы были всклокочены, как будто и его вытаскивали из ямы.

– Ты же дура-а! Пустая бабья башка! Зачем, дерьмо, зараза, проклятье, надо было все рассказывать?! И про меня?!

– Ну Васечка… Васечка, Фуджик…

– Не называй меня Фуджиком! – заорал он и схватился за одеяло на ее плечах.

Валя сжалась, по ее щекам текли слезы.

– Фуджи – это вулкан! – кричал Вася. – И ты сейчас в этом сама убедишься, нищебродка!

– Васечка, не надо, – гнусаво просила Валя.

– Как ты могла выдать меня с потрохами? – бушевал Вася, бегая возле Вали и дергая за одеяло.

– Но… но, Ф… Фасечка, – лепетала Валя, – Фасечка, я не знала, я же не знала.

– Что ты не знала? – орал он в ярости, скаля зубы и нацеливая острый свой нос ей прямо в лицо, словно собираясь всадить его, как клюв. Но бросая ее и снова бегая взад-вперед.

– Н-ничего, н-ничего, Ф… Фасечка-а-а…

Вася резко остановился.

– Как ничего?.. Совсем ничего?

Она закивала, роняя крупные горючие слезы.

– Н-ничего. Софсем. Фася.

Вася задумался, потирая нос.

– Но ты сказала… сказала… это… что мы на ферме?

– Да, – ответила она, кивая и всхлипывая.

Вася молча ходил взад-вперед. Остановился.

– Давай сюда мобильник, – потребовал он.

Валя испуганно глядела на него.

– Мобильник.

– Фасечка…

– Я сказал… Или мобильник, или выметайся. Хотя – нет, можешь оставаться с новозеландцами. А я ухожу.

И он начал тут же собираться. Хотя все уже было собрано: рулон бумаги в рюкзаке. Оставалось взять спички, лампу, может одеяло, нож. Топор. Кастрюлю или чайник.

– Ммм… ы-ы-ы, – хныкала Валя.

– Потому что твой Мюсляй, зараза и дерьмо, ошивается около попов, – ожесточенно говорил Вася. – А мне дело и шьет попяра, понимаешь? Отец Никита. Хых-хы-хи-хихи… Какой он мне отец? Я вообще не знаю отца. Мамаша Гиппопотамиха нагуляла с кем-то… Специально, чтобы было кому под старость ложку супа поднести. Ну, пускай теперь сама себе подносит. Они все заодно. И если какая-то зацепка есть, а она есть – перехват моего звонка сюда, в город, Никкору, он свадьбу приехал снимать, и я ему позвонил, чтобы стрельнуть немного деньжат… Так вот и ниточка. Или сам Никкор проболтается в Москве ребятам. Что, мол, видел Васю-анархиста. Это я и есть. И поп Никита со следаком помчатся сюда. Сначала в город, разнюхают, что мы с тобой под собором встретились, а там этот Мюсляй, зараза. Он и заложит окончательно. На ферме, мол.

Вася схватил рюкзак. Валя тоже встала и в накинутом одеяле пошла к выходу.

– Куда? – спросил Вася.

– Я здесь не останусь, Фасечка. Не, не. Я с тобой. Н*а* мобиблу. – И с этими словами она протянула ему мобильник.

Вася еще медлил.

– Возьми, пожалуйста, ну, ну, пожалуйста, – говорила Валя. – Она твоя, бери, бери, на. Ты же хотел фоткать сны. Вот и фоткай, а я не умею совсем. Твоя мобибла, – повторяла она, произнося это слово на свой лад.

Она сунула мобильник ему в карман. И взяла со стола лампу. Они вышли из вагончика.

– Погаси лампу-то, – сказал Вася. – Заметят.

– Фу! Фу!

Валя дула в стекло, усердно раздувая щеки. Наконец огонек угас. Они стояли возле вагончика. В чистом небе уже проглядывали звезды.

– Куда пойдем, Фасечка? – бодро спросила Валя.

Вася озирался. Задирал голову.

– Вон Большая Медведица. Вон Малая. В ее хвосте Полярная звезда. Там север.

– Туда?

– Нет. Нам надо наоборот – на юг. – Он повернулся и указал в мглистые поля. – Туда… Проклятье. Мы даже не запаслись провизией. Хлеба нет. Только заварка. Соль. Спички… Надо было хотя бы поужинать на дорогу… Ты ему сказала, в какой мы области?

Валя энергично покрутила головой.

– Нет! Нет, Фасечка!

– А, ну да, у тебя же Основная Теория… А по какой дороге мы уехали?

– Нет! Нет!

– Хм, хм… Ладно. Давай пока поужинаем. Заправимся и пойдем. Это разумно.

И они вернулись в вагончик. А после ужина и вовсе решили никуда пока не уходить. Кругом снег и грязь, хлеба нет, лодки нет, да и речка еще не вскрылась. Снова в вагончике щелкали дрова в железной печке, а потом тихо горела лампа.

В полете пересек Днепр, – да, это был Днепр, – и оказался на цветущем берегу. Деревья стояли в пурпурных цветах, по ветвям прыгали птицы. А Днепр еще сковывал лед, только на самой середине студено чернела вода. Я уже не летел, а шагал. Повстречал крестьян. О чем-то их расспрашивал. И наконец, вышел к зданию в полях. Мне необходимо было предпринять штурм. Почему я не делал этого, как прежде – взлетев? Не знаю. А здесь я поднимался по лестницам на чердак. И это мне удалось. Крыша этого здания была куполом. Я проник на купол. Но над ним каменел еще один купол. И там находилась охрана. В руках у меня появилось какое-то оружие. Им я и смог уничтожить нескольких охранников. Так я прорвался на второй купол. Потом – на третий, последний, и вот оттуда можно было уже взлететь. На третьем куполе тоже находились какие-то люди. Некоторые из них ложились в стеклянные гробы, говоря, что это родильные камеры. Одному человеку сообщили, что пришло разрешение. «Решение получено!» И он тут же принялся стаскивать с себя одежду и с улыбкой бросился с купола в туман. Да, туман стоял стеной. Ничего нельзя было увидеть. А как хотелось. И тогда я вспомнил про что-то… Да, у меня есть лампа. Нет, это была не лампа, а мобильник. И тогда я навел крошечное окошечко на туман и сфоткал все, надеясь, что после рассмотрю получше…

Валя видела *…пещерное жилище, уютное, комфортабельное, перед ним – небольшой пруд, даже не пруд, а разлитая чистая вода. По этой воде к пещере подъезжал белый автомобиль, навстречу выходили старые еврей с еврейкой, некрасивые, горбоносые. Автомобиль развернулся и уехал. А я слышала девичий голос. Какая-то девица комментировала: «Вот здесь мы живем, тихо, укромно…» Наверное, моя подружка. Как ее звать? Ах, Рита. Из соседней деревни, дочка училки.*

Старики входят в жилище, сквозь резные двери видны их лбы, глаза. У-у, евреи таинственные, евреи жутковатые, они видели Семьдесят Второго.

Донг-дзонг! Клинк-клинк! Телефон. Мобибла. Где-то в пещере. Что же делать? Что делать? Побежала по воде, разбрызгивая…

Дзонг-дзонг! Клинк-клинк!..

Это страшно и чудесно.

Дзонг-дзонг! Клинк-клинк!

Как звонок Семьдесят Второго.

А может, звонок Мартыновны?

Улетевшей с голубями…

И я подумала, что жаль, нет мобиблы, а то бы я сфоткала голубя, вот этого…

Утром Вася отнесся ко всему спокойнее. Действительно, никто не знал, куда именно они поехали. Никкору он рассказал, что хочет по рекам уйти на Украину, во время разлива там границу не отыскать между Беларусью и Украиной. Граница по середине реки вроде бы. А в разлив – где та середина? Даже если Никкор его заложит, никто не догадается, где он временно осел с побирушкой с Соборной горы. Не будут же они прочесывать все перелески и кусты до границы с Беларусью?

– Ладно, Вальчонок, мы еще поработаем на ферме, – говорил он за чаем. – Вот и потеплеет, и лодку купим.

Валя согласно улыбалась. Бродяжка, она как собачка, которую приласкал случайный прохожий – и та уже не хочет от него отставать. Хоть Вася вчера и разбуянился, но и пальцем ее не тронул. Тогда как Мюсляй уже прибил бы. Даже брат в деревне ее бил, хоть и был младше. Младший, да злой, со свинцовыми кулачками.

– А по мобиле будем узнавать время, – сказал Вася. – Звонить опасно, да и некому. Я не помню номеров своих корешей. Одного только Никкора и смог вспомнить, и с чьей-то мобилы позвонил. – Вася нахмурил светлые рыжеватые брови, достал мобильник и начал просматривать контакты. – Хых, это кто «Мры»?

– Мюсляй, – отозвалась Валя, прихлебывая чай.

Вася не удержался и стал мелко заливисто смеяться.

– А чего тогда Мры? – спросил он.

Валя пожала плечами.

– А кто такой «Лбю»?

Валя в отчаянье посмотрела на него.

– Ну не надо, Фасечка…

– Извини, ты права. А то я уже сам, как следак поганый, хых, хы-хы… – И он ударил себя по уху, да так, что сморщился, затряс головой. – Вот дерьмо, проклятье!.. Звенит!.. – Он ковырял пальцем в ухе. – Все, я только впишу Никкора. Так, ладно… Вот, «Никкор». Хоть я не фанат этой фирмы. Моя любимая фирма – «Фуджи». У них самые крутые фотики и вообще… все на уровне. Моя камера «Фуджи» дома… Ну, то есть у следака с тем попом. Ее изъяли вместе с компом, зараза. И диски, флешки. Что они думали там найти? Фотки экстремистов-анархистов с отрезанными головами? Поваренную книгу? Ну, не ту фигню, которую перевели в девяностые годы, там уже ни черта не оставалось от оригинальной версии Уильяма Пауэллома, а воссозданную и вообще заново написанную «Полную русскую поваренную книгу анархиста» выпуска двухтысячного года. Третьего года… Да, проклятье, ее они там и нашли. А еще и Эдварда Эбби, экоанархиста. Хоть он и не запрещен. Но ведь как раз он сказал, что патриот должен всегда быть готов защищать свою страну от своего правительства!.. Хых! И научил всех только с бензопилой и гаечным ключом бороться против бульдозеров, прущих на лес. Крутой мэн! А к нему прицепом Толстой, Бенджамин Такер, Бакунин, Кропоткин…

Валя слушала его, хлопая глазами и перестав пить чай. Вася осекся, поглядев на нее.

– Вот, лекцию тебе прочитал, – пробормотал он. – Понравилось?

Валя кивнула.

– Токо я не поняла, Фасечка, зачем тебе поваренная книжка? Ты кем работал?

Вася засмеялся.

– Все анархисты повара, – ответил он. – Коктейль Молотова любят подавать на подносе зажравшимся буржуям. Знаешь, что это такое?

Валя отрицательно покачала головой.

– Выпьешь – и крышу сорвет. Напрочь.

Валя напряженно глядела на него. Потом снова покачала головой и сказала, что не верит ему, не верит, что он может кого-то отравить или напоить таким зельем, как Наташка из Заднепровья, клофелином мужиков опаивала, тырила у них денюжку. Вася тоже всматривался в Валю, в ее крупные карие глаза.

– Ну и подружки у тебя, – пробормотал он. – Не, мое средство другое. Но тоже действенное. Слово. Да. Думаешь, из-за чего за мной гонится Собака Баскервилей Обло-Стозевно-и-Лаяй?.. Из-за слова.

Валя перекрестилась. Вася на нее уставился.

– Чего крестишься-то? Что я такого сказал?

– Про *слово*, – ответила Валя.

Вася некоторое время молчал и глядел на Валю.

– Ну слово… И что?

Валя пожала плечами и снова перекрестилась.

– Хых-хи-хи… Да не одно, правда, было, а много… На целую статью об экстремизме, зараза. – Он посмотрел на мобильник. – Э-э, уже пора к нашим ушастым друзьям-алисоманам. Да, Вальчонок, как только мы будем вне зоны Собаки Баскервилей Обло-Стозевно-и-Лаяй, я тебе мобилу-то сразу верну, не думай.

Валя покрутила головой.

– Нет, Фасечка, фоткай сны-то.

– Сны?.. Думаешь, это так просто? Тут даже с моей «Фуджи» не справиться.

Через день утром, когда они пришли забирать завтрак, Эдик велел им после обеда никуда не высовываться, печку не топить, на стук не открывать, да лучше он их снаружи запрет. На вопрос Васи почему, ответил, что сегодня праздник, международный женский день и на ферму прибудет сельскохозяйственное начальство с голодными *авторитетами*. А Вася с Валей никак официально не оформлены, и потому могут сразу возникнуть проблемы – на лишнюю полусотню кэгэ мяса в месяц. Вася тут же ответил, что все понял и со всем согласен, они будут, как партизаны.

Отвозя тачку с кроличьими отходами в дальний угол фермы, Вася заметил куст вербы, осыпанный мохнатыми почками с желтой пыльцой, и наломал веток. Валя первой ушла в вагончик, и он, поставив тачку возле шеда, последовал за ней. Войдя в вагончик, спросил, нет ли тут какой банки, вот поставить?

– Что это? – спросила Валя. – Ой, верба. – Она перекрестилась. – Но до Вербного воскресенья еще далеко?

Сегодня восьмое марта

– Сегодня восьмое марта, – сказал Вася. – Гражданский… то есть светский праздник. Вот. – И он протянул вербу Вале.

Та вытаращилась на него.

– Ой, что это?

– Ну букет, – сказал Вася. – Не розы, конечно, хых-хы-хы-хы-хи-хи-ха-ха…

Валя взяла прутья с изумленной растерянной улыбкой.

– Фася…

Вася Фуджи, ну а сокращенно Фася – все смеялся. Смех у него был какой-то потешный, но заразительный, интересный. И Валя тоже начала смеяться, сверкая белками глаз, краснея щеками.

– А мне розы и никто не дарил, – говорила она сквозь смех. – И вербу.

– А что дарили?

– Ну… один раз тюльпан.

Как только они начали обедать, явился Эдик и запер их на замок. Валя попыталась что-то ему сказать, но он уже ушел. Примерно час спустя послышался шум моторов. Валя, конечно, приникла к окну и стала комментировать.

– Хо-го! Едут. Гробы-тарантасы, иноземные марки. Раз, два, три… Ишь, ишь, так и сверкают. Однажды мне сон такой был… ужас. *Какой-то вот дворец прямо, люстры там всякие, колонны, окна огромадные… И происходило там, мамочки, что-то такое… такое… Просто жуть. Кровопролитие. Кто-то кого-то избивал вусмерть. А потом топает какой-то такой… главный, а за ним его полицаи. Он такой высокий, лицо красивое. А у его подчиненных – ой: у одного лысая голова, как тыква, у другого подбородок, ровно требуха, болтается и выпученные глазья…*

– Чего выпученные? – не расслышал Вася.

– *Глазья. И вот этот главный останавливается перед одним таким мужчиной… ну вроде тебя, таким невзрачненьким…*

– Хых!

– *И да говорит ему, а что нам с тобой делать-то?.. А его сподручные орут: разодрать на куски, порубить! И этот начальник им отвечает так: нет, его – в печь. И того мужчину подхватили под белы рученьки да и поволокли к огромной железной печке. И он завизжал прям как поросенок, когда приходил к мамке сосед Жердяй с наточенным немецким штыком – бить его… потом опаливать соломой, лампой… И кричит: ай, ай, не надо!*

– Кто?

Валя посмотрела на него.

– *Ну не поросенок же*, – проговорила с укоризною Валя и снова обратилась к окну. – А, вылазиют… Вон, господа… И бабы с прическами… У одного букет каких-то белых цветов. Хозяин их встречает. Наш Юрьевич. В кустюме. Ага, ага… А цветы, видно, его женке. Или дочурке. Смотрят, курят. Фоткаются. Уходят в дом.

– Ну и что с тем было?

– С кем с тем?

– Да которого в печку потащили?

– А!.. *Ой, страсть, правда, я глядела ни жива ни мертва. Вот за что его так? И он как закричит, мол, стойте, стойте, есть ли у вас дети? Детки? Ну а тот командующий отвечает: а что такого, если имеются? И тот: я могу быть для них учителем начальных классов. И командующий вдруг сказал, что хорошо. И его отпустили пока. А лицо так и рдеет от печного жара-то. И поплелся он по залитому кровью полу, забился между колонн, в себя*

приходит, а я тут вроде рядом, все слышу. И к нему подходят две девицы, разговор у них завязался… И тут как подскочит человек с седой такой острой бородкой да как заорет: сесть-лечь-встать! Сесть-лечь-встать! И тот учителишка и давай ложиться, вставать, приседать. Вроде и смех. Но тут и ужас. Тот с бородкой: ты, говорит, обдолбался? Укурился? И заглядывает ему в глаза, пальцами веки оттягивает, заглядывает. А тот говорит, что и не курит, вроде тебя, мол, курил, но левое легкое заболело и прекратил. Тот с бородкой интересуется: а теперь болит? Нет. Перестало. И он, с бородкой ему говорит дальше: ты правильно сделал, что не убегал, а побёг бы – так тебя все равно Две Серые догнали бы. И отошел этот с бородкой. А учитель у девиц спрашивает: это, мол, кто такой-то? А они отвечают тихонько, что Начальник Мировой Стражи. И тут вдруг грохотанье. Я глянула в окно, а там кареты едут одна за другой, одна за другой, и лошади какие-то такие особенные, из какого-то вороненого материала, вот как эти машины. Правда, много больше, едут и едут. Это тот владелец с красивым лицом, хозяин дворца-то куда-то выезжал.

Валя замолчала.

– И что?

– И все, – ответила Валя.

– Ну и сны у тебя, Вальчонок, – сказал Вася. – Вот бы сфоткать. Куда там Сальвадору Дали!.. Мне тоже всякие занятные снятся.

– А это что за дядечка?

– Дали?.. Ну, один испанец с прибабахом, усы торчком, хвост пистолетом, рисовал пианино с девятью или десятью сияющими Лениными и все такое, как будто сны не сны или видения. Ему за это отваливали бабок порядочно. Но он все равно заканчивал жизнь в одиночестве, больной, парализованный, чудом спасся в загоревшемся замке.

– Как? – заинтересовалась Валя.

– Свалился с кровати и пополз к двери.

– А вот если наш вагончик загорится? – вдруг спросила Валя. – Будет чудо или нет? Как мы отсюда выскочим?.. И вообще… я уже хочу поссать.

Вася начал смеяться по своему обыкновению, приговаривая: «Вот дерьмо, зараза, попались».

– Давай разобьем стекло, – сказала она.

– Потерпи.

Еще примерно через час Валя сказала, что уже не может больше терпеть. Вася посоветовал мочиться в ведро и отвернулся.

– Но в нем же воду носим? – сказала Валя.

– Отмоем. Вон один писатель американец по системе йогов собственную мочу пил, и ничего. Затворник, буддист высоколобый.

И она присела над ведром, зажурчала звонко.

– А ты, Фасечка, не хочешь?

– Нет.

– Да перестань, не стесняйся.

– Сказал, нет.

– Ну, я не стану глядеть и уши заткну.

Вася засопел зло.

В вагончике уже было холодно. Они накинули на себя одеяла и сидели, как индейцы.

– Надо твой сон записать, – сказал Вася. – А то так и забудется. Интересно же. Но нет ни ручки, ни карандаша, зараза…

– А я нашла, есть, – откликнулась Валя. – В этом… шеде. Под окошком, на полочке. Вот, шариковая ручка. И пишет. На.

Вася взял ручку и достал из рюкзака рулон бумаги.

– Ты там будешь писать?

– Да, – деловито ответил он.

Но писать не давала пленка, которой бумага была оклеена. И тогда Вася ножом ободрал пленку с краю и, пристроив рулон на столе, действительно начал что-то писать.

– Ой, Фасечка, – бормотала Валя, – ну и ну. Вот бы наши все подивились, Мартыновна… Людка… Мои сны записывают.

Вася молча старательно выводил буковки на грубой бумаге.

– Ты прямо так все и пишешь? – спрашивала она, стараясь заглянуть.

– Не мешай, – буркнул он.

– Ой, ну не знаю даже… Я еще чего-нибудь вспомню. И новые буду все запоминать.

Когда наступили сумерки, Валя хотела зажечь лампу, но Вася остановил ее.

– А может, завесим окна одеялами? – предложила она. – Да и печку затопим, есть как раз дрова.

Вася ответил, что надо еще подождать. Ему тоже не хотелось никому попадаться на глаза… Начальнику Мировой Стражи.

– Нет, но классный был у тебя сон, – сказал Вася. – Мне уже кажется, что это я в нем и был, в твоем сне. И только сейчас об этом узнал. Хых! Хых… Мне должен был присниться такой сон. А приснился тебе.

– Следующий раз я получше буду приглядываться, – ответила Валя. – Так ты учитель?

– Ну, закончил сдуру пединститут, – откликнулся нехотя он. – Там с Никкором и познакомился. Только он после двух, что ли, курсов, свалил. А я остался.

– Фасечка, – проговорила озадаченно Валя. – А я тебя так кличу, без отчества. Нельзя же.

– Чего?.. Хых! Хых! Хы-хи-хи, – зашелся Вася.

– Нет, ты мне открой свое отчество, – настаивала она.

– Да ладно тебе!.. Хых-хи-хи…

– Ну Фасечка.

– Может, и отца у меня не было.

– Как так? – ахнула Валя.

– А что ты ахаешь? Ну? Ну? В вашей мифологии это возможно.

Валя хлопала в сумерках глазами, сверкала белками из-под одеяла.

– Не врубаешься? Ну, как это называется? Непорочное зачатие.

Валя быстро перекрестилась.

– Так то было чудо, – сказала она. – И голубь слетел от самого Отца. Голубь Святаго Духа…

И она начала напевать:

– Во славном было городе Вифлееме, / Во той стране было иудейской / На востоке звезда воссияла – / Народился Спаситель, Царь Небесный. / … – Тут она как будто съела слово. – …во убожестве приложился, / Во убогих яслях возложился, / Никто про его, света, не ведает. / Спроведали персидские цари…

И в это время на улице послышались громкие голоса, крики, смех и вдруг захлопали петарды, в вышине начали вспыхивать звезды фейерверков. Валя и Вася смотрели в окна. На их лицах мерцали отсветы.

– Совпало, – сказал Вася.

– Эти-то бесятся, – ответила Валя. – А пастухи и персидские цари ликовали.

Вася промолчал.

– И чего кричат? – продолжала Валя. – Не *вешать ли и стрелять*? Они и стреляют, обезьяны на джипах.

Покричав и порадовавшись фейерверкам, все снова ушли в дом. Но вскоре совсем поблизости от вагончика раздались голоса, мужской и женский.

«Какой-то сарайчик». – «Да». – «Пойдем туда». – «Нет». – «Почему нет?» – «Может, это хлев». – «Да нет, скорее какая-то подсобка… Ну-ка».

И кто-то подергал дверь, потом звякнул замком. Глаза Вали в темноте сверкнули.

«Закрыто, черт!..» – «Ладно… Прохладно. Пойдем в дом». – «Нет, нет… Давай… иди… ну…» – «Ах, перестаньте, Геннадий Иванович». – «Ну, ну… чего ты?..» – «Тут мокро, холодно, Геннадий Иванович… И вдруг кто-то придет?» – «Да ладно, козочка, ну иди давай, ты же козочка, а?.. Иди… юбочку так… так… ну… ну…»

На стену надавили.

«Геннадий Иванович… вы… вы… как же… Лучше уж в машину». – «Нет, на воле… нет, здесь… На природе… Люблю…» – «Так грязно… И холодно…» – «Это хорошо… хорошо… Она мать-земля… Давай, ну, давай, козочка… козочка».

Послышался нервный, но мелодичный смех. Потом кряхтение и ритмичное громкое дыхание. И тут Валя чем-то грохнула в стену. Наступила мертвая тишина.

– Что за хрень!.. – воскликнул придушенно мужчина.

– Кто здесь? Кто? – спрашивала женщина.

К окну кто-то приник. Валя накрылась одеялом с головой. Вася тоже.

– Ничего не видно, – проговорил мужчина.

– Пойдемте, пойдемте отсюда, Геннадий Иванович, пожалуйста.

– Я еще разберусь… что тут за бункер Гитлера.

Шаги удалялись. Все стихло.

– Вальчонок, – прошептал Вася.

– Чиво? – отозвалась Валя.

– Чем это ты?

– Поленом.

– Зачем?.. Нас могут найти, зараза, проклятье.

– Забоялася, что этот боров завалит дом.

– А если сейчас вернутся с факелами, фарами, прожекторами?

Валя молчала.

– Нет, я думаю, ты полная дура. А я дурак, что связался с тобой. Чего ты вообще ко мне прицепилась? Сидела бы себе спокойно в нищебродском скиту на горе посреди города. Давала Мюсляю. Генералу.

– Он старичок. И ничего я не давала…

Автомобили разъезжались поздно. В небо ударил еще один фейерверк.

И все стихло. Вася и Валя ждали, когда Эдик отопрет замок, но он не приходил. Валя зажгла лампу и начала возиться с дровами. Вася сидел неподвижно, потом не выдержал и пошел к ведру, ударил сильной струей. В вагончике пахло мочой. Вася отобрал у Вали нож и сам настрогал лучин, зажег огонь. Просохшие поленья быстро разгорались.

– Вот дерьмо-то, зараза, – бормотал Вася. – Сидим тут, сами как новозеландцы.

Валя прыснула в ладонь. Вася покосился на нее.

– А что? Так и есть, – говорил он. – Рлусские здесь как новозеландцы, в своей стране. Вся эта клика Россию и превратила в такой вагончик. Попы и чиновники построили себе рлай. Ну и капиталисты, конечно, лояльные к так называемому президенту, а на деле – обычному царю. Вот кому живется весело, вольготно на Руси. А остальные – новозеландцы в шедах. Сиди и жди, когда явится Эдик и умертвит французским способом, сдерет шкуру. Строили, строили, и наконец построили – Шед. Круто. Назло шведу, надменному соседу. Соседи тихонько строят капитализм с социалистическим лицом, ну а мы с грохотом и блеском – новый столыпинский вагон. Путинский. А на что мы еще способны? На что, Вальчонок?

Валя помалкивала. В вагончике стало теплее, и они улеглись на свои койки.

Чтение «Бхагавадгиты». Во время чтения всегда происходит что-то… Все искажается и куда-то обрушивается. Но в этот раз – все продолжалось.

Постучали.

Это были двое мужчин средних лет в строгих костюмах. Я понял, что надо выйти и следовать за ними, этими посланцами.

И мы летим. По воздуху, своими силами. Мысль о том, что если бы этот эпизод показывать в кино, то, конечно, лучше было бы лететь самолетом. Но здесь сам себе режиссер… Кто? Твоя внутренняя птица. И – раз, снялись и уже в воздухе. Внизу поля, деревья, в стороне деревня, дорога, высоковольтные столбы, всегдашняя преграда для полетов, но сейчас меня сопровождают ответственные лица, и проводов, гудящих от напряжения, можно не бояться.

Но мои сопровождающие вдруг по какой-то причине отстают, – отстали, и я сразу запутался в кроне высокого сухого дерева. И они меня потеряли. Из кроны я еле сумел выбраться, ветви твердые, как железо. Дальше простираются зеленые холмы, поля и серые воды, по волнам плывет корабль.

Лететь я почему-то уже не могу. Вот дерьмо, зараза… Пошел по земле. И выхожу… выхожу к монастырю? Монастырь католический, по-моему. Не знаю.

Легко попадаю внутрь, иду через помещения, галереи, затягиваясь сигаретой, через комнаты, в которых спят женщины. Монахини.

Вышел и снова узрел зеленые дали. Простор великий. Интересно, что это? Где? Италия? Испания? Или Россия?

Вижу женщину, она собирает хворост и приговаривает: «Как чудно разжигать огонь во вселенной. Как чудно разжигать огонь во вселенной».

И тут вывернулся откуда-то мужик в серой дерюге, подпоясанной веревкой, с всклокоченными волосами и бородой.

– Ты прощен в последний раз!

Так возвещает он.

Что? Кто? За что? Почему? Я не нуждаюсь ни в чьих прощениях, какого черта…

В вагончике было темно, где-то поблизости посапывала дурочка.

Снаружи храм какой-то чудной: колонны, каменные фигуры голых мужчин, – но внутри русская церковь, там все обшито резным деревом. Красота-а! Дверь за нами закрылась, музыкально прозвучала, как будто это шкатулка старинная. Дрлон-дзон-бом!

Удастся ли выйти? – беспокоится он.

А мне все равно!.. Как же тут хорошо.

Мы взялись за руки и немного покружились. Он спрашивает: а где же твое бальное платье?

Ха-ха!.. Бальное платье!.. Ой, мамочки, описаться можно. Да зачем?! И так хорошо.

Мы снова закружились.

А без одежды будет и еще лучше.

Мы стали раздеваться. В храме-то!..

Проснулись они поздно. Вася нехотя выполз из-под одеяла, позевывая, приблизился к двери, помешкал немного и толкнул ее. Дверь была закрыта. Он тихо заругался и взял топор.

– Ой, Фасечка! Ты чего это? Чего?! – вскричала Валя, протирая заспанные глаза, разгребая спутанные волосы, проглядывая сквозь них удивленно.

Вася молча рубил

Вася молча рубил дверь. Иногда лезвие попадало на гвоздь, и топор тонко взвизгивал. Вася рубил так, что во все стороны летели щепки. Наконец он сумел отделить доску с железным навесом от двери, и дверь открылась. Вася вышел наружу и вдохнул мартовский сырой воздух. Потом он взял ведро, снова вышел и, отойдя подальше, выплеснул содержимое на землю.

– Фася, затопи печку-то, – просила гнусаво со сна Валя.

Но он отвечал, что не надо пока, пусть проветривается.

– Холодина собачья, – канючила Валя.

Но Вася был непреклонен. Его лицо в веснушках было решительным и сосредоточенным, даже острый нос выражал целеустремленность. В сенях дома Эдика и его матери они столкнулись с самим Эдиком, всклокоченным, помятым. Он стоял в облаке крепкого перегара и бессмысленно таращился на вошедших, словно это были инопланетяне или новозеландцы.

– Бляха-маха, – пробормотал Эдик, морщась. – А я-то… совсем забыл… Но… как вы здесь оказались?

– Так, – ответил Вася, колюче глядя на него.

– Нет, кто вас… вам открыл? Ключ же у меня? У меня?

– Не знаю, – ответил Вася.

Эдик сделал движение рукой, как бы протирая изображение.

– Надеюсь, это не привет от белой горячки, – хрипло пробормотал он и пошел дальше, спустился по ступенькам крыльца, почесывая озадаченно шею.

Надежда Васильевна отдавала им контейнеры с завтраком, спрашивая, не мерзнут ли они в вагончике? Долго тепло от печки держится?

Вася после завтрака бродил вокруг вагончика в поисках досок, но ничего не обнаружил и решил позже посмотреть возле шедов или где-то на территории фермы, а в обед уже все заделать.

Когда они работали в шеде, пришел Эдик. Он сразу начал орать. Как смел этот бродяжка порубить дверь? Испортить такой отличный вагон? Дверь там была крепкая и ладная, холода не пропускала. Топи печку и живи королем, жуй крендель с маслом. Кто должен теперь это чинить? Рубить не строить?

Вася молчал.

– Чего молчишь?! – крикнул Эдик.

– А что с тобой говорить? – спросил Вася.

– Хочешь сказать, я тупой?

Эдика со злого похмелья разбирало. Он явно хотел почесать кулаки. Но тут в шед вошел сам Борис Юрьевич.

– Что у вас здесь за митинг? – спросил он хмуро.

Был он в брезентовой куртке, голова повязана косынкой из маскировочной ткани, щеки и подбородок чернели щетиной, веки подпухли, глаза красные.

– Это результат интоксикации, – заметил Вася.

– Ученый, твою мать!.. – воскликнул Эдик. – Посмотри, Юрьевич! На этого гастарбайтера.

– Ладно, что стряслось, – без вопросительной интонации проговорил Борис Юрьевич, слегка морщась.

– Да он взломщик! – крикнул Эдик. – Порубил нахрен вагон.

Борис Юрьевич посмотрел на Васю с некоторым удивлением.

– Даже так, – сказал он.

– Ой, ну вот зачем так-то наговаривать на человека? – подала голос Валя. – Вы, дяденька, закрыли нас на замок, даже поссать не выпускали! Почти сутки-то!

Борис Юрьевич обернулся к Эдику.

– Ну запамятовал, – отвечал тот, хлопая себя по шее. – Задурился вчера с *авторитетами*.

– И что? – спросил устало Борис Юрьевич.

– Утром Фасечка дверь и прорубил, – сказала Валя. – А то бы я там и насрала.

Борис Юрьевич засмеялся.

– Горшок, что ли, у мамки попросить?! – выпалил Эдик. – Устроили тут детский сад, мля.

– Дяденька, это вы нам устроили каталажку, – возразила Валя. – Как новозеландцам.

– Кому? Как кому? – спрашивал Эдик и даже ладонь к уху прикладывал, чтобы лучше услышать.

– Новозеландцам, – ответила Валя, враждебно поглядев на него, а потом кивнув на клетки.

– Это вы-то новозеландцы? – спрашивал Эдик, щуря синие глаза в белесых ресницах. – Юрьевич, мне тут анекдот припомнился… Встретили Петька с Василием Ивановичем осла, Петька говорит: не пойму, то не корова, не лошадь, уши вона какие. Чё за зверь-то, Василий Иванович? Тот ему: ну кролик это, только очень старый, судя по яйцам.

– Значит, и вы, – ответила Валя.

– Чего? – спросил Эдик.

– Фасечка говорит, да у нас все новозеландцы.

Эдик обернулся к Борису Юрьевичу.

– Слыхал, Юрьевич?.. Эти гастарбайтеры – ох не просты, а с умыслом! Куда метят!

– Ладно, Эдуард, успокойся, – сказал Борис Юрьевич. – Здесь ты сам виноват, что забыл. Надо дверь починить.

– Я? Этим бродяжкам? Бомжам? Пятому элементу?

– Почему… пятому? – не понял Вася.

– А потому, – не унимался Эдик, похмеляясь злыми словесами. – Там таких безродных ослов и показывали, смотавшихся на другую планету. Может, и вы хотите? Ну, раз не нравится? Раз новозеландцами себя ощущаете? Давайте, валите. Может, в Америке будете пиндосами, а не кроликами, что еще хуже.

Борис Юрьевич снова просмеялся, впрочем, как-то невесело, жестко, уныло.

– Я и сам дверь отремонтирую, – сказал Вася. – Только инстрлумент нужен, доска хорлошая, гвозди.

– Найди ему все, – сказал Борис Юрьевич Эдику и вышел. – И пойдем со мной… подлечиться надо.

Эдик тут же просиял и, позабыв обо всем, устремился следом.

– Хых! Ха-ха-хи-хи-хи, – засмеялся Вася. – Вот кому лечиться уж точно позарез нужно. Дебил натуральный. Вместо мозгов вата.

Валя вздохнула.

– Он, Фасечка, затурканный просто, ему отдохнуть надо, уехать куда.

– …в Новую Зеландию! – выпалил Вася.

– Ну нате, нате, – говорила Валя, насыпая корм в миски, – ослики новозеландские, недокормленные…

– Хыхыхх-хы! – смеялся Вася.

– И как же они вас есть могут? – сетовала Валя. – Ушастенькие вы мои. Ослики печальные.

Кролики молча слушали ее, поводя мягкими ушами, сверкая белками круглых загадочных глаз.

Вася все смеялся. В конце концов он заразил своим смехом и Валю. И, отсмеявшись, она запела:

– Трудничкам-рабам Христовым / Попаси вам… – Тут она на миг прервалась, как бы съедая слово, – Фрол-то ваших лошадок, / Василий ваших коровок, / Настасья ваших овечек, / Василий свинок, / Никитий ваших гусяток, / Сергий ваших утяток, / Варвара ваших куряток…

– Ну? Ну, Вальчонок? А про новозеландцев нет? – спрашивал Вася.

Валя улыбалась.

– Не-а. Там дальше про Егория: «Святой Егорий в поле сам он отпущая-а-а… А в дом принимая-а-а». Одних – на волю, других – в дом.

– Так спой сама про новозеландцев, – посоветовал Вася.

Валя подняла брови.

– Как? Это же песня устоявшаяся. Мартыновна говорила, у них в деревне, когда она еще малой была, такую пели.

– Ну и что? Новые времена – новые песни, – отозвался Вася. – Вот пусть Егорий их и отпускает.

– Кого?

– Да новозеландцев – в поле. Или в море.

Валя упрямо покачала головой.

– Нету такого в песне.

– Так будет, – сказал Вася.

Валя посмотрела на него и ничего не ответила.

Оживший Эдик принес доски, инструменты и все положил в вагончике. Вася в обед взялся за ремонт, бурча, что так тут и принято: сами себе столыпинские вагоны ладят новозеландцы. Валя ответила, что это же для тепла, да и какой же вагон без колес? Никуда не уедет. Вася, вжикая ножовкой, сыпля опилки, возражал, что колеса дело плевое. Стоял-стоял *столыпин* на запасном пути – и вот его модернизируют и опа, наш паровоз, вперед лети, в ГУЛАГе остановка, другого нет у нас пути, в руках у нас листовка: восемьдесят пять процентов новозеландцев поддерживают и одобряют модернизацию *столыпина*, вперед, на Берлин! Спасибо деду за победу и лично президенту за новые победы над голландцами, хохлами и пиндосами в Сирии.

Валя восхищенно слушала.

Вася примолк, утомившись работать ножовкой, смахнул с носа опилки.

– Фасечка, ты так много знаешь, – сказала Валя. – Против кого ты все время говоришь?

– Да про Обло-Стозевно-и-Лаяй.

Валя поежилась.

– Ой…

– Еще бы, – согласился он, примеривая отпиленную доску к двери. – Чудище хитрое, изворотливое. Под предлогом защиты обирает новозеландцев, бодается рогом со всем миром, чтобы еще страшнее было.

– А у него рог есть?

– А как же.

– Один? – уточнила Валя.

Вася на миг задумался.

– Нет, тогда это будет единорог – зверь благородный, а этот зверь паршивый, вонючий, с прилипшим к шерсти дерьмом. Два у него рога. И два подбородка.

– Черт? – спросила Валя.

– Черт – детская выдумка против него. Нет, у него рога не параллельно, а перпендикулярно.

– Как это? – не поняла Валя.

– Так, – сказал Вася и приложил к носу одну ладонь, к ней вторую.

– Как у этого… ну… ну… такого… в панцирях… маленькие глазенки.

– Носорога?

– Да! – воскликнула Валя и захлопала в ладоши.

– Ну… может, чуть и смахивает, – сказал Вася, – но только настоящий носорог невиннейшее создание, а Обло-Лаяй – монстр выбивания денег. А что еще надо попам и министрам? Бизнесменам? Генералам?.. А носорогу ничего не надо, лишь бы не мешали пастись.

– Он травку кушает?

– Да уж не детей со старухами и прочей голытьбой.

– И ты… мы… от него убегаем? – спросила Валя.

Вася ничего не сказал, еще подпилил доску и принялся ее приколачивать к двери.

Солнце редко появлялось в небе, но снега все равно таяли, поля лежали уже темные, курились в полдень, а снег серел по оврагам да на северных склонах взгорков. Однажды Валя вошла в шед и сказала, что река двинулась. Вася пошел на берег смотреть. Точно, река вскрылась, как дивная вена, и по черной воде поплыли гипсовые обломки и куски ваты, бинтов. Это было выздоровление после затяжной нудной болезни холодов да снегов. Ноздри острого Васиного носа трепетали, ярко проступали веснушки, глаза пьяно синели. Он тихо посмеивался, посмеивался, пока не расхохотался в полный голос… Оглянулся.

Сон распахнулся внезапно синей морской водой. Простор, небо! Никаких тебе электрических проводов. Лети в любую сторону! И я ринулся над морем. Мчался стремительно, догонял стаи лебедей и сопровождал их, летел рядом и разглядывал увесистых белых напряженных птиц. Сворачивал к птицам помельче, куликам, уткам. В ушах звучала какая-то музыка. Можно было лететь в любую сторону.

Но вдруг я почувствовал тоску, какую-то тоску по берегу. И тогда направился к далекой суше.

Как жаль! Гармония невероятно свободного сна искажалась, все принимало какой-то карикатурный характер. На суше стоял американский полисмен, он охранял вход, над которым было написано: «Диснейленд». Туристы рассаживались по кабинкам. Соседи говорили о каком-то профессоре. К нему мы и собирались в этих кабинках на рельсах? Говорили, что знаменитый этот профессор сейчас оперирует женщину по имени… Диотима!

«Та самая Диотима, излагавшая свое учение красоты Сократу?» – спросил я у соседки. Старушка посмотрела на меня. Один глаз у нее был затянут кровавой пленкой. Она протянула программку. Там было написано: «От нравов он должен перейти к наукам, чтобы увидеть красоту наук и, стремясь к красоте уже во всем ее многообразии, не быть больше ничтожным и жалким рабом чьей-то привлекательности… а повернуть к открытому морю красоты и, созерцая его в неуклонном стремлении к мудрости, обильно рождать великолепные речи и мысли, пока наконец, набравшись тут сил и усовершенствовавшись, он не узрит того единственного знания, которое касается прекрасного… Прекрасное это предстанет ему не в виде какой-то речи или знания, не в виде какого-то лица, рук или иной части тела, не в чем-то другом… а само по себе, всегда в самом себе единообразное…»

Я опустил руку с программкой.

«Что же получается? В море я по своему желанию повернул к берегу пошлости и никуда не взошел по лестнице иерархии красоты? Как досадно и печально!» – воскликнул я.

Моя соседка лишь посмотрела на меня и поправила шляпку.

«Но что же случилось с мудрой мантинеянкой Диотимой? Что за операция ей понадобилась?» – спросил я.

Женщина лишь вздохнула.

Вася мгновенно сейчас на берегу вскрытой, как вена, реки вспомнил свой сон и ударил себя по голове.

– Дерьмо, зараза! Болван! – заругался он. – Она же и была Диотимой.

И он принялся усиленно вспоминать эту женщину. Но лицо ее как-то расплывалось. Только затянутый кровавой пленкой глаз он и смог вообразить. Почему же не сфотографировал ее, эту легендарную женщину? Или сфотографировал?.. Нет, только лебедей и смог снять, и то уже не в полете, а опустившихся на воду.

– Нет, нет, – бормотал Вася, возвращаясь, – следующий раз я буду умней… – Он приостановился. – Вообще не поверну к берегу? К пошлому берегу… Но тогда бы я и не встретился с Диотимой? А зачем мне она? Если верить программке, то и надо было дальше следовать лебединой тропой. Дурак.

И он с неудовольствием смотрел на вонючие шеды, на вагончик, как будто мог бы и не вернуться сюда из своего захватывающего полета.

– Ты не помнишь, сколько мы здесь уже тусуемся? – спросил он Валю.

Та пожала плечами.

– Уже март заканчивается, – проговорил он. – Интересно, когда же нам заплатят? Река вон вскрылась. Пора готовиться. Расслабляться нельзя. Обло-Лаяй рыщет. Никкор в любой миг может следаку все рассказать… Ну, указать направление, раскрыть план. И тогда на границе они перегородят речку сетью. Дерьмо, зараза. Ты еще не передумала, Вальчонок?

– Чего?

– Ну уходить из этих мест, из этой страны.

Валя сдула локон со щеки и кивнула. Но потом поинтересовалась, как же они попадут в заграницу, если у них нету никаких бумаг, документов, паспортов?

– Как, у тебя нет загранпаспорта?! – воскликнул Вася.

Валя растерянно глядела на него.

– А русский? – спрашивал Вася.

Она развела руками.

– Как еще тебя Обло-Лаяй не схватило за шкирку?.. Не переживай, Вальчонок, у меня тоже бумажки нет, вот, только рулон стыренный с нашими снами. И нам нужна лишь лодка. Это наше паспортное средство, хыхы-хы-хы…

– А Мюсляю паспорт не дадут для заграницы? – спросила Валя.

– Да у него, наверное, тоже нет никакого документа? Кто ж ему даст заграничный.

– А по реке он может?

– Откуда он узнает? Рек много. И дорог тоже.

Еще через два дня в полях запели

Еще через два дня в полях запели, зажурчали жаворонки. Эдик целыми днями готовил технику, ходил по уши в мазуте, как черт. Иногда они с Борисом Юрьевичем забивали новозеландцев, и те висели вниз ушами, истекая кровью, – чем бескровнее крольчатина, тем лучше, – на перекладине между шедами. Валя тогда вообще к шедам не приближалась. Борис Юрьевич сердился и грозил ее уволить за прогулы. Но Вася старался в такие дни, работал за двоих. Он снимал мертвых новозеландцев, и Эдик вместе с Борисом Юрьевичем ловко и быстро обдирали их и свежевали. И потом Борис Юрьевич отвозил на стареньком джипе с крытым кузовом тушки в город. Некоторые заказчики сами приезжали, и тогда Эдик демонстрировал свое искусство, если заказчики не возражали. Кроме французского способа, у него были методы такие: колотушкой по затылку, американский – электричеством: тонкий металлический штырь вводят в ягодичную мышцу, а другой втыкают в височную область, – штекер в розетку, и все готово; перелом шеи; воздушный способ: большим шприцем запустить в вену уха порцию воздуха.

Наконец Вася спросил у Бориса Юрьевича про зарплату.

– Да вы же на полном здесь обеспечении, – ответил Борис Юрьевич. – Васильевна разве плохо вас кормит?

Вася насупился.

– Да нет, шучу, – сказал Борис Юрьевич. – Все как обещано. Пять?

Вася кивнул.

– Иди к Светлане, она выдаст.

– А Вале?

– Ну и ей, разумеется… Три тысячи пятьсот.

– Почему?

– Штрафы за прогулы.

– Но… я же за двоих работал, – пробормотал Вася.

– Иди и не спорь, – внушительно ответил Борис Юрьевич.

Вася отправился к дому. Снова на него тяжко лаял пес. Появилась молодая женщина в клетчатой рубашке и джинсах и спросила, что ему нужно. Он объяснил.

– Сколько? – спросила она.

Вася ответил. Женщина повернулась, собираясь уйти, но вдруг остановилась и устремила взгляд синих глаз на Васю в брезентовой робе, большой вязаной шапке.

– Но почему не десять? Вас же двое?

Вася замялся.

– Ну, ей урезали…

– За что?

– За прогулы. Хотя они и вынужденные, проклятье.

– В смысле?

Вася растолковал, что к чему.

– Вот как? Хм… – откликнулась женщина и ушла.

Вернулась она очень быстро с тысячными купюрами и, отдавая, сказала, что сама не может этого терпеть. Вася поднял глаза на нее.

– Пересчитайте, – велела она.

Вася посчитал, было десять бумажек. Он снова возвел глаза на женщину.

– Но…

– Все в порядке. Финансовый директор здесь я, – сказала она и закрыла дверь.

Вася пришел в вагончик и бросил на стол деньги.

– Вот, – сказал он.

Валя посмотрела на деньги.

– Ого, скоко…

– Да копейки на самом деле, – возразил Вася.

Валя брала бумажки и с улыбкой их рассматривала.

– Ой, нет… Это же прям зарплата. Оклад, – говорила она с восхищением. – Я никогда не получала.

– Да ну?.. Что, сразу на паперть после школы?

– Ну не после, но… – Валя замялась и не стала продолжать.

– Говори спасибо его женке, сам-то он назначил тебе штрафы, а она отменила.

– Давай купим вторую мобиблу, – сказала Валя.

– Зачем?

– Чтобы и я могла фоткать сны.

Вася глядел на нее. Глаза у Вали лучились.

– Нам надо купить лодку, продукты, – сказал он. – Сапоги.

– Зонтик, – откликнулась Валя. – И тебе, и мне.

– Зонтики?.. Хыхыхы-хых, – просмеялся Вася.

– Ну как дождь пойдет? Где на лодке спрячешься?

– Да рулоном укроемся.

– А сны расплывутся? Ты же записываешь.

– Так сверху еще и пленкой можно. Дешево и надежно. Надо составить список. – Вася очистил новый клочок на рулоне и оторвал его, уселся за стол, взял ручку. – Первое…

– Сигареты, – сказала Валя.

Вася пристукнул кулаком по столу.

– Еще чего! Мы будем дышать волей полной грудью, а не дерьмом, заразой.

Валя хихикнула и ответила, что не сказала бы, будто у Фасечки грудь полная, – скорее впалая.

– Это потому, что здесь мне дышать нечем, – ответил Вася и решительно записал пункт первый: – Лодка. Пункт второй…

– Лампа, – подсказала Валя.

– Лучше уже электрический фонарик, – возразил Вася.

– Так это покупать надо.

– А лампу ты хочешь стырить?

– Не-а, взять… А взамен… взамен что-нибудь оставить. Рюкзак.

Вася постучал себя по лбу шариковой ручкой.

– Скажи еще лодку обменять. Нет, фонарик купим. Потом веревку.

– Лодку тянуть?

– Хыхыхы-хы, – засмеялся Вася. – Новые бурлаки?.. Лодка сама нас тянуть будет.

Валя всплеснула руками.

– Так мы и мотор купим?!

– Да хотя бы на лодку и провиант хватило! – отозвался Вася.

– Долго плыть, Фасечка?

– Не знаю. Надо и карту купить… Только так все делать, чтобы не догадались. Лодку – скажу, для рыбалки. И ты, смотри, молчи. Ни гу-гу.

Большой город какой-то, размах… Дома высотные. Набережная. Река. По реке идет кораблик, яхта такая. Вдруг начинает тонуть. Никто не реагирует. Да и как-то нет никого… И затонуло судно. Я успел все сфоткать, удивляясь чему-то… Да, вот тому, что фотографирую. Здесь какая-то такая действительность, что не пофотографируешь. Ну или так: это занятие абсолютно бессмысленно почему-то…

Жалобный гнусавый протяжный плач. Что за голос такой? Где эта жалобщица?

Коза. Идет берегом реки и плачет. У нее длинное тело в лохмотьях, рога. Надо и ее сфоткать. Да тут затвор перестал срабатывать. Затвор? Так это фотик? «Фуджи»? Но было что-то другое… другое…

Улица приводит на окраину. Заправочная станция. Заправщик интересуется, что нужно. Провод. Спрашивает: зачем? Чтобы перегнать фотки. «Куда?» – «Одной девушке». – «Она в другом городе?» – «Она вообще в другом измерении». Заправщика это сообщение не удивило. Он сказал, что здесь, на заправке, и в городе таких проводов нет.

Мучительно раздумываю, как быть…

После очередного забоя новозеландцев Вася попросился с Борисом Юрьевичем в город, сказал, что хочет кое-чего прикупить. Тот предложил написать список, да и все, зачем зря ездить, но Вася ответил, что ему надо обязательно самому поехать, он должен купить лодку.

– Какую лодку? – не понял Борис Юрьевич.

– Резиновую. Для рыбалки.

– У Эдуарда есть, с «Ямахой».

– Я хочу свою.

Борис Юрьевич потер в задумчивости нос.

– А в шедах?

– Вальчонок все сделает, а что не успеет – вечером я.

– Ну ладно. Через полчаса загрузимся и поехали.

Валя испугалась, когда прибежал Вася и сказал, что отправляется в город за покупками. Она стала проситься в город.

– Вот прлоклятье, тебе-то зачем?

– Надо, надо, Фасечка, обязательно.

– Ну? Объясни толком.

– Купить кое-что.

– Да я куплю.

Она покрутила головой.

– Почему это не куплю? Тебе что, наркота нужна?

– Прокладки! – выпалила Валя.

Вася начал смеяться.

– А мне не дадут? Указ такой вышел? Мужчинам прокладки не продавать? Гомофобия в голову ударила Обло-Лайя?.. А цветы? Или «Шанель номер пять»? Что, подруге? Жене? А где справка? Хых-хы-хы-хы… Это не снилось Оруэллу.

– Прокладки без номеров, – сказала Валя.

– «Шанель номер пять», Вальчонок, не прокладка.

– А что?

– Духи, Вальчонок, духи, выпущенные мадам Коко.

Валя прыснула.

– Ой, ну и кликуха!

– Коко Шанель? Да это имя одной бабы, Вальчонок. Она духи придумывала, наряды, то, се. У тебя никогда не было французских духов?

– Не-а.

– Может, ты Маугли?.. Ладно, я побежал.

– Я с тобой! – воскликнула Валя, вскакивая.

– А кто будет в шедах новозеландцев кормить-поить?! Меня только на таких условиях берут в город. Ты – здесь, я – там.

– Я тоже поеду.

– Заладила! Прлоклятье!.. Ну куда? Зачем? Куплю я прокладок.

– Фасечка, не оставляй меня, пожалуйста, Фасечка.

– Ты думаешь, я свалю?

– Я боюся.

– Чего?

– Новозеландцев убитых.

– Так мы их и увозим, в городе по ресторанам раскидаем.

– Француза боюся.

– Какого еще?.. Эдика, что ли?.. Вот дерьмо-то!.. Да какой же он француз? Морда кривичская. Они тут все кривичи. Нашествия Наполеона у него нет ни в одной черте. Видно, пращурка в лесах отсиживалась. Нет. Или ты поедешь, но тогда в городе и пойдешь снова на паперть, или ты останешься. Все. Быстро решай. Ну?!

– Нет, нет, Фасечка, хорошо, хорошо. Только мобиблу купи еще.

– Да зачем тебе?!

– Сны, Фасечка…

– Какие еще сны? Это же невозможно, ты что, не понимаешь?

– А я их вижу.

– Что ты видишь?

– Фоточки снов-то. Ты фоткаешь, я их вижу.

Вася вдруг остановился на пороге, пристально посмотрел на девушку.

– Да?.. Так у меня нет провода для перегонки… для отправки, – пробормотал он и, закинув на плечо лямки рюкзака, вышел.

Красный старый переделанный джип с большим кузовом, плотно закрытым металлической задвижкой, уже стоял возле дома. Вскоре появился Борис Юрьевич в кожаной куртке, кожаной кепке, черных джинсах, заправленных в полусапожки на шнуровке. Он потрепал по башке пса и вышел за ограду, окинул взглядом Васю и, кивнув ему, сел за руль и сразу завел мотор. Вася устроился на сиденье рядом. Прогрев немного мотор, Борис Юрьевич тронул машину, поехал, разбрызгивая лужи и грязь.

– Когда-нибудь засыплю дорогу щебенкой, – пробормотал он и быстро покосился на Васю. – Не веришь?

Вася пожал плечами.

– Самому с трудом… – проговорил Борис Юрьевич.

Автомобиль катил

Автомобиль катил по ухабистой грунтовой дороге, в приоткрытые окна доносились журчащие песенки жаворонков. Солнце блестело в лужах. Снег уже повсюду согнало. Поля курились, ожидая плуга.

Молчали. Вид Бориса Юрьевича был угрюм. Он надел солнцезащитные очки. Потом попросил Васю достать из бардачка сигареты, закурил. Вася приспустил стекло. Борис Юрьевич усмехнулся.

– А мы вот курим с Эдиком, – сказал он. – Потому что здесь, как на фронте. Это не я придумал. Эдик. А он знает в этом толк.

Вася покосился на него.

– Воевал?

Борис Юрьевич кивнул. Еще некоторое время молчали, слушая врывающиеся трели жаворонков. Вася не хотел спрашивать, но не удержался и спросил:

– На Донбассе?

Борис Юрьевич посмотрел на него.

– Почему ты решил… Нет, в Чечне. С тех пор у него дикая аллергия на мусульман.

Снова молчали.

– Интересно, – вдруг сказал Вася, – а какая вера в Новой Зеландии?

Борис Юрьевич хмыкнул, пустил дым вверх.

– Кроссворд, что ли, в вагончике остался? – спросил он.

– Да так просто…

И снова они молчали. Выехали, наконец, на трассу. Борис Юрьевич включил приемник. Автомобиль набирал скорость. В новостях сообщали, что после ремонта и модернизации запущен Большой адронный коллайдер, а в Охотском море, в трехстах километрах от Магадана продолжаются поиски членов экипажа затонувшего автономного траулера «Дальний Восток», что указами Президента России Владимира Путина городам Старая Русса, Грозный, Гатчина, Петрозаводск и Феодосия присвоены звания городов воинской славы…

– Интересно, – опять подал голос Вася, – Грозному – за какую по счету войну?

Борис Юрьевич сразу не ответил, но позже сказал:

– Да, в качестве одного доброго совета. Не надо вообще что-либо говорить на этот счет Эдику. Ответ может быть непредсказуем.

– Я так понял, что с ним лучше вовсе не говорить, – откликнулся Вася.

– Нет, ну почему… Эдик хороший парень, по-своему добрый, отзывчивый, верный. И мастер на все руки. Мастер стрельбы тоже. Что в наших условиях немаловажно.

Колеса шуршали по асфальту, из приемника доносилась песня Газманова, потом пошла песня Скляра из группы «Ва-банк», пелось о том, что надо взять Манхэттен, ну а потом Берлин.

– Люблю этих ребят, – проговорил Борис Юрьевич, постукивая в такт пальцами по баранке.

– А я нет, – ответил Вася.

Борис Юрьевич навел на него темные стекла очков, в которых вспыхивали солнечные искорки.

– Дело вкуса.

Вася хотел разразиться целой речью по поводу этой группы и этой песни, но сдержался, подумав, что лучше промолчать, не влезать в идеологические споры, а то как бы это не навредило всему предприятию.

В город они въезжали под коротким веселым апрельским дождем. «Дворники» смахивали капли. Дождь стучал по капоту, крыше. Борис Юрьевич сказал, что разумнее всего будет

высадить Васю на рынке, где много павильонов и с лодками и с продуктами, одеждой. А тем временем он раскидает мясо, завернет еще в одну контору и через час подъедет за Васей. Так и поступили.

Вася пошел к павильонам в своем зимнем драповом полупальто с цигейковым воротником, в большой вязаной шапке, с рюкзаком на плече, обругивая себя, что не надел брезентовую куртку. Но она была ужасно изгваздана.

– Хы, а теперь потей, дерьмо, зараза… – бормотал он и хотя бы шапку стащил с потной головы и сунул в карман. Но большая шапка торчала из кармана, почти вываливаясь. Пришлось переложить ее в рюкзак. На Васю насмешливо глядели какие-то черноволосые смуглые мужики, покуривающие у павильона с мягкой мебелью.

– Э, что ищешь? Валенки? – спросил один из них.

И остальные заулыбались. Вася посмотрел на него и ответил, что ему нужна лодка.

– А, ледокол? – спросил этот смуглый мужчина с тонкими усиками, попыхивая сигаретой, сверкая золотым перстнем в луче снова выглянувшего апрельского чудесного солнца. – На рыбалку в Ледовитый океан собрался?

Остальные смеялись.

Вася нахмурил белесые брови, глядя на них исподлобья.

– Правильно. Готовь телегу зимой, а ледокол летом. Так у вас, русских, говорится?

– А ледоруб в любое время года, – сказал Вася, внезапно вспомнив одно историческое убийство, которое вовсе не одобрял, как всякое убийство, а тем более политическое, но жизнь такова, что приходится попадать ей в тон.

И он попал. Все усачи и безусые оценили черный юмор и рассмеялись, зацокали языками.

– Ну тогда тебе туда, – сказал другой, пожилой смуглец с пышными и как будто пересыпанными солью и перцем усами, указывая направление.

Вскоре Вася дошагал до охотничьего павильона, пытливо взглядывая сквозь стекло и стараясь определить, не очередной ли усач там торгует. Ему хотелось обойтись без юмора при покупке лодки, черного ли или какого другого.

Продавцом там работал сонный вялый молодой мужик с туманными серыми глазами. Вася приободрился и сказал, что ему нужна лодка. Хорошей грузоподъемности, с веслами, недорогая.

– Да?.. – еле слышно спросил продавец. – И что?..

– Вот, хочу купить, – сказал Вася.

– За сколько?

– Ну… А за сколько есть?

Продавец меланхолично вздохнул и ответил, что есть и за четыре тыщи и за двадцать четыре. Это смотря для каких целей, ну, где будет рыбалка, на каком водоеме, в речке, на озере, а может, и на море? И для скольких человек, можно для одного, а можно для четырех и больше.

– А для двоих? – спросил Вася.

Продавец кивнул.

– Элементарно.

Он указал на лодку в мешке.

– Сколько? – сразу спросил Вася.

Продавец слегка поморщился.

– Ну, сколько… Семь тысяч.

У Васи брови взлетели.

– Ого, нет, – сказал он испуганно. – А подешевле?

– Ну-у… Вот подешевле.

И Вася купил лодку Jilong Fishman за пять тысяч рублей. Он затолкал мешок в рюкзак и вышел, испытывая необыкновенные чувства нереальности происходящего. Лодка! Наконец-то

он стал владельцем лодки. Сколько лет мечтал. Да все как-то руки не доходили. Подростком зачитывался книжкой одного поляка «В одиночку через океан». Его захватили истории этих упорных ребят, работавших кто лесорубом, кто врачом, и вдруг слышавших зов – зов океана, все бросавших, работу, семьи, закупавших продукты. На лодку, яхту, байдарку, плот – и вперед, в неизвестность, за солнцем. Может даже, именно эта книжка заразила его анархизмом, да. Одиночка в океане и есть анархист.

Ален Жербо не знал войны и поражений, бороздя океанские воды в 1941-м. И свою смерть от лихорадки встретил словами о том, что это его последнее путешествие. Лучше умереть от лихорадки в океане, чем валяться с распоротым животом в окопе. Один парень вообще сам себе смастерил паспорт и был единственным представителем своего государства. Портовых чиновников приводил в изумление его документ. Ну и один врач отправился через Атлантику как раз на резиновой лодке, без воды и еды. Пил морскую и дождевую воду, ел летучих рыб и планктон. И выжил.

Но Вася не собирается экспериментировать таким-то образом, тем более он не один… Хотя еще неизвестно, возьмет ли эту странную Валю. Тут на него как будто просветление нашло. Да, в самом деле, думал он, кто она такая? Откуда взялась? С Соборного холма? Как легко и быстро она к нему приклеилась. Как будто век ждала. А он? У него была несчастная любовь к украинской Оленьке, которая училась в Москве на факультете иностранных языков, осваивая японский, дружила с забавным анархистом в растянутом свитере с оленями, а потом упорхнула ближе к Стране восходящего солнца – во Владивосток, ну а для Васи солнце и зашло. Именно Оленька заставила его полюбить фотоаппараты «Фуджи», у нее была камера быстрой печати… Сейчас – ни камеры, ни Оленьки. А только какая-то придурочная деваха на ферме, и сам Вася в чужом провинциальном центре, с лодкой, хых-хы-хы… Что с ним происходит?

Ладно, надо еще закупить продуктов. И он вышел из своего странного нового состояния.

Вася нашел продуктовый магазин и накупил супов в пачках, вьетнамской вермишели, консервов, чая, сушек, сгущенного молока, спичек. Что еще?

Выйдя из магазина с двумя ношами – рюкзаком, набитым продуктами, и мешком с лодкой, – Вася стоял, озираясь. Что еще? Тут на глаза ему попался парфюмерный ларек, и он вспомнил про «Шанель номер пять».

– Вот дерьмо, зараза… – пробормотал он, сопротивляясь этой мысли. – Еще тащись туда с этими баулами, а?.. – жалобно продолжал он вслух. – Денег и так в обрез.

После некоторой борьбы он все-таки направился туда. Как вдруг на пути ему попался ражий мужик с масляными темными глазами в растрескавшейся кожаной куртке, синих вытертых на коленях до белизны джинсах и в огромных белых разбитых кроссовках, в синей бейсболке. С ним была какая-то чумазая бабенка с красными нездоровыми щеками, в трико, резиновых полусапожках и в старой черной куртке. И эта бабенка так и зыркала на Васю. И только он приблизился к парфюмерному ларьку, как послышался оклик:

– Эй, постой-ка.

Вася оглянулся. Это были они, тот мужик и бабенка.

– Мне некогда, – сразу ответил Вася и вошел в ларек.

Здесь густо благоухало мылом и дешевыми духами. Но Васе уже было не до них. Он обернулся и посмотрел в окно. Те двое стояли поблизости, дожидались. Мужик казался Васе знакомым. Где же они сталкивались? Вася напряженно соображал.

– Что интересует?

Вася вздрогнул, услышав женский голос, оглянулся на продавщицу, миловидную, синеглазую, выкрашенную блондинку.

– Шанель номер пять, – машинально произнес Вася.

– О, как раз есть. Духи в масле. Пожалуйста.

– Сколько? – рассеянно спросил Вася.

– О, семьсот пятьдесят рублей.

Вася, как будто придя в себя, отшатнулся.

– А чего это такое, в масле?

– О, ну как же? Это отсутствие спиртовой основы. То есть практически сразу, минуя стадию выветривания спирта, вы уловите истинный аромат. И он будет более стойким. А распространенное мнение, что такие духи оставляют там пятнышки и все такое, – неверно. Ничего и не оставляют, если пользоваться грамотно. Наносим в район пульсирующих точек.

Вася ошалело смотрел на девушку.

– Пульсирующих?

– О, ну да. Яремная впадинка, за ушками, на запястье, хм, под коленками. И стойкий ароматный шлейф обеспечен на весь день. Но! – воскликнула девушка, вскинув указательный палец. – Один нюанс. Сказать?

Вася, как болванчик китайский, кивнул.

– Наносить надо на чуть влажную кожу. А потом выждать минутки две, чтобы парфюм впитался в вашу кожу.

– Это не мне, – сказал Вася.

– О, в кожу вашей супруги.

– Она мне не супруга, – испуганно отреагировал Вася.

– Мама? – тут же догадалась с ослепительной улыбкой белокурая.

– Хыхы-хы, – засмеялся Вася.

– О, что такое? – немного растерялась продавщица.

– Нет, – сказал Вася, снова оглянувшись на окно и заметив тех двоих. – Масла не надо. Попроще чего-нибудь. Подешевле.

– О-о-о, – протянула девушка. – Приходите завтра.

– Ладно, – согласился Вася.

По его лицу катился пот. Он поправил ремень сумки с лодкой на плече и вытер пот.

– Обязательно зайду. Но… Да! – вспомнил он и спросил, густо краснея. – А прокладки у вас есть? Ну, такие… короче, дамские.

Девушка улыбнулась и ответила, что есть. Вася купил прокладок. Посмотрел в окно.

– А сейчас… мне надо выйти. Нет ли другой двери?

Глаза девушки начали расширяться, кожа лица – и так-то светлая – бледнеть.

– Дерьмо, зараза, – бормотал Вася, – меня там ждут враги, понимаете?

– М-может, вызвать полицию, – слегка заикаясь, произнесла девушка.

Вася дернулся как ужаленный.

– Нет, спасибо!.. Видно, придется получить по шее. Или лишиться зуба.

– Ну я не знаю, – сказала девушка, бледнея еще сильнее. – Есть боковая дверь… но она завалена коробками.

– Я все разберу! – воскликнул Вася.

– Нет, все-таки… – начала она.

Но Вася уже прошел за прилавок и принялся передвигать коробки. Дверь освободилась.

– Вы спасительница одинокого мореплавателя, – сказал Вася и, схватив свои баулы, выскользнул из ларька и сразу шмыгнул налево, за угол.

Там были пустые коробки, пакеты, железная тачка на цепи. Вася перебежал за другой ларек, оттуда – за третий, и так ушел по лабиринтам ларьков, сопровождаемый тревожно-вопросительными взглядами торговцев. Уж слишком странен был вид востроносого рыжеватого малого в зимнем полупальто с рюкзаком и мешком, явно спешащего стать невидимым. По раскрасневшемуся его лицу бежали ручейки пота. В одном месте вынырнула белая собака с полувисящими розовыми ушами и носом в крапинку.

– Ххы! – выдохнул Вася, и собака завиляла хвостом.

Он торопился, понимая, что сейчас эти двое войдут в ларек и девушка им скажет, что посетитель ушел в боковую дверь, и тогда они побегут за ним, но есть надежда, что в другую сторону, – а если в эту? И собака трусила за ним. Он оглянулся и увидел ее.

– Вот дерьмо, зарлаза, – проговорил он.

Собака еще дружелюбнее замахала облезлым хвостом. Вася завернул за угол очередного ларька, благоухающего шаурмой, и столкнулся с мужиком в растрескавшейся кожанке.

Тем временем Валя

Тем временем Валя задавала корм новозеландцам, иногда приоткрывая дверцу, чтобы почесать кролика или крольчиху между ушей, некоторых из них она почему-то отличала и даже давала клички. Был здесь Василек, удивительный новозеландец с глазами, отливавшими почему-то синевой. Другой носил кличку чудную нерусскую – Бернард, потому что был черным. А совсем недавно Вале и приснился такой-то сон. Совсем короткий: *в какой-то квартире из комнаты с солнечным окном белый кролик резво кинулся в комнату с зашторенными окнами, в полутьме стал почему-то невидим, а когда выбежал, шлепая лапами по половицам, то был уже черным, и так и не стал белым, и кто-то ласково позвал его: «Бернард!»*. Проснувшись, Валя первым делом это чудное имя и вспомнила, а потом и весь сон. Был крольчонок Акробат, он любил кувыркаться, бегал по клетке, когда Валя приближала к ней свое лицо, прижав уши, и кувыркался. Это было чудн*о*. Одну толстую крольчиху Валя звала Попадьей, так она напоминала одну важную супругу священника, служившего в соборе. У попадьи, женщины, не крольчихи, были просто гигантские груди – как колокола, шутила Мартыновна. Она никогда не подавала денег, но – кусок пирога, яблоко или конфеты, а то и пакет молока, говоря при этом, что деньги известно на что будут пущены. Особенно Вале нравилась молодая крольчиха по кличке Звездочка – у нее дырка в ухе была в виде звездочки. Эта Звездочка любила вылизывать шершавым языком ладонь Вали. Наверное, там соль выступает, думала Валя. А новозеландец Полтора Уха – одно ухо у него было как бы надломлено, всегда повисало, – тоже вроде наладился лизать ее ладонь, да взял и укусил, ладно хоть не за палец, а за мякоть, рана плохо заживала. Надежда Васильевна, заметив гноящийся рубчик, дала пузырек с жидкостью и велела промывать, дала и бинт. Понемногу ранка затянулась. И с тех пор Валя любила подкрасться незаметно к клетке Полтора Уха и дать ему щелбанец сквозь сетку. Полтора Уха подскакивал и каким-то особенным образом прихрюкивал – возмущался. Хотя в основном новозеландцы были тихонями, поедали себе корма, шевеля ушами, поводя глазами, пили воду; ну, когда вместо комбикорма им давали цельную морковь, можно было услышать хрумканье. Впрочем, по графику, разработанному Борисом Юрьевичем, случалось это не часто. Но своим любимцам Валя нет-нет да и подсовывала это лакомство.

В шед кто-то зашел, Валя оглянулась. Это был Эдик. Ночью ему снились *горы, каменная деревня над пропастью и речкой, он оказался в одном из этих домиков, прилепившихся к склонам. Напротив сидела смуглая женщина в платке. Пришел мужчина с мотыгой. Эдик ждал удобного момента, чтобы выхватить мотыгу, недоумевая, где он оставил свой автомат. Но мужчина был настороже. Он спросил, что солдату здесь надо? «Я тебе дам молока», – сказала женщина, поглаживая руки с вздутыми венами на коленях. Мужчина явно готовился употребить свою мотыгу. Эдик покачал отрицательно головой. «Можешь идти», – сказала женщина. И он вышел. Медленно шел улицей между каменных домиков. И ему удалось выбраться оттуда. И уже он летел в самолете. Но в самолете были чужаки: мужчины в белых длинных одеждах, с замотанными головами. И самолет летел совсем не туда, куда ему было нужно. Нет, нет, не туда. Он немел от ужаса.*

– Как тут у тебя продвигаются делишки? – спросил Эдик, медленно проходя между клетками.

Валя молча глядела на него.

– Ну что ты смотришь, карие глазища? – насмешливо спрашивал он, подойдя уже вплотную и взирая сверху.

Валя разогнулась.

– Толстеют наши шоколадки! – воскликнул он, щелкнув по ближайшей сетке пальцами. – Да, а вот как раз у меня тут… – говорил он, запуская руку в карман синего комбинезона и

внимая что-то. – О-па! Шоколадка завалялась. На, бери. Ну, чего испугалась? Думала, как фокусник, выхвачу зайца за уши? Новозеландца?

Смеясь, он протягивал Вале шоколадку.

– Бери, бери, твой-то тебя не балует. Хотя, я смотрю, он какой-то вообще… лох печальный, а?

– Он учитель, – ответила Валя, принимая суровый вид.

Эдик присвистнул.

– У-чи-и-тель?.. Ну и ну. А похож на ученика, двоечника. Как это говорится, вечный студент, да?.. Ну держи, держи, чего ты?

– Маме отдайте, дяденька, – попросила Валя.

Эдик ухмылялся, почесывая бакенбарды.

– Да она у меня не последняя. Бери и кушай. И не называй меня так. Не маленькая уже. На. Ешь. – И он почти ткнул шоколадкой ей в лицо.

Валя взяла, глядя в сторону.

– Давай, давай, кушай. А то вернется твой лох печальный, отберет, хоть и учитель.

– Я потом, – сказала Валя.

– Нет, ты сейчас, – настаивал Эдик.

– Ну, это… мне работать надо, дяденька.

– Блин! Я же тебе сказал? Сказал, а?

И Валя принялась разворачивать шоколадку, шуршать золотцем. Эдик, прищурясь, наблюдал. Она осторожно откусила краешек плитки.

– Да ты не стесняйся… И ничего и никого не бойся. Лоха своего не бойся. Никого. Это я тебе говорю. Бьет он тебя?

Валя испуганно замотала головой.

– Ладно. Но если что – мне говори. О'кей?

Валя кивнула.

– Договорились, – внезапно почти сладким голосом протянул Эдик и погладил темную прядь ее волос.

Валя отшатнулась.

– Ну, ну, ровно жеребчик, – вкрадчиво задушевно продолжал Эдик. – Зачем же так?.. Как будто необъезженная, а? Ну, ну, будь хорошей, во мне-то сил поболее, чем в лохе печальном.

Бледнея, Валя отступала. Эдик приближался. Она еще ела шоколадку как бы во сне.

– Нет, ну точно, как необъезженная кобылка-то. А? А? Ну, не дури, иди сюда. Все будет хорошо, знаешь, как в песне поется.

Валя дернулась от его рук, ударяясь о клетки. Шоколадка выпала.

– Э! Ты клетки свернешь, кобыла! Ну чего? Не строй из себя цацу!

По щекам Вали потекли слезы.

– Дяденька, дяденька, – бормотала она, еще дожевывая шоколад.

– Да что за черт! – не выдержал Эдик. – Что? Необъезженная?

Валя, внезапно сообразив, что он имеет в виду, закивала энергично и вправду делаясь похожей на лошадку, пони.

Эдик выпятил нижнюю челюсть.

– Да ну?..

– Вот истина, – откликнулась она и перекрестилась.

Эдик напряженно соображал и вдруг рванул ширинку, обнажаясь.

– Ладно, хоп! – голос его звучал придушенно, яро. – Но я же говорил… говорил, что у меня еще есть… На-ко, давай…

И он схватил Валю за волосы.

Да, перед Васей

…Да, перед Васей как будто из-под земли вырос тот мужик. Темно он смотрел в лицо Васе.

– Куда спешим, уважаемый? – хрипловато спросил он.

– Куда надо, – ответил Вася, собираясь пройти мимо.

Но мужик заступал ему дорогу, качая головой.

– Да понятно. Только есть один вопросик. Постойте. Так. Про одну деваху. Вальку с Соборной горы.

– Что? Какая… – начал было Вася, но тот оборвал его.

– Не надо, уважаемый, ага? Белочка видела, как вы ее уводили. Да?

Стоявшая позади него бабенка ответила боязливо и в то же время как-то нагло:

– Он самый.

– Вот видите, уважаемый?

Манера говорить у этого человека тоже была странной, смесью глубокой приниженности и в то же время чего-то холодного, жестокого. Так в прогретой июльской реке иногда попадаются ледяные слои родников. От его голоса и бросало сразу в жар и в холод.

– Никуда я никого не уводил, – ответил Вася. – Люди не лошади, а я не цыган, прлоклятье.

– А? Не понял…

– Эй, ну что, приобрел ледокол? – вступил в разговор кто-то еще.

Все обернулись. Это был один из тех диванных горцев, с пышными усами, как бы пересыпанными солью с перцем. Он улыбался. Выпуклые темные глаза были насмешливы.

– Да, да, – ответил торопливо мужик в кожанке, стараясь загородить невысокого запарившегося Васю в полупальто.

– Э-э, зачем не даешь человеку сказать? – спросил горец.

– Я-а?.. – переспросил мужик в кожанке. – Да что вы!.. Пусть говорит.

Голос его был угодлив.

– Ну так что? – спросил горец.

Вася улыбнулся ему и, перехватив удобнее лямки, пошел.

– Купил, – говорил он, идя рядом. – За пять тысяч. С веслами, сиденьями…

Горец важно кивал.

– А насос?

– И насос есть в комплекте.

– Рыбку будешь ловить, а? Сетью? – спрашивал, посмеиваясь, горец.

– Нет, зачем, – отвечал Вася. – Так просто.

– Как просто?

– Удочкой.

– А, – откликнулся горец, махнув тяжелой рукой, заросшей черными волосками чуть ли не до ногтей. – Тут у вас и рыбки-то нет, э, совсем, да? Настоящей. Форели, как в горах, в чистых ручьях, знаешь?

– Что?

– Какая чисты-ая там вода, э? – Горец причмокнул. – Хрусталь!..

– Да, знаю.

– Откуда? – не поверил горец.

– Бывал там, ездил автостопом еще студентом.

– А? Где именно?

– В Пицунде.

– Тэ!.. – воскликнул горец, снова отмахиваясь. – Там все пасутся. Есть места настоящие. И электроудочками, как у вас, там рыбу никто не выбивает. Мы любим свои реки, свою землю.

– Мы тоже, – ответил Вася неуверенно.

Горец засмеялся, показывая крупные зубы, играя глазами.

– Э, дорогой, не смеши. И не сердись. Но у вас земля как мачеха. Или забитая дурочка, э?

Вася и сам так считал, но сейчас не хотел уступить самоуверенному горцу.

– Лучше бы сказать: забытая. Потому как дали неоглядные, народу мало…

– А я слышал, дельные люди и советуют Путину: перенеси Москву на Урал. Тогда и видно будет лучше, э?

Вася покосился на горца и ненароком повел глазами дальше: позади маячила та парочка. Черт, они шли за Васей.

– Ну, – сказал Вася, – тогда уж точно век Европы не видать!

– Ха-ха-ха! – засмеялся горец. – А ты себе на уме, рыбачок.

Они снова оказались перед павильоном с выставленными на улице креслами и диванами, затянутыми пленкой. Те же торговцы покуривали у входа. Увидев Васю, они заулыбались.

– И где твой ли-едоруб?! – воскликнул парень с тонкими усиками.

Но тут в соседнем ларьке врубили оглушительную музыку и все потонуло в ритмах, визгах. Морщась, горцы заругались, наверное, – по крайней мере, такие были у них лица. И Вася прошествовал дальше, не отвечая на реплику.

Выйдя на тротуар возле большого магазина «Байкал» с синей чайкой вверху, Вася остановился, огляделся… Сразу заметил мужика в кожанке и его спутницу. Но разговор с горцем как-то по-особенному настроил его. Он вдруг почувствовал нелепость всей этой беготни по лабиринтам ларьков. От кого и почему он должен скрываться?.. Ну, да, есть, конечно, причины. Но неужели и эти нищеброды посягают на его свободу? В том, что это знаменитый Мюсляй, Вася уже не сомневался. Действительно, у него глаза были как сливы. Хотя, кажется, его прозвали так не за глаза. Свободный человек не обязан отвечать любому прохожему, если, конечно, тот не в форме полицейского. И хотя Васина свобода была ворованной, он решил вести себя именно, как свободный человек, и баста. Ведь этот Мюсляй ничего не знает.

И он спокойно смотрел, как тот приближается. Вытер пот со щек, пригладил рыжеватые взъерошенные волосы. А Мюсляй не сразу подходил, а как-то топтался, озирался, принюхивался. Кажется, знакомство Васи с горцами сбило его с толку…

Наконец, он направился к Васе. Бабенка потащилась было следом, но тот ее остановил одним властным жестом. Вася смотрел на него, пытаясь определить, сколько ему лет и что это вообще за человек. Мюсляй был высок, коренаст, темен. На всем его облике лежала какая-то темная печать, тень и особенно на лице, странно нечистом. Лет ему было, вероятно, сорок или сорок пять. Он остановился возле Васи, бросая взгляды на него и вокруг.

– Что еще? – не выдержал Вася.

Мгновенная улыбка блеснула зубами, белками глаз. Зубастая была улыбка. Желтозубая. И тут же исчезла.

– Нет, ничего, – ответил Мюсляй.

Голос его был крепок и груб.

– Я же сказал, – проговорил Вася.

– Ну, конечно, конечно, – заискивающе ответил Мюсляй. – Я понял. Она могла уйти и с кем-то другим.

– Тогда… что вам надо? – спросил Вася.

– Ничего. Просто хотел узнать, если можно, где собираетесь рыбачить?

– Рыбачить?.. Речек да озер много, – ответил Вася.

– А откуда вы родом?

– Ну… какая разница, кто откуда.

Мюсляй кивнул.

– Все так, все правильно. Был бы, как говорится, человек хороший. А вы как раз из таких.

– Хых-хы, – просмеялся Вася. – Это еще неизвестно. Кто есть кто.

– Ху из ху, – подхватил Мюсляй, ощериваясь в улыбке. – Нет, оно сразу видно бывает. У кого есть дом, у кого его нету. Кто сам по себе, а кто подневолен.

– Да? – спросил Вася, с беспокойством глядя на него.

Тот кивнул.

– Да. – Он снова кивнул и повторил: – Да. У вас вот дома-то скорее всего и нету.

– Хых-хы!.. Это почему же?

Мюсляй пожал плечами, развел большими руками с грязными выпуклыми ногтями.

– Не знаю. Хотя интересно было б и узнать.

– У меня дом есть, – сказал Вася. – В деревне.

– В какой?

– Ну… в Ивантеевке, – брякнул Вася, предполагая, что звучит это вполне по-деревенски.

Мюсляй ухмыльнулся.

– Это же в Подмосковье? И не деревня, а город. Я знаю.

– Ну… поселение, – пробормотал Вася и начал краснеть.

– Так это вы оттуда к нам за лодочкой-то приехали? – делано изумился Мюсляй.

– Да, здесь у вас дешевле, – тут же нашелся Вася.

– Думаю, что разницу, если такая имеется, расходы на бензин пожрут, – ответил Мюсляй.

– Дерьмо, зараза, – пробормотал Вася, еще гуще заливаясь краской, что вообще обычно у рыжих тонкокожих людей.

– Ась?

– Да жарко, – объяснил Вася, знавший за собой эту особенность.

– Ну, если так одеться, – заметил Мюсляй. – Или в Ивантеевке еще зима?

Вася уже изнемогал от этого разговора. Вот пытка-то! – восклицал он в душе. И краснеешь как рак. На этом еще следак играл. Рыжим никакой детектор лжи не нужен.

– Да нет… просто… на всякий случай, – бормотал Вася, запинаясь и чувствуя себя нашкодившим школяром, пойманным директором или грозным завучем.

Он утер потное лицо.

– Да, вдруг придется заночевать на обочине, под кустом, – подхватил Мюсляй. – Тут путешествия такие, это уж точно. Ко всему надо быть готовым. Наша зона повышенного риска. Родина.

Вася глянул на него исподлобья.

– Так ведь? – спросил Мюсляй. – Как Мексика?

– Не знаю, я там не бывал.

– Мне она тоже только снилась, – сказал Мюсляй, улыбаясь. – *Вдруг попал в горы ихние, книжку нашел, открываю, а там написано, что в двадцать втором веке процветать будут… эти… инки и янки.*

– Инки и янки? – невольно заинтересовался Вася.

– Ага, – откликнулся добродушно Мюсляй.

– Похоже на анаграмму.

– Ась? Чего? – переспросил Мюсляй, но в его глазах промелькнуло что-то такое, заставившее Васю усомниться в его непонятливости.

– Анаграмма вам приснилась, – повторил Вася.

– Да, упустил, – сказал Мюсляй, – не только в двадцать втором веке, там было написано, но и в двадцать четвертом. То есть, выходит, америкосы и тогда будут рулить?

– Инки жили в Южной Америке, – заметил Вася.

– Ну, все равно американцы же. Соседи. У них и территории похожи, если вспомнить школьный атлас.

– Точно! – воскликнул Вася. – Анаграмма и здесь: Южная и Северная Америки. Материки очень похожи.

– Во, – сказал Мюсляй, посмеиваясь. – Значит, правду прочитал. А мы, извиняюсь, снова будем в…

Но договорить он не успел, его прервало появление джипа.

Вася с облегчением подхватил свои мешки. Мюсляй зорко глядел и опасливо сторонился, готовый пуститься наутек. Борис Юрьевич вышел, открыл кузов, спрашивая, все ли купил Вася, тот отвечал утвердительно. Мюсляй, отступив, глядел на номера. Потом обратился к Борису Юрьевичу, приниженно сгибая шею:

– Теперь на рыбалку?

Борис Юрьевич посмотрел на него, перевел взгляд на Васю. Тот уставился под ноги.

– Ну да, – ответил фермер.

– А речка там, в Ивантеевке, у вас рыбная? – поинтересовался Мюсляй.

Вася быстро взглянул на него, потом на Бориса Юрьевича и торопливо пошел к дверце, потянул на себя.

– Почему в Ивантеевке? – переспросил фермер. – У нас своя река. Рыбы не так много, но есть.

– Борис Юрьевич, поехали? – сказал Вася.

Тот с легким удивлением взглянул на него.

– А, – ощерился в улыбке Мюсляй. – Я и смотрю, номера-то у вас не московские. А где, извиняюсь, деревня? Может, мне эти места знакомые?

Борис Юрьевич подходил к дверце, открывал ее.

– Деревни там уже нет, – сказал он.

– Ба! – воскликнул Мюсляй, идя следом за ним. – А что, так, в палатках живете? Еще же нет рыбалки хорошей? Вода мутная?

– Да зачем в палатках. Там ферма.

– Так вы фермер? – догадался Мюсляй.

– Да.

– Во! Не видел живого еще фермера, хотя все о них говорят, – сказал Мюсляй. – Так, постойте, а нет ли у вас работенки какой?

Борис Юрьевич смерил Мюсляя взглядом.

– Работа всегда есть, – сказал он.

– Так, может, договоримся? Я бы на сезон со всем удовольствием. Не скажете адресок?

Борис Юрьевич полез в боковой карман и достал визитку.

– Вот.

– Так, может, сразу и сговоримся? Я и поеду? – обрадовался Мюсляй.

– Мест нет больше, – ответил Борис Юрьевич.

– А я могу и на колени к нему сесть. Или пусть он ко мне.

– Дерьмо, зараза! – выпалил Вася со своего места.

– До первой патрульной машины? – спросил Борис Юрьевич.

– Я могу и в кузов лечь, – не отставал Мюсляй. – Буду все делать, навоз разгребать, дрова колоть, воду таскать, коров пасти, землю рыть.

Борис Юрьевич приподнял ладонь, останавливая этот напор.

– Ну, ну. Хорошо, звоните или приезжайте и поговорим.

Мюсляй радостно улыбался, разевая широкий рот.

– Договорились, командир. Заметано. Буду. Ждите! Пока-пока! – крикнул он уже Васе, пригибаясь, черно заглядывая сквозь стекло и взмахивая крупной пятерней с грязными ногтями.

И джип отъехал.

– Знакомый? – спросил Борис Юрьевич, выруливая на дорогу.

– Дерьмо! Зараза! – отозвался тут же Вася.

Борис Юрьевич удивленно посмотрел на него.

– Прицепился, откуда-то вылез, из какой-то помойки, нищеброд, бомж, моральный калека.

– Да?

– Да! По всему видно – сволочь отъявленная, – продолжал горячиться Вася. – Он вам всю ферму разворует.

– Хм… Да тут такое дело, – проговорил Борис Юрьевич, – приличные-то люди не идут. Не хотят ни хрена на земле работать. Разучились.

– Еще бы, – тут же подхватил Вася, – как однажды выразился Лукашенко: крестьян давили-давили, яйца и пропали.

Борис Юрьевич рассмеялся.

– Лукашенко?

– Ну или Черномырдин, – ответил Вася. – Два сапога пара.

– Но в точку. Ведь так и есть! – воскликнул Борис Юрьевич. – Какой, например, Эдик крестьянин? Он строитель. Или, допустим, я. Авиаинженер.

– Вы? – удивился Вася.

– Да.

– Вот это да. Что же вас привело?..

– Мечта.

– О земле?

– О свободе. Просел наш авиазавод, совершил жесткую посадку, сломал шасси, переломал крыло, а то и оба сразу. И все. Я в эту сферу и подался с мечтой о свободе. Ну, мол, как это обычно говорится в кино и книжках. Небо – свобода.

– А у меня – море, – сказал Вася.

– А у меня теперь – земля, – откликнулся Борис Юрьевич, ведя машину.

– «Земля и воля», была такая народническая организация, – сказал Вася. – А еще «Хлеб и воля», труд Петра Алексеевича Кропоткина.

– Террористы, – откликнулся Борис Юрьевич, снова с интересом взглядывая на Васю.

– Ну нет, сначала готовили революцию, крестьянскую, – сказал Вася. – Да либералы, как обычно, начали мямлить, ссылаться на реформы, молиться на прогрессивные тенденции, зараза. И все провалили.

– Революция все равно случилась, – напомнил Борис Юрьевич.

– Уже не та. А у «Земли и воли» программа была проста: анархия и коллективизм. В семнадцатом году власть перехватили… как в «Маугли». Волки охотились, а Шерхан прыгнул и сбил вожака, того и сместили. Власть перехватили шерхановцы да шакалы.

Борис Юрьевич посматривал на Васю, словно впервые видел, и, посмеиваясь, качал головой.

– Потом этот оскал Шерхана, зараза, все увидели: кровавые решетки ГУЛАГа, – продолжал Вася. – Вот вам воля. А хлеб? Страна полей голодала. Украинцы на улицах помирали, как собаки.

– Голодомор?

– Голодомир, – отвечал Вася, позабывший уже и о Мюсляе, и обо всем, что ему угрожало. – Вечный Голодомир и построили. Империю партчиновников и танков.

– Ну, голодомор это хохлы любят раздувать…

– Про пять-то миллионов мумифицированных? То же и про нас можно сказать, – возразил Вася, – любим раздувать, например, голод блокады.

– Ты что! – воскликнул Борис Юрьевич.

– А что? Как хохлы – так раздувают, как мы – так вещаем истину.

Вася рванул в этот спор, как застоявшийся жеребец. Его глаза метали синие молнии, краска то бросалась в лицо, то угасала. Некоторое время слышны были только проносившиеся мимо машины и шуршание шин по асфальту.

– А ты случайно не хохол? – поинтересовался Борис Юрьевич.

– Случайно нет, – сказал Вася и вдруг засмеялся по своему обыкновению: – Хых-хы-хы… «Я родился в таможне, когда я выпал на пол. Мой отец был торговец, другой отец – Интерпол…»

– Ну и насчет голодомира… Колхозы были крепкие. И наш завод процветал, можно сказать. Да, не у всех были тачки, не все ездили в Турцию. Но был… как бы сказать? Был какой-то настрой, нерв такой, дескать: я имею право!

– А я слышал о тех временах такой анекдот, – тут же парировал Вася. – Имею ли я право на жилье? Конечно. А имею ли я право на свободу совести? Еще бы. А имею ли я право жить, где хочу? Имеешь, имеешь. Отлично, тогда могу ли я… Э-э, нет, товарищ, не можешь.

Борис Юрьевич усмехнулся, попросил достать из бардачка сигареты, закурил.

– Ты-то моложе, не видел этого, – проговорил он назидательно.

– Хых-хы-хы, – нервно смеялся Вася. – Вас, фермеров, давят, а вашему внуку кто-то то же самое скажет: да не давили, ты слишком молод, хы-хы, не жил и не видел.

На самом деле Борис Юрьевич был старше Васи лет на пять-семь.

– А старшие господа как раз и говорят, что дух былого сейчас и возрожден, – продолжал Вася. – Колхозников всегда давили. Теперь оседлали вас. Или нет? Вранье?

Борис Юрьевич затягивался сигаретой, угрюмо глядя вперед.

– Например, все эти разговоры, зараза, об импортозамещении, – не отступал Вася. – Как оно на деле?

Борис Юрьевич мрачно кивнул.

– Разговоры о том, что теперь русская свинина спихнет с прилавка бразильскую и всякую прочую, а русские яблочки будут румянее польских, – брехня одна, – сказал он. – Вместо польской и американской продукции прут турецкую. Это как с курортами. Чартеры в Турцию намного дешевле полетов в тот же Крым. Ясен пень, какое направление выберет гражданин. Не знаю, как там у турецких фермеров, а у нас удавка налогов, проверок да просто наездов…

Борис Юрьевич говорил как бы мимо воли. Не он говорил, а в нем что-то говорило.

– Оно, как в той сказке, – продолжал Борис Юрьевич. – Кормил мужик двух генералов, и сейчас кормит – именно генералов, а не всех. Всех россиян – турецкий крестьянин да китайский кормит. Ему и барыш на развитие. А здесь тебе дают кредит на льготных вроде бы основаниях и тут же требуют отдачи. Или кредит на картошку, а ты из-за погоды решаешь не картошку, а развести птицу. Все, статья, нецелевое использование. Технадзор, Роспотребнадзор… уф! Ну это мое хозяйство, по сути, мелкое. Но если посмотреть в целом? По всей стране?.. Вот, к примеру, зерно. Конечно, мировые проблемы легче решать, чем проблему зерна. Тут как? Производители, как всегда, в убытке. До трех миллионов отборного зерна Россия теряет в год. Вдуматься! – Тут Борис Юрьевич отпустил одной рукой руль и постучал себя по виску. – Три миллиона. А из-за чего? – Он свирепо взглянул на Васю.

– Из-за чего? – спросил тот.

– Да, как обычно. Торговая сеть виновата. Эти торговцы берут больше, чем надо, а потом просто возвращают нереализованное тебе обратно, и все. По той же цене, что и брали. Такие правила. А срок годности уже вышел. Кому такое зерно? Запаривать свиньям… А от зерна

свинина слишком жирная. Короче, его просто выбрасывают, больше никто париться с этим не хочет. Ну?! А проценты? Это страна банкиров. Однозначно. У китайского фермера один процент годовых, а у нас не меньше восьми – десяти. Ну и что? Конкурент я ему? Да еще он этот процент будет выплачивать лет тридцать, а? Хотел бы я знать, как это все называется?

– Тоталитаризм, зараза, – тут же заявил Вася. – Сиречь госкапбеспредел.

Лицо Бориса Юрьевича сморщилось.

– Чего? – спросил он, косясь на Васю сквозь дым.

– Государственно-капиталистический беспредел. Это то, что мы построили. Хотя лично я в этом и не участвовал.

– Хм. А где же ты все это время жил? На Ямайке?

– Ну, или скажем так, мой вклад был подневолен и минимален.

– Как это Эдик сказанул? Пятый элемент? – спросил с хмурой улыбкой Борис Юрьевич.

– Ну, он-то тот еще государственник, прлоклятье, – отозвался Вася с ожесточением.

– А ты, значит, антигосударственник?

Вася не удержался и кивнул.

Борис Юрьевич посмотрел на него, поднял козырек кожаной кепки вверх, чтобы лучше видеть, и снова посмотрел.

– Да?

– Да, – сказал Вася, – я – последователь Чжуанцзы.

И по его веснушчатому лицу расплылась блаженная улыбка.

– Ну, и здесь не выдержали конкуренции, – пошутил Борис Юрьевич.

– Да нет! – тут же с жаром возразил Вася, сияя. – Есть конкуренция, да еще какая! Кропоткин, Бакунин, Толстой.

– Бакунин?.. В смысле… анархист?

– Да, – с той же улыбкой подтвердил Вася.

– Хм… А при чем здесь Толстой?

– Так он и был анархистом, – сказал Вася.

– Лев Толстой? – уточнил Борис Юрьевич. – Который Николаевич?

– Да.

Борис Юрьевич растерялся.

– Так он же… он же «Войну и мир» написал.

– Ну написал.

– Как это «ну»? Он же прославил победу русских под началом царя.

– Русских и прославил, а царя – не очень-то.

– Но ведь… подожди… Анархисты ведь ни черта не выиграли бы у Наполеона?

– Стихийные силы помогали. Дед Мороз.

Борис Юрьевич с веселым недоумением поглядывал на Васю, крутя баранку.

– Ну и диковинные же у тебя представления!.. А я и не знал, что такого-то работника нанял.

– Это не у меня диковинные представления, а у Льва Николаевича. К нему и надо предъявлять прлетензии, зараза. Он, например, говорил, что любое правительство – сборище одних людей, насилующих других.

– Да? – переспросил Борис Юрьевич.

– Да. Это чингисханы с терлеграфом. Так он говорил. Точнее, так говорил Герцен, а Толстой это с удовольствием повторял. А сейчас я бы уточнил: чингисханы с интернетом, яхтами, «БМВ», Куршевелем и «Лайфньюс», НТВ, Первым каналом с откормленным Соловушкой-разбойником. Без тюрем, казней, убийств, обмана, унижения – нет никакой власти. Войско – собрание дисциплинированных убийц, зараза. А война – просто схватка за право нескольких кучек господ доить и унижать подданных. Войско нужно для охраны прежде всего

кучки господ. А еще нужна гипнотизация. Для этого есть два рода суеверий: религия и патриотизм. Ххыхы, посмотришь на картинку в телевизоре перед пасхой или там рождеством, где прлезидент рядом с патрлиархом, и – вот она, лучшая иллюстрация этой мысли нашего сиятельного графа.

– Погоди, это тоже Толстой говорил?

– Хых, хы-хы… Про телевизор он еще не успел сказать. Но про религию и патриотизм – да, ручаюсь головой, хоть Вальчонок и не советует ничем ручаться.

– Ну все-таки… это вряд ли, – недоверчиво проговорил Борис Юрьевич. – Не мог он такого говорить. А как же его Болконский да Кутузов? Наташа Ростова. Бал. Там еще охота на волка… Бородино. И все это… Платон… как его…

– Карлатаев, – подсказал Вася.

– Карлатаев? – переспросил Борис Юрьевич.

– Да. Карлатаев.

– Ну вот именно. Еще Кутузов встал на колени перед Одигитрией. Иконой из Смоленска. Разве это не патриотизм все? Не религиозность?

– Ну так и было. И он это и описывал, проклятье, – отвечал Вася, глядя вперед, на мокрую сияющую под солнцем дорогу. – Но это еще не значит, что так и думал.

– Это почему же?

– А он сам говорил, что истинное христианство – против государства.

– Как это?

– Да очень прлосто! Христос говорит: не убий, а государлство – убивай. Христос учит, там, щеку другую подставлять, ну, не противиться злу насилием, а государство? Вон, на Украине режут православные православных, и церковь с государством только их поощряют.

– Так и что это у нас, не христианство, по-твоему?

– Я тут не большой специалист, – ответил Вася. – Но по Толстому – не христианство. А если и христианство, то совершенно глупое и бессильное. Ну, если хохол с крестиком режет русака с крестиком, а то и русак с крестиком режет русака с крестиком? Это и есть, зараза, момент истины. Зачем такое христианство вообще? Свечки продавать да булочки? Еще и водой торговать.

– Ну, это ты хватил. Воду не продают.

– Есть продажа и не за деньги, за рейтинг там. Церковь по меньшей мере демонстрлирует бессилие. Войны она не останавливает. А государство их разжигает. Тогда и нечего поддерживать такое государство, дерьмо, зараза.

– Ну! Снова хватил… Ты, Василий, я смотрю, отъявленный экстремист.

И тут Васины глаза пыхнули тревожной синевой. Он резко замолчал.

– Без государства мы никто, – решительно продолжал Борис Юрьевич. – Так, сброд какой-то. Разве войну выиграли бы? Если в первые полгода три миллиона в плен сдались? Вот что значит, ослабли скрепы в головах, мол, не поймешь, чья власть. Но государство всех и сжало в единый кулак. Там и приказ Сталина: сдался в плен – ты дезертир, семью – под арест. А есть возможность таких красноармейцев накрыть огнем – так накрывать. – Борис Юрьевич ударил ладонью по рулю, словно там где-то, на этой дуге, и укрывались красноармейцы, окруженные врагом и готовые сдаться в плен из шкурнического страха. – И правильно. Нам только дай послабление. Все растащим, разбежимся кто куда, нагоним самогонки… Я уж насмотрелся на исконную нашу братию. Вот, говорят, Путин закручивает гайки? Так колеса уже в разные стороны разъезжались! Кто куда. Чечня в халифат. Татары там чего-то все недовольны. Сибиряки вообще ненавидят москвичей, я с одним разговаривал. Поэт оказался. У вас, говорит, там своя тусовка, премии только своим москвичам и все блага. Москва вообще как другое государство. Государство в государстве. Какие зарплаты. Какой-нибудь программист зашибает тысяч двести. В месяц. А он, поэт, всю жизнь пишет книжку и получает в итоге двенадцать, там,

тысяч. Ну или двадцать. Да и остальные нищие по сравнению с москвичами. Сколько можно этот кагал кормить? Ведь по офисам тьма бездельников. А какие запросы! Отдых за границей и все такое. Осточертела, говорит, эта Москва. Зачем она нам? У нас есть готовая столица – Новосибирск. – Борис Юрьевич посмотрел на Васю. – Ну и что прикажете с этими вольнодумцами делать?.. Вот президент и вытягивает их всех по струнке вертикали, – при этих словах он медленно поднял палец к крыше кабины, – а по горизонтали ужимает, ужимает…

Внезапно он замолчал тоже, посмотрел в зеркало заднего вида.

Послышался характерный сигнал

Послышался характерный сигнал, а затем металлический голос: «Водитель джипа, остановитесь!» Борис Юрьевич снова посмотрел в зеркало.

– Да что там такое, – проговорил он и сбросил скорость, свернул к обочине и остановился.

– Что? – спросил, бледнея Вася.

– Не знаю. Полиция.

Вася дернул ручку дверцы.

– Куда ты? – удивленно спросил Борис Юрьевич.

Вася затравленно посмотрел на него, часто дыша, оглянулся на окно. От дороги простиралось поле в прошлогодней жухлой траве. Только метрах в ста торчали кусты, и дальше снова тянулось поле. Вася сник, опустив голову, забормотал свое: «Вот дерьмо-то… зараза…»

Борис Юрьевич надвинул кепку на лоб, достал документы и открыл дверцу, встал и пошел навстречу полицейскому. Вася схватился за голову и зажмурился. Посидев так с минуту, он открыл глаза и огляделся. Увидел в зеркало, что было и у него сбоку, полицейскую белую машину с синей мигалкой, как в кошмарном сне или голливудском фильме. Потом разглядел и полицейского в бушлате с белыми светоотражательными полосками на рукавах. Он что-то говорил Борису Юрьевичу, показывая на машину. Вася отклонился в сторону, подумав, что и его отражение они могут увидеть, и вжался в кресло. Он готов был прыгнуть на водительское место, схватиться за руль, повернуть оставленный ключ зажигания и рвануть наутек. Когда-то его учил ездить один фашист, бывший одноклассник, но так до конца и не доучил, они чуть не подрались из-за расхождений во взглядах на государство. Фашику, разумеется, была ближе позиция официальных патриотических государственников, а не разглагольствования рыжего анархиста.

Но это было бы безумием. И Вася, бледнея и потея, ожидал, когда же подручные Обло-Лайя выволокут его из джипа, защелкнут наручники и потащат в свой автомобиль. Обидно было до слез! Так все хорошо складывалось. Добрался до этого города, смог увидеться со свадебным фотографом, который готовился здесь к съемке торжества, перехватил у него даже деньжат, хоть и маловато, но зато устроился на ферму прямо на той реке, которая и впадает в Днепр, сулящий волю вольную. И дождался уже половодья. Вот и лодку купил, продукты. Дальше – только оттолкнуться веслом. И на тебе… дерьмо, проклятье, зараза.

Прихвостни Обло-Лайя почему-то не спешили его хватать. Куражились. Ясно было, что бежать ему некуда. Или этого они и добивались? Чтобы подстрелить. Или догнать и отдубасить всласть.

– Власть дубасит всласть, – пробормотал Вася с кривой улыбкой.

А что будет с этой дурой, с Вальчонком? Станет крестьянкой?..

– Ххыхы, хы-хы, – тихонько засмеялся и заскулил Вася. – Ххыхы-ыыы…

Вдруг раздались решительные шаги. Вася оглянулся. Это был Борис Юрьевич. Вася смахнул с носа капельку пота. И мимо проехала полицейская машина, издав электронный и какой-то энэлошный звук на прощание. Вася сразу это понял. Да! Да! Они уехали!..

Борис Юрьевич хмурился. Взглянул на Васю, усаживаясь, повернул ключ зажигания и почти сразу поехал, так что Васе даже захотелось остановить его, зачем же, мол, так быстро – вдогонку за Обло-Лайя.

– Так-то, – проговорил Борис Юрьевич, играя желваками.

– Н-надо за ними следовать? – запинаясь, спросил Вася.

Борис Юрьевич посмотрел на него, усмехнулся.

– А ты, я смотрю, чего-то сробел больно?

Вася тут же попытался принять безразличный вид.

– Хотя да, лучше, как говорится, перейти на другую сторону, увидев, – отвечал сам себе Борис Юрьевич.

Вася даже решил вообще не вызнавать подробности этого происшествия. Но Борис Юрьевич сам сказал:

– А что не поинтересуешься, чего нас тормознули эти чистоплюи?

– Ну… это… – промямлил Вася, – наверное… хм…

– Правильно, из-за грязного номера. Цирк? Я им говорю, так чистенький-то был номер, когда со двора выезжал, а на повороте я выходил и тряпкой протирал, зная, как это бывает, помнишь? Ну. А поездив по современному городу, областному вашему центру – по уши извозюкался, выше фар. Ну? там же у вас такие, черт дери, колдобины, что трактор провалится. На танках только и ездить. Как будто это не Сирию, а нас бомбят все, кому не лень: турки, пиндосы, мы сами.

Васины глаза понемногу начали загораться синевой.

– Действительно, зла не хватает на эту ораву чинодралов, – не унимался Борис Юрьевич. – Ну сделайте уже что-нибудь с этими удолбанными дорогами, а? Один мудрила рассуждает: у нас-де, страна резких перепадов температур. А Финляндия не с перепадами? Или, там, Норвегия? Да Канада. Родственник, брат жены, алкоголик, уехал в Канаду и шлет оттуда фотки ихних дорог: любо-дорого посмотреть. А это Йеллоунайф, Северо-Западная территория, зона уже арктическая.

– Алкоголик? – переспросил Вася с любопытством.

– Ну да. Как вернулся из Афгана, так и не просыхал. Сначала – праздник, потом уже поминки по тем, с кем он там… Затянулись поминки. А был талантливый портной. Как говорится, от бога. Светка рассказывала, ему кройка не нужна была, на глазок все делал. Когда в Ташкенте еще в учебке был, генеральскую семью обшивал. Его хотели там и оставить, да он всеми правдами и неправдами добился, чтобы с ребятами в команде лететь дальше, куда их и готовили. Ну и попал. И вот допился до постоянного тремора.

– Так в Канаду его портным взяли?

Борис Юрьевич махнул рукой.

– В него влюбилась по уши одна женщина, музыкантша из Питера, которой он по чьей-то просьбе то ли платье, то ли брюки с пиджаком шил… Мужицкую силу он так пока еще и не пропил. Длинный. Жилистый. Она первая укатила туда, а потом его вызвала. Он не хотел. Не очень-то эту женщину и любил. А потом случился приступ белки, показалось ему, что на дворе тысяча восемьсот двенадцатый год и надо бить французов, – отправился к французскому посольству, там его и повязали, упекли в дурку… как это?.. Кащенко.

Вася вздрогнул и начал бледнеть.

– Ну, тогда наш портной и решил рвануть за океан, авось там все переменится.

– Переменилось?

– Да, не пьет, в завязе полном. Открыл мастерскую, шьет канадцам меховые куртки, штаны, шапки.

– С тремором?

– С тремором. А заказчики всегда есть. Левша он и в Канаде Левша.

– Вот это анекдот.

– Почему? Правда. Придешь, Светка тебе его фотку покажет с эскимосами… Жалко его, конечно.

– Кого? – не понял Вася.

– Ну портного.

– Хыхы-хы, – просмеялся Вася. – Ему завидовать надо, а не…

– Завидовать? Да он же ее не любит!

– Кого?

– Ни Канаду, ни свою женщину.

– Да?.. Вот зараза… Тогда чего не возвращается?

– Того. Боится, что снова запьет.

– Ну и ну… проклятье… цирк какой-то, правда, – бормотал Вася, качая головой.

– Сам гляжу на нас и удивляюсь. Хоть бы и эти гибэдэдэшники. Срубили с меня штраф. Мы, говорят, все прекрасно понимаем, но вы нарушили правила, извольте заплатить. Как машины, ей-богу. Как будто роботизация всей страны состоялась. Ну или роботизация этих всех силовиков, судей, чиновников.

– Так Толстой о том и говорил! – воскликнул Вася, сверкая глазами.

– Как?

– Он тогда уже предвидел. Чингисханы с телеграфом – это и есть предупреждение, что явятся и настоящие роботы. Вот они и пришли, дерьмо, зараза.

– А, опять песня про анархию. Это ты зря. Напрасно. Перестань. Детские забавы. И злые. Вон, слышал как-то, питерские анархисты «Невский экспресс» подорвали?

– Брлехня, ребят за митинги против войны в Чечне повязали, – тут же ответил Вася. – Это Каленов и Зеленюк. Они черные копатели, да. Но не подрывники. Дело уже давно прекратили шить. Не извинившись, конечно. А чего? Ну, подержали чуть за жабры стальными когтями.

– А не подержишь – так и будут подрывать и подкапывать. Это хорошо, что, несмотря на выверты либералов там разных, у нас остается призыв в армию. Хорошо! Спесь-то с задротов надо сбивать. Пусть и стальными, как ты выразился, когтями. Такая власть нам и нужна, – убежденно сказал Борис Юрьевич.

Автомобиль свернул с шоссе и начал наматывать апрельскую грязь. Вася хотел возражать, но как-то запнулся, примолк, смотрел вокруг. В приоткрытые окна снова потекли трели жаворонков. Одного он увидел: тот взлетел вверх и повис, отчаянно работая жемчужными в солнце крыльями и журча, а потом резко сорвался и косо спикировал в жухлую траву.

– Хыхы, как Шива, – сказал Вася, лыбясь, щурясь на солнце.

– Мм?

– Жаворлонок, – пояснил Вася. – А смотришь: многорукий бог.

– Аа?.. Мм… – Борис Юрьевич улыбался, поглядывая в небо. – Точно.

Автомобиль въехал в обширную лужу, Борис Юрьевич сбросил скорость и медленно форсировал ее.

– Скоро сев начнем, – проговорил он. – Мне апрельские поля нравятся как-то по-особенному. Есть в них что-то такое… женское. Ты не деревенский?

– Нет.

– И я. А вот, видно, что-то такое теплилось, как говорится. Мне в школе особенно понравился почему-то Некрасов, его «Кому на Руси жить хорошо». Как вот отправились эти семеро мужиков искать счастья, ну то есть счастливого человека. Некрасов деревню знал и любил. У моей мамы был хороший голос, и как застолье, ее просили спеть. Мне больше всего нравилось, как она одну песенку пела: «Меж высоких хлебов». Знаешь? – И Борис Юрьевич, по виду, манерам и речи абсолютно городской человек, поскрипывая кожей куртки, запел приятным, чуть хрипловатым баритоном: «Меж высоких хлебов затерялося / Небогатое наше село. / Горе горькое по свету шлялося / И случайно на нас набрело». – Он замолчал и потом продолжил говорить: – И мне сказкой это казалось. Маленькие избенки, а хлеба огромные. И какой-то стрелок забрел туда. Да и застрелился. Сейчас мне даже этот стрелок нашим Эдиком представляется.

– Хыхых-хы, – засмеялся Вася.

Борис Юрьевич посмотрел на него.

– Напрасно смеешься. Парень ты, как видно, с головой. Вот и подумай. Я тебе скажу, но не для всех. У Эдика была попытка суицида.

Вася тряхнул чубом, как конь.

– Толстой предупреждал и об этом. Чингисханы с телеграфом всегда дело к войнам сводят, не могут без этого. Война – зримое подтверждение пользы насилия. Даже если миллионы ухлопали, все равно выдают это за пользу. Никакая анархистская банда, зараза, не укокошит столько миллионов, сколько убили в одной Второй мировой. Воюй, а потом сам со своими демонами разбирайся.

– Вот ты снова, – сказал Борис Юрьевич с упреком. – Великая Отечественная – наше все, святое, как Пушкин. Хотя мне больше по сердцу Некрасов, – вспомнил он, снова настраиваясь на задушевную волну. – Работал на заводе, пока тот совсем не развалился, а как услышу эту «Меж высоких хлебов», так и начинает что-то саднить. Мама у меня деревенская, а отец рабочий, горожанин до мозга костей. Пролетарий. В деревне мамы я одни каникулы и провел однажды. Там на холме разрушенная церквушка торчала, а внизу была пасека. Мы однажды с соседским пацаном туда забрели, хотели меда потырить, ну и отделали нас пчелки – мама не горюй. У него морду разнесло: бульдог бульдогом. У меня шею набок своротило. Инвалиды… Только теперь мне сдается, это не яд был, а то, что вот горчило… тоска такая. И как завод накрылся медным тазом, я и рванул… Ну, не сразу. Не так-то просто из города вырваться. Еще в разных конторах прозябал. И вот – вырвался…

В голосе Бориса Юрьевича слышались и горечь, и радость, и удивление.

– Не жалеете? – безжалостно спросил Вася.

Борис Юрьевич крутил баранку, смотрел вперед.

– Нашли свободу-то? – не отступал Вася.

Борис Юрьевич глубоко вздохнул.

– Свободу?.. Иногда это точно есть, как разряд грозы. Разрыв такой. И в нем дышится, как древнегреческому богу. Хм. – Борис Юрьевич усмехался. – Ну, как-то так и бывает. Но… вообще поставить бы на въезде такие пугала, чтоб чинуш понос сразу пробирал, как появятся. Есть теория, что «Летучий голландец» команда покинула из-за низкочастотных звуков. Нельзя ли попытаться изобрести такое устройство? Я над этим работаю, – то ли пошутил, то ли сказал правду бывший авиационный инженер. – А в правительство посадить нового Некрасова.

– Хых, он же был картежник, все законопроекты продул бы.

– Да хотя бы ввели туда Мельниченко, например.

– Поэт такой? Новокрестьянский?

– Фермер, рубит правду-матку. Кроликовод, кстати. Дельный мужик. Смелый. У него хозяйство было: магазин, пекарня, мельница, цех по изготовлению мебели, рыбный цех, швейная мастерская. Ну, местные казачки захотели его крышевать, тот не дался, они его и пожгли.

– Хыхыхы, – засмеялся Вася. – Все символично в Обло-Лайя. Ряженые торжествуют. Кто френч Сталина напяливает, кто папахи. Никто не стесняется, не возмущается. Потому как мышление дремучее, феодальное. Ну, на уровне девятнадцатого века точно, зараза. Все вперед, мы – назад, в потемки. А жив хоть этот Мельниченко? В тюряге парится? Или уже свалил куда-нибудь?

– Да жив. Новое хозяйство, из кроликов шьет шубы. Я тоже собираюсь такой цех открыть, да с прошлыми долгами никак не расплачусь, увяз… А мне как-то чудной сон привиделся. Дело было так. *Мужик какой-то в лодке плыл, веслом правил и пловцов собирал. Ну, чистый Мазай. А эти как зайцы.* – Борис Юрьевич, улыбаясь, закурил. – *И меня взял в лодку. Смотрю, у него борода такая мокрая, раздвоенная, длинная, – как у Некрасова, сообразил. И оробел, конечно, молчу. И вот мы вплываем вроде в долину. А посредине остров. Причаливаем. «Кто такие?» – вроде спрашивают. Ему ответ: «Крестьяне». И тут я смотрю, у мужиков крестики, у кого с ладонь, у кого совсем маленький, у одних на шее на веревке, у других в карман засунут. И крестики эти березовые. Я себя невзначай оглядываю: нету. Ни в карманах, нигде… Ну, думаю… Постояли. А тот лодочник с мокрой бородой Некрасова лег в лодку бородой*

кверху и заснул. И мы пошли так невзначай по острову. Узнаем, что температура здесь всегда двадцать пять градусов. Смотрим: островитяне-дети играют в мячик. И вдруг слышим: пение церковное. Глядим, точно, церковь стоит. И там люди поют, мужчины и женщины. Идем дальше и приходим к озеру – вода чистейшая, бирюзовая. Красота! И несколько мужчин рыбу ловят, смеются. Тут еще подошли люди и устроили для нас танцы. Танцевали по двое, мужчина с женщиной. Музыка откуда-то бралась, не знаю… И не полилась музыка, а понеслась – зажигательная. Танцоры ей под стать. И было в этих танцах что-то такое индийское, что ли, а сами мужчины и женщины и дети смуглые, черноглазые, все длинноволосые. Ничего выразительнее тех танцев я в своей жизни не видел. Движения танцоров были потрясающе красивы и как-то мудры. Словно в каждом движении… ну, книга. Или какая-то картина… Стали они и нас приглашать на танцы. Мы дичимся. Какие танцы, да? Переминаемся с ноги на ногу в своих сырых рубахах, мокрые штаны с пузырящимися коленями подтягиваем, лыбимся… Потом нас просветили кое в чем. Оказалось, на острове строгонастрого костры запрещено разводить. И вот странно. Да из чего их разводить? Остров весь в шелковистой траве-мураве, а ни одного деревца. Ветерок дует, и остров переливается, как конь гривой играет. У воды песочек белый. Кроме гражданских, там были и воины. С одним у меня состоялся разговор. Он опустил свою саблю и вынул из-за пазухи какие-то свитки. Я понял, что сейчас он посвятит меня в премудрости счастливой жизни. И первое, что он сказал, было вот что: христианство – это ислам, а буддизм – это христианство… И вот нанесло дымком! – Борис Юрьевич даже в отчаянье бросил руль и вскинул обе руки, так что автомобиль несколько мгновений катился сам по себе. – *Первым обеспокоился мой собеседник, он оглянулся, потянул носом воздух. Да и так уже был виден дым. Он тут же сунул свитки за пазуху и, выхватив саблю, бросился на дым. Я издалека уже видел наших мужиков, они жарили на камнях рыбу… И со всех сторон бежали другие воины. Я кинулся по берегу, думая спастись в лодке. Да лодку уже далеко отнесло, и лодочник с некрасовской бородой так там и дрых. Я закричал ему, но он и в ус не дул. И что мне оставалось делать?* – Он посмотрел на Васю. – Правильно, я проснулся.

– Вот это да, – сказал Вася. – Как будто этот сон мне приснился.

– Нет, – возразил убежденно Борис Юрьевич. – Это был крестьянский сон. Я помню, как мы восхищались жирной землей и думали развернуться там, посеять хлеба, разбить сады. Это же настоящий рай! Температура какая. Все-таки, как ни крути, почему фермеры во Франции преуспевают? Или в Италии? В Испании? Да там тепло. То же и в Америке. Снег выпадет – они в шоке. А здесь зона рискованного земледелия.

– Неизвестно еще, – ответил Вася, – может, и не рай вовсе.

– Почему так думаешь?

– Да кто его знает, зараза… – откликнулся Вася печально. – Раз там были гоблины с саблями. В раю – анархия.

– Ну да. А господь, как говорится, бог? И там святые, ангелы. Это же целое министерство.

– Значит, не рай, – подытожил Вася.

– Нет, но как там было красиво… И пели здорово. А танцы? – возразил Борис Юрьевич с каким-то детским упрямством, с легкой обидой и большой надеждой.

– Да это, может, были покойники, – предположил Вася. – Остров блаженных покойников… ххыыы, хыыыхыхы, хыхыхх… – И он, по своему обыкновению, зашелся смехом.

Глядя на него, начал смеяться и Борис Юрьевич.

– А правда, – говорил он сквозь дым и смех, – хха-ха, ведь те мужики наши были с крестами.

– Ну!.. Хххы-хыхы-хы-хы, – подтвердил Вася.

– И тогда, выходит, я один был живой и спасся!..

– Да! А-ха-ха-хыхы-хыыы…

– И на том свете нет мужику счастья! Такова, выходит, заключительная часть «Кому на Руси жить хорошо». Тот же лодочник и был Некрасов. Прислал с того света…

– Хыхы-ыыыхы, – смеялся Вася. – Может… он вас в карты и проиграл, зараза.

Борис Юрьевич сморщился от нового приступа смеха и ударил кулаком в плечо Васю. Тот аж качнулся, продолжая смеяться.

Впереди показались строения фермы, унылые березы в отдалении, на берегу разлившейся реки.

– Скоро и здесь будет остров, – сказал Борис Юрьевич. – Ну, почти остров. Полуостров. Так что правильно ты купил лодку. Хотя такого наводнения, как в одиннадцатом году, и не обещают. А тогда здесь был настоящий остров. В шеды ходили в броднях.

Автомобиль затормозил у ограды перед домом. Вася забрал рюкзак и баул с лодкой и потопал к своему вагончику. Внутри никого не было. Да еще не наступил вечер, и Валя, видимо, вовсю трудилась в шедах. Надо было идти ей помогать. Правда, Вася надеялся, что она припасла ему обед. Но на столе было пусто. Он достал буханку хлеба, колбасу, лук, бананы и наскоро перекусил, запив этот обед из чайника холодной водой. Переодевшись, отправился в шеды, хотя и было искушение тут же накачать лодку и оттащить к реке, испытать ее на воде. Но все-таки он пересилил себя. В первом шеде никого не было, ну, кроме новозеландцев. Вася бегло осмотрел кормушки-поилки, желоба для экскрементов. Видно было, что Валя здесь поработала. А вот в следующем шеде все сделано было лишь наполовину. Вася заругался.

Нет, горбатого лишь могила исправит

Нет, горбатого лишь могила исправит. Попрошайка – как вор, никогда не станет трудиться. На дорогах Васе попадались настоящие воры. Один поделился своей мудростью: «Ничего тяжелее шариковой ручки не держал, в натуре, и держать не буду, ибо – западло». И, чуток подпив, позабавил песенкой, которую гнусаво так мурлыкал: «А колокольчики-бубенчики бом-бом, / А-да на работу я и завтра не пойду, / А-да пусть работает Иван, / Перевыполняет план…»

Вася заглянул и в следующие шеды, но и там Вали не было. Он принялся за дело, начал сметать кроличьи катышки по желобам, засыпал комбикорм в миски, наливал воду, злясь на Валю. Работы было много, так что в конце концов пришлось включить свет. В сумерках Вася покатил тележку с отходами в дальний конец дворища. Закатный огонь дотлевал за березами и рекой, окрашивая воду. И этот закатный свет напомнил почему-то Васе сон фермера. Зовущий был свет, так вдруг почувствовал Вася. И он снова подумал о лодке и даже заулыбался. В воздухе попахивало дымком.

Пора было идти за пайкой. И Вася решил докончить потом.

В доме, как всегда, гремел телевизор: «Еще один шаг или даже прыжок в гонке за самостийностью и незалежностью. Верховная рада Украины приняла закон об осуждении коммунистического и нацистского тоталитарных режимов, запрещающий коммунистическую и нацистскую символику. Политики спешат все смешать и откреститься от нацистского вектора, который явственно прослеживается во всех их действиях и решениях последнего времени. Происходит фашизация всей жизни этой страны».

Вася не хотел брать и Валину порцию, пусть сама приходит, но Надежда Васильевна настояла, чтобы он взял. С двумя контейнерами Вася пошел к вагончику. В окошках не видно было ни зги.

– Да куда она запропастилась, проклятье! – сердито воскликнул Вася, осматриваясь внутри.

В вагончике уже было плохо видно, и он зажег лампу. Тут же спохватился, что так и не купил фонарик. Из-за этого Мюсляя, беготни. Вася открыл свой контейнер, взялся за ложку, зачерпнул рисовой каши с мясной подливкой, отправил в рот… Жуя, уже по-настоящему вдруг забеспокоился о Вале.

– Ну где эта дурочка?

Он бросил ложку, встал и вышел, но тут же вернулся и задул лампу. А потом уже пошел по ферме, озираясь. В доме Бориса Юрьевича весело горели окна. Иногда пыхали разноцветными сполохами, – наверное, там смотрели телевизор. Вася приостановился, было, чтобы понаблюдать за этой игрой, но тут раздался тихий топот – к ограде подбежал дебелый пес и зло задышал, и Вася сразу пошел прочь. Снова обошел все шеды. Потом направился в мастерскую. Оттуда хотел пойти к складскому помещению, но вдруг передумал и подался прямо к реке… Вода уже темно синела посередине, а по краям чернела. От реки веяло холодом, но и каким-то просторным обещанием. Вася вдыхал полной грудью этот воздух и невольно шептал:

– Крласота…

Очнувшись, он прошел вдоль воды, потом поднялся на берег, озираясь. Заметил первую звезду, но ее тут же закрыло облако.

Вася вернулся на ферму – и еще издали увидел керосиновые отсветы в окнах вагончика. Быстро зашагал туда.

Но это были не отсветы керосинки, а свет фонарика.

– А я думаю, где это все? – сказал Борис Юрьевич.

Вася смешался.

– Ходил смотрел, – пробормотал он.

– А я чего пришел, – сказал Борис Юрьевич. – Вон, принес вам ящик. – Он высветил лучом в углу небольшой телевизор. – Все равно стоит без дела. А вам будет веселее. Да и нельзя же отрываться от общей, так сказать, жизни.

– Хых, на керосине работает? – тут же спросил Вася.

– Да-а… Эдик чего-то филонит. Я же ему сказал, подключи ребят. Ничего, завтра это мы устраним. Да будет свет, как говорится. Прохладно на ночь глядя, – добавил он. – Пора бы и подтопить печурку. Вообще, если надолго и серьезно решите обретаться у нас, так и насчет домика покумекаем. Что ж, как на вокзале. Будем строиться, расширяться, птицу заведем, давно об этом думаю, может, и коров… Если вот испытания эНДэ увенчаются успехом.

– Что это такое?

– Ну я же тебе говорил. Низкочастотный Дристальник.

Вася вглядывался в смутное лицо Бориса Юрьевича, слегка лошадиное, с крупным носом, выпуклыми глазами, губастое.

– Я думал, вы шутите, – решил сказать он.

– Какие шутки? Нет, конечно, – возразил Борис Юрьевич. – На кону ферма. Завтра будут испытания, сам увидишь.

– На ком? – спросил Вася.

– Что?

– Ну испытания.

Борис Юрьевич хмыкнул.

– На собаке, конечно. На нашем Джеррике. Так что предварительно в гальюн не забудь сходить. Эдуард уже предупрежден.

– Спасибо, что сказали.

– Всегда пожалуйста. Ладно, не буду мешать вашей трапезе.

И Борис Юрьевич ушел. Вася уже не хотел есть и, оставив все, вернулся в шед. И тут же увидел силуэт в дальнем углу. Валя сидела на корточках у клетки и, сунув руку внутрь, почесывала, видимо, кролика. Вася даже не мог некоторое время слова вымолвить.

– Вальчонок?! – наконец окликнул он.

Та обернулась.

– Черлт! Где тебя носило? Я всюду искал. Думал, может, в речку сорвалась. Ты что? Что случилось?

– Ничего, – сказала Валя.

– Хых! Хы-хы… Да уже ночь на носу. А еще не все сделано. Чем ты тут занималась? Ну?

Валя молчала и гладила кролика, высунувшегося из клетки.

– А я лодку купил, провиант… Но не знаю, – вдруг проговорил он. – Разговорился по дороге с Борисом Юрьевичем. А он, оказывается, хороший человек. Телевизор вон припер нам с тобой. Ну я-то зомбиящик давно не смотрю. А тебе будет интереснее. Хотя и я иногда посмотрю на ужимки и прыжки Обло-Лайя. Врага надо знать в морду лица.

Вася подошел к Вале, заглядывая ей в лицо.

– Тут как? – спросил он. – Все нормально?

Валя кивнула.

– Какая-то ты квелая, – заметил он. – Не больная?

Она отрицательно покачала головой.

– А где пропадала?

Валя пожала плечами.

– Так… ходила.

– Вместо того чтобы делом заниматься, – сказал Вася. – Ну все, хватит дебаты разводить. Там ужин ждет. Давай быстро все здесь закончим и пойдем.

И Вася приступил к делу. Понемногу стала ему помогать и Валя. И они довольно быстро управились, выключили свет в последнем шеде и пошли в вагончик.

В вагончике Вася зажег лампу.

– Вон – телек, – сказал он и посветил лампой в угол. – Керлосиновый телек, хыхыхы. Будем смотреть керосиновые сны сегодня… А я фонарик забыл купить. Но это не забыл. – И он достал из рюкзака пакет. – Держи.

Валя заглянула в пакет, достала пачку прокладок.

– Хотел тебе «Шанель номер пять» приобрести, – сказал Вася. – Но… там не оказалось… нужного номера.

– Мне? – пробормотала Валя растерянно.

– Да, – ответил Вася. – На дворе двадцать первый век, а ты как Маугли. Хотел приобщить тебя к западной цивилизации… Но еще приобщимся. Пути, как говорится у вас, неисповедимы. Добраться до свободной страны, а там можно и в Париж уехать.

– В Париж?

Валино лицо растянула печальная и недоверчивая улыбка.

– А что? – продолжал Вася, берясь за ложку. – …Остыло, зараза!.. Поедем, попросим политического убежища, издадим нашу керосиновую поэму. Заживем, как хемингуэи. Будем шляться по кабачкам, заберемся на Монмартр, пройдемся по Елисейским полям.

– Елисейским?

– Ну… Правда, вот Борис Юрьевич предлагает нам здесь строиться и жить…

– Нет, Фасечка, нет! – с жаром воскликнула Валя.

– Нет? А он говорит, домик срубим.

– Не нужен нам домик здесь!

Мерцающие в сумраке глаза Вали были огромны.

– А где? На Елисейских полях?

Валя тут же кивнула. И Вася начал смеяться.

– Уйдем отсюда, Фасечка, – попросила Валя.

– Уйти-то всегда можно. А можно и пожить.

– Нет, нельзя, Фасечка, ну никак нельзя, не надо.

– И что это тебе вдруг так загорелось? – спросил Вася, глядя на Валю.

Валя молчала, насупившись, мешала ложкой рис…

– Что случилось-то?

– Ничего, – сказала она. – Только… новозеландцев вот жалко. А этот их терзает.

– Эдик сам жертва, – сказал Вася.

Валя посмотрела изумленно на него.

– Нет, побыть здесь еще и ничего бы, – рассуждал Вася. – Затеряться в просторах лесов и полей. Может, там чего и произойдет за это время. Очнутся от сна Морозки. Ведь он, как Морозко, наслал чары. И одурелый народ только кивает сомнамбулически, как болванчик китайский. Есть такой китайский роман «Сон в красном тереме». А теперь – русский вариант сна. Перевод на язык осин и кваса. Усадил Россию, как дурочку, в санки, запряженные свиньями и собаками, и та гогочет, а стервы в телеящике орут про тройку Гоголя. И всех уверяют, что в сундуке в санках позади дурочки – алмазы. А там сюрприз будущего! Пырхнет в небо воронами, хых! И нету. Ни Морозки, ни алмазов, ни будущего. Только казаки в косматых папахах да штанах с лампасами. Матрешки. Водка. Медведь в зоопарке. Поп в рясе на «мерседесе». Бутафория Святая Русь, а больше ничего.

Валя нехотя ела, глядя во все глаза на Васю. И тот вдруг встряхнулся, как будто в себя пришел.

– Проклятье!.. Но о нас теперь знают на твоем Соборном холме. Я встретил, кажется, твоего Мюсляя.

В сумраке лицо Вали начало бледнеть. Вася описывал внешность того человека в растрескавшейся кожанке и вытертых до белизны на коленях джинсах и его спутницы. Валя молча кивала.

– Так точно – он? – спросил Вася.

Она кивала.

– Вот дерьмо-то, – бормотал Вася. – Конечно, можно и послать его подальше. Или хочешь к нему вернуться?

Валя в отчаянье замотала головой, на ее глаза навернулись слезы.

– Ну, еще решим. Посмотрим, что да как, – сказал Вася. – Бориса Юрьевича я попрошу не принимать Мюсляя. Да, может, мы еще здесь новую «Землю и волю» учредим. Имени Некрасова. И отсюда начнем расколдовывать страну. Хых, хыхыхы… Но надо же было столкнуться именно с ним? Как в кино… этом… ну, Тарантино…

Когда Вася предложил ей отнести контейнеры, лицо Вали исказилось ненавистью и ужасом. Она наотрез отказалась. Вася настаивал. И тогда она взяла контейнеры и вышла, но очень быстро вернулась.

– Ого, – удивился Вася. – На метле, что ли, слетала?

Они устраивались спать. Вася погасил лампу и быстро уснул. *Сразу полетел, а-ха-ха, хы-хы-ыы! И это был полет на лыжах с какой-то девочкой в красной куртке, в белой вязаной шапке, из-под которой бились две косы. Но она смогла невысоко взлететь с трамплина. Так это обычно и бывает. Спутники всегда остаются внизу или куда-то пропадают. Полеты проходят в одиночестве. Вот где осуществляется мечта об океанском одиночестве. И полеты похожи на плавание. Разгребаешь воздух руками. Правда, мешают электрические провода. Раньше проводов было густо. Провода в несколько этажей. Лабиринты проводов. И они трещат и гудят от напряжения. Этот треск – треск смерти. Иногда приходится буквально ужом извиваться, чтобы не коснуться проводов и пробраться выше. Выше! Об этом всегда думаешь. Этого всегда желаешь – забраться очень высоко и проверить: что там есть? Что? Но сейчас полет над долиной, мимо живописных заснеженных гор. Это Альпы. Да! Ведь до полета он был… в Швейцарии. На лыжной базе. Там все и началось. Внизу железнодорожные мосты над пропастями и реками, будки смотрителей, горные приюты, церквушки, домики селений… Внезапное приземление! Какие-то люди. Что говорят? Среди них очень высокий человек. Просто великан. И вдруг он обращается ко мне на чистом русском языке: «А ты умеешь летать?» Не успеваю ответить, так как он уже протягивает руку, чтобы схватить меня, и приходится взмыть вверх. Несусь прочь. В ушах шумит ветер. Это великан его и наслал. Трещат деревья, как будто пронизаны током. И меня бросает порыв ветра в рощу на горном склоне. Тут я затаиваюсь. Все утихает. И я вижу двух черных кроликов. Они то ли перешептываются, то ли просто едят траву и поглядывают на меня. И вместе с ними мы отправляемся вниз. Окраина какого-то городка, немецкого или австрийского. Виден полицейский участок. Я резко сворачиваю. Один кролик прыгает в магазинчик и притворяется сувениром, другой скрывается в подворотне. В переулке встречаю компанию четверых. Один из них юный шейх, читает Коран на арабском. Я начинаю повторять за ним, чтобы запомнить. Какая глупость. Зачем мне Коран, если я и в Библию не верю ни капли. Но, возможно, так мне удастся провести всех и затеряться. И в очередном проулке появляется некто мрачный, в плаще, с темным лицом, в синей шляпе. Мы вырабатываем условия схватки. Шейх легкомыслен. Темный явно сильнее и хитрее… Иду по склону горы, зеленая трава. Вниз спускаются солдаты. Кто-то говорит, что в каком-то пункте меняют старые автоматы на новые. Зачем мне? Я ненавижу и старое оружие, не то что новое, зараза. И на склон выпрыгивает огромный кролик, черный, огромный, как пантера! Все в шоке. А я подхожу и треплю его по голове, по ушам и призываю остальных: «Не стреляйте!»*

Все эти побеги, страхи, схватки, – в них что-то блаженное, кайфовое, потому что небо нирванически синее, воздух чист, краски счастливые.

«Не стреляйте… не стреляйте…»

И они не стреляют, горные альпийские стрелки.

Вале снился ужасный сон.

В деревянных купальнях для детей возился крокодил, слышны были вопли, визг, животное хватало детей, изворачивалось, мелькал его бледный живот в крапинках, лапы бороздили воду. А потом на полу в комнатке диванный валик в целлофане внезапно ожил, и целлофан обернулся кожей, а сам валик – акулой, она разинула пасть, пытаясь схватить летающую черепаху…

Вася проснулся, полежал в темноте. Что-то его беспокоило. Он приподнялся, вгляделся. Валя была на месте. Попытался уснуть, но почувствовал, что надо выйти. Слишком много чая выпил на ночь. Позевывая и почесываясь, он вышел, накинув пальто. В туалет решил не идти, а отлить неподалеку на землю. Земля уже оттаяла и быстро все впитывала. Ферма тонула во мгле. Но что-то как будто мелькало, двигалось. Словно земля ходуном ходила. И – снег, что ли успел выпасть? Светлые пятна лежали там-сям… И они двигались… Вася протер глаза. Вдруг что-то ткнулось в его голую ногу, мягкое и холодное. Вася вздрогнул. Это отскочило, зашлепало по грязи. Так и забыв помочиться, Вася кинулся в вагончик. Зажег лампу и выскочил на улицу, пошел, озираясь. И в круг света вскоре попал – кролик, новозеландец, красный. Потом другой, третий. Кролики разбегались от человека с лампой. Попадались среди них и белые. Белые занимали один шед. А сейчас и они, и новозеландцы бегали по ферме. У Васи голова закружилась. Ему почудилось, что он так и не проснулся. Пытаясь выругаться, он закашлялся и вдруг вместо обычного своего ругательства вымолвил в невольном восхищении:

– Крласотааа! – И засмеялся. – Хыхыхыхыыы!.. Хыхыхы…

Васю била лихорадка. Он побежал к шедам. Двери были распахнуты. И из дверей выбегали все новые и новые кролики. Тут же он хотел закрыть двери, но передумал. Хотел побежать будить Эдика, но вдруг увидел выходящего из крайнего шеда человека. Вася поднял лампу. Круг света не доставал. Вася готов был крикнуть, но внезапно узнал эти очертания… И он пошел навстречу и уже высветил Валю, это была она, с растрепанными волосами, улыбающаяся.

– Вальчонок?! – сдавленно воскликнул Вася.

Та молча смотрела на него.

– Но я же видел, что ты спишь… – уже робея, пролепетал Вася.

Она помотала головой.

– Не-а!.. Ухугуу! Не-а!

– Так это ты их выпускаешь? Ты что?

– Пусть бегут! – ответила радостно Валя. – Пусть, все, все.

Вася разглядел в ее руках новозеландца.

– А этот?

– Это Бернард, – сказала она ласково.

– Черлт, – пробормотал завороженно Вася, трясясь в одних трусах, хотя и в накинутом пальто. – Здорово! Хыхыыхы!.. – И тут же он оборвал смех. – Так. Значит, решено. Пошли.

– Куда? Куда, Фасечка? – спрашивала Валя.

– Скорее, – торопил Вася.

Они вернулись в вагончик, распугивая кроликов. Вася поставил лампу на стол, достал мобильник.

– Два часа. Быстро собираемся и отчаливаем. Где рюкзак? Одеяла забираем. Оставим по сотне, больше они не стоят. – Вася хватал одеяла и запихивал их в рюкзак. – Тут я купил и пленку. Но бумагу возьмем, под себя постелим. Давай, давай, не стой соляным столпом.

– Ой, Фасечка! – воскликнула испуганно Валя и перекрестилась.

– Не лезет уже в рюкзак ничего. Тогда так. Бумагу и лампу ты понесешь. Я все остальное.

Они еще возились в вагончике, собираясь. Наконец вышли. Впереди шел Вася с рюкзаком и баулом, за ним Валя с горящей лампой и кулем из бумаги и одеял.

– Да погаси ты! – прикрикнул Вася и тут же спохватился. – А керосин там в бутыли? Забыли?

Валя дунула в лампу, оставила свой тюк, пошла обратно и вскоре вернулась с большой бутылью. Они продолжили путь к реке. То и дело из-под ног шарахались кролики. Белые кролики плавали льдинками или снеговыми шапками всюду в ночи.

– Хыхы, – задушенно смеялся Вася.

И вот они притащились к разлившейся черной реке. Вася озирался, перенес баул с лодкой под взгорок и велел Вале зажечь лампу, а сам стал разбирать лодку.

– Так, так… дерьмо… зараза… – бормотал он. – Где насос? А? Вот, вот… Ну, молись, чтоб успели. А то с нас спустит шкуру Эдик. Да и Борис Юрьевич по головке не погладит. Наделала ты делов, Вальчонок!

И Валя и вправду стала молиться:

– Ай, должны мы Богу молиться, / Христа милости просить / За Васильево здоровье, / Да за военного человека. / Когда наделяет его сам Господь Бог / Умом, разумом, здоровьем, / Всякой Божьей благодатью, / Да сам Христос Бог Царь Небесный, / Мать Пречистая Царица да Богородица…

Вася под ее пение накачивал лодку, остро пахнувшую резиной, медленно округлявшуюся. В воду что-то бултыхалось. Вася оборачивался, шмыгал носом, утирал мокрое лицо рукавом пальто.

Вдруг позади на ферме залаял Джерри. Лай у него был громовой. Вася замер, обернувшись. Замолчала и Валя.

– А топор мы взяли? – спохватился Вася. – Поищи-ка там…

Валя принялась копаться в вещах. Лай смолк. Может, на крыльцо кто-то вышел, осмотрелся и, ничего не заметив, ушел, успокоив пса. Но ведь новозеландцы и белые прыгали кругом, разбегались во все стороны.

– Да спаси, Господи, да помилуй / Всей от скорби, от болезни, / Да от лихова человека, / Да от невернова язы*к*а, / Все от слезнева рыданья / Да святым ангелам на радость. / Телесам, рабам на радость… – продолжала Валя.

И лодка была готова. Вася переводил дыхание. Вставил в пластмассовые уключины весла. Потащил лодку к воде.

– Иди держи, а я буду вещи носить, – сипло сказал он.

И Валя придерживала спущенную на воду лодку, а Вася таскал вещи, укладывал в лодку.

– Все? – спросил он.

Валя молчала.

– Так… Так… А топор? Топор-то нашла?

– Нет, Фасечка.

– Проклятье, зараза. Придется идти.

– Не ходи, Фасечка! Не надо! Не надо! Так будем с Божией помощью.

– Ну да. А костер? Или жердей срубить? Пойду, – сказал он решительно.

И только направился назад, как вновь залаял Джерри, да уже лаял беспрестанно, не умолкая, чего обычно за ним не водилось. Может, кролики уже бегали перед его носом, и он просто не мог вытерпеть такой наглости. Вася остановился. Послушал и вернулся к реке.

– Давай, садись.

– Ой!..

Валя оступилась и одной ногой ушла в воду.

– Ну, проклятье! Садись же!..

Она снова попыталась занять место в лодке и ушла под воду и второй ногой.

– Ох, ой, Фасечка…

– Ну!

Он подтащил лодку. И Валя наконец уселась. Вася с натугой принялся спихивать лодку и от напряжения пукнул, засмеялся зло. И вот лодка была на воде. Вася занес одну ногу, встал на резиновое дно, потом занес и другую, плюхнулся на деревянное сиденье, схватился за весла и начал грести. На ферме все не унимался пес.

Лодка уходила в черную воду

Лодка уходила в черную воду, Вася греб неумело, плескался, но весеннее течение уже подхватило их и понесло, не очень быстро, но повелительно. Они и не заметили, как лай отдалился, остался в стороне… позади. Вася греб и греб. По берегам вставали куртины кустов, отдельные деревья. Река хлюпала и будто дышала глубоко и тянула, тянула лодку за собой. Дальше, дальше. И вдруг Вася перестал грести. Лай уже раздавался далеко где-то в ночи, в полях апрельских, по которым разбегались новозеландцы.

Вася переводил дыхание, шмыгал носом. Валя молчала затаенно.

– Что мы наделали… – пробормотал Вася.

– И ничего, Фасечка, – отозвалась Валя.

– Как ничего, – возразил Вася. – Пустили мужиков по миру.

– Там есть и крольчихи с крольчатами, – ответила Валя.

– Чего?.. Я говорю про фермеров, – ответил Вася.

– И-и, хорошо, хорошо сделали, Фасечка, – сказала Валя певуче. – Ты же сам все про свободу да волю. Вот и у нас, и у новозеландцев волюшка.

– Хых, хы-хы… А фермерам? Борису Юрьевичу? Да и Эдику с Васильевной? Это же полное разорение. Ты понимаешь?

– Понимаю, понимаю, Фасечка. Да только они все одно погорят.

– Как это?

– Так, в огне. Я видела. Огненного мальчика видела в окне.

– В каком окне?

– В таком. Вместе с девочкой. А это к диву. То и будет им диво. Это точно, я знаю, Фасечка… Огненный мальчик…

Васю передернуло.

– Помолчи уж, – потребовал он и снова взялся за весла. – Уноси, уноси нас, река.

И она их уносила.

А вскоре, оглянувшись, они увидели в ночи сполохи, как будто где-то там приземлилась летающая тарелка и стала шарить прожекторами. Это были лучи фар. Что это было, кто знает. Может, какие-то охотники на джипах куда-то ехали, а может, на ферме поднялась тревога. И Вася налег с новой силой на весла. Валя посмотрела вверх и указала рукой на прорвавшуюся сквозь облака звезду. Вася тоже задрал голову. И Валя тихонько запела:

– У раю пресветлого / Пролегала путь-дороженька. / Шли-пошли два ангеля, / За собой ведут душу грешную, беззаконную…

Вася шмыгнул носом.

– А мне и снились два таких джентльмена в костюмах, при галстуках, сопровождали меня в полете.

– Денноет ангиль проглаголовал: «Что же ты, душа, мимо раю прошла, / Да во рай не зашла? / Али ты, душа, за скупостью, / Али за глупостью, / Али за спесью, душа, / Али за гордостью?» – напевала Валя.

– Ну, ну, давай, пой дальше-то. Бурлаки на Волге чего пели? Чтоб легче было. Пой, Вальчонок. Ученые доказали, что песня нейтрализует страх. И точно… хых… По лесу идешь и насвистываешь.

И Валя напевала под плеск весел:

– Ничего-то душа не ответила, / Денноет ангиль проглаголовал: / «У нас во раю хорошо житье, / Хорошо житье, житье доброе: / Травы-те растут шелковые, / Цветы-то цветут лазоревые; / У раю стоят древа кипаристовые, / На древах-то…»

Что-то бултыхнулось в черную воду, и Валя замолчала. Вася перестал грести. Слушали. Вода тихонько плескалась у лодки. Вася вытер лицо рукавом, скинул пальто и взялся за весла.

– …На древах-то сидят птицы райские / И поют стихи херувимские; / Во когтях-то держат дела добрые, книги златые, / Читают оне страсти-ужасы.

– Хичкок какой-то! – выпалил Вася возбужденно.

– В раю душенька взвеселилася, / Со… с женихом обручалася, / Золотым венцом венчалася.

Вася снова перестал грести.

– Как же это? Там же в начале про душу грешную? Беззаконную? И в рай?

– Да, – ответила Валя.

– Где логика?

– Там все не так, все по-другому, – сказала Валя.

– Бессмысленно как-то, – пробормотал Вася и налег на весла. – По Бакунину, короче, христианство есть безусловное нарушение здравого смысла…

Черная река уносила их в неведомую ночь. Иногда Вася переставал грести и прислушивался. Уже нельзя было различить лая. И никаких иных звуков не слышно было, кроме плеска и дыхания реки. Вася снова греб, молотил пластмассовыми лопастями по воде. Они долго плыли. И уже ночь начала таять, тьма редела. Проступали очертания берегов. И тут Вася увидел на коленях Вали кролика.

– Вот дерьмо-то! – воскликнул он. – Вальчонок, откуда это?

– Я взяла, – сказала Валя. – За пазухой несла.

– Зараза, да на кой черлт он нам? Это же обуза!

– Это Бернард, Фасечка, – ответила Валя.

– Берлнарлд? Хыхыхы, – просмеялся Вася. – Откуда ты знаешь?

– Из сна. Мне приснилось.

– Это же имя какое-то… ну, католическое, из враждебного лагеря. Антиправославное. Бернард у ваших конкурентов числится в святых. Да, кажется, породу собак в его честь и назвали: сенбернар. Ну, святой Бернар. Спасители. Выкапывают заблудившихся из-под снега. Хыхыхы… А у нас святой кролик? Хыхыхыхыыы, – смеялся Вася. – Хыхыхы… Спасатель на водах.

Валя, глядя на него, тоже начала хихикать. Таково было обычное воздействие Васиного смеха.

– Но как такое могло тебе присниться-то? Ты же православная? Или какая? Какая у тебя слава? Правая или какая?

Валя перекрестилась и ответила:

– Такая.

– А католики по-другому крестятся? Одним пальцем, что ли? Или наоборот, как в зеркале?

– Не знаю, Фасечка… – Голос Вали дрожал.

– Ты все еще боишься? – спросил Вася.

– Замерзла я очень, Фасечка, – сказала она.

– Так надень мой лапсердак.

– У меня ноги, ляжки, жопа замерзла, – сказала Валя.

– А, ты же промокла, черлт, проклятье, дерьмо, зараза… Надо подальше уйти. Могут гнаться по берегу на машине.

– Да мы на другом берегу будем, – возразила Валя.

– Хых, хы, у Эдика есть лодка с мотором, – вспомнил Вася. – Ну потерпи еще.

И он снова греб и греб, пока уже совсем не рассвело и стали хорошо видны грязные берега в жухлой траве, кусты, деревья, обрывы. Вася озирался, подняв весла, лодку повора-

чивало в разные стороны, вода из черной стала бурой. Там-сям несло клочья грязной пены, ветки, кору. Вася смотрел на Валю, набросившую его пальто, на темного кролика, сидевшего с прижатыми ушами на ее коленях, на керосиновую лампу слева от нее, на рюкзак позади нее. Океанского одиночки из него не получится. Низко нависали серые небеса. Вася собирался с силами. Сейчас он в полной мере почувствовал, как устал – зверски устал, вымотался. И то, что он видел, казалось ему странно знакомым. Эта мутная холодная вода, грязные берега, небеса, лодка, лампа, дурочка. Это все совпадало с чем-то – когда-то виденным или кем-то задуманным. Наверное, в этом направлении и шла Васина жизнь. То есть – в правильном, раз было ощущение этого совпадения. Наверное, это и есть то, что называется судьбой. Это бегство по России от Обло-Лайя, кроличья свобода, река… Сейчас Вася был уверен, что Обло-Лаяй и есть Россия. Другой России не было никогда и не будет. И он мечтал только об одном: вырваться из ее тисков, перестать чувствовать на спине ее горячее дыхание, смыть ее песьи слюни. Хотя встреча с фермером и была каким-то прорывом, буквально прорехой света, которая однажды ему снилась. *С кем-то вырыли яму, очень глубокую. Кажется, не просто копали, а что-то расчищали, искали, но так ничего и не нашли. Все поднялись по веревке, а он остался, сидел, оглядывался… и вдруг начал стучать в одну стенку, земля обваливалась, он взялся снова за лопату, решив углубиться в сторону, – и обнаружил небольшую камеру. Стены там были покрыты мозаикой. И ни окна, ни выхода… Внезапно что-то сверкнуло в стенке. Первая мысль: золото!.. Приблизился, наклонился. Это был свет, крошечная дырочка, прореха с игольное ушко, очень яркая.*

И сейчас ему почудилось, что в это игольное ушко ярчайшего света и можно куда-то проникнуть!

Вася сидел сгорбившись, пытаясь разобраться в этих чувствах. Это было каким-то озарением… Или результатом гонки, страха, бессонницы, усталости…

Но здесь был какой-то поворот.

Где?

Вася оглядывался.

Нет, конечно. Наваждение. Бежать, бежать без оглядки. Ну а пока схорониться. Отлежаться. Вася высматривал лес. Но вокруг простирались поля. И только где-то далеко чернели щетиной леса. Встряхнувшись, Вася взялся за весла. А грести не было никаких сил. Но он греб. И река ему помогала все-таки. Весеннее течение было сильным. Мимо проплыло дерево. Вася греб и греб, тупо, усердно, не чуя уже рук. Болела спина, плечи выворачивались как будто. Шею сковало. Вася уже и не глядел вокруг… и увидел вдруг сполохи серебра и черни, разогнул спину, вытянул шею. Впереди прямо из воды вырастала березовая роща. Он направил лодку прямо туда. Лишь бы дотянуть. Вася уже не завидовал океанским одиночкам, безумным мореплавателям. Он был сыт по горло этой романтикой плаваний.

Лодка достигла рощи, сначала той, что отражалась в воде, и серебро это все заволновалось, закачалось. А потом уже лодка вошла и в настоящую рощу, поплыла прямо между берез, ткнулась в сук, затем напоролась на корягу, но – обошлось, вода не хлынула в лодку. Вася лавировал среди берез, отталкивался рукой от стволов, ломал ветки, Валя пригибалась, подавленно молча. Это было похоже на блуждание в лабиринте. Только лабиринт был березовый. Вася ненароком вспомнил крестики тех мужиков, про которых рассказывал фермер… Бедняга фермер. Его все прижимали и обдирали. А окончательно разорили те, кого он приютил. Как же так вышло?.. Вася и сам не знал. Да что уж теперь… Как говорится, снявши голову, о волосах не плачут. Или – плачут, но лишь здесь, в этих березовых лабиринтах.

Вася оглянулся назад, чтобы проверить, видна ли река. И не увидел большой воды. Так куда он пробирается? Может, кружит на месте. Где земля, где река?

И в этот миг раздалось грубое: «Кракх!» В вышине замелькали черные крылья, будто чернь берез собралась и сорвалась птицей. Это был ворон. Он летел над кронами.

– Вот дерьмо-то, – бормотал Вася. – Где суша? Должна же эта вода кончиться?

Он вытащил одно весло из уключины и попытался измерить глубину, но не смог достать дна.

– Все, – сказал Вася, – я больше не могу.

Он вогнал лодку между двух берез, покачал ее, проверяя, крепко ли она застряла, и сказал, что они будут ночевать прямо здесь, на воде, то есть дневать, ну, отдыхать. Валя чуть слышно спросила, а как же костер? Ей нужно высушить обувь, носки, штаны… Вася велел ей снять все мокрое и завернуться в одеяло, постелив бумагу.

– Ой, нет, – пролепетала Валя, – а как же наша поэма?

– Какая, прлоклятье, еще поэма? – спросил Вася.

– Бумага размокнет, – ответила Валя.

– Она проклеена пленкой… Ладно, постелим на дно целлофан.

Так они и поступили. И на целлофан положили бумагу. Валя стащила обувь, носки, штаны, хотела снять и трусики, но Вася остановил ее, сказав, что они на ней и просохнут. Валя завернулась в одеяло. Вася укрыл ее и вторым.

– Ну, – спросил Вася, – тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, крласавица?

– Еще нет, Ф-Фасечка, – ответила она.

Губы ее прыгали, плечи тряслись.

– По тексту не так, – сказал Вася. – А вот как: не видишь, старый хрыч, совсем продрогла? Дерьмо, зараза.

– К-какой же ты старый, – возразила Валя.

– Ты что, «Морозко» не смотрела? – спросил Вася.

– С-смотрела… – отвечала, трясясь, Валя.

– Эх, – посетовал Вася. – Надо было купить этого дерьма, водки, зараза. Сейчас бы согрелись. Или там бренди, рома, спирта, что пили эти морские волки… Хотя, какие мы волки? Хых, ха-ха…

Валя молча глядела из своего кокона на Васю, понемногу согреваясь и переставая трястись. Вскоре она уже глубоко спала, разомкнув полные губы. Вася смотрел на нее, озирался по сторонам, прислушивался. Лодку слегка покачивало, слышно было, как она трется о колени берез, шуршит. Вася никак не мог заснуть. Припоминал подробности бегства и восхищенно открывал глаза, а потом покаянно качал головой.

В саду полугнилые яблоки, но все равно одно срываю и ем. Потом набираю дров и отношу в дом. Зажигаю в печке огонь. Сижу, смотрю… Слышу, что кто-то прошел в комнату из кухни. Иду. Вижу: две курицы. Прогоняю их. Кыш! Выхожу из дома. Какой-то человек, заговариваем с ним, косить уже или не косить, подождать? Вода в озере чистая. Широкая гладь. А тут кто-то говорит, что в дом вошла странница, что в дом *вошла странница,* что в дом вошла странница. *И тут же возле дома две умершие бабушки: баба Катя из Птахино и баба Варя из Пересны. И они знают, кто вошел в этот дом. Знают. А мне не говорят. Ну? Лица их настороженно радостные, благоговейные. Они боятся заглянуть в дом. Ждут. Говорят, что сейчас увидим… увидим… сияние.* Сияние. *Я поднимаю голову и вижу глубокое синее небо над озером и селом. Ах, увидеть бы ту странницу! Кто это? Мартыновна? Я приближаюсь к одному окошку. Прикладываю ладони к стеклу, чтобы не мешал внешний свет… Смотрю, смотрю… Вижу беленую печку, занавески над лежанкой, связки лука, золотистого, круглого. На луковицах-то и есть сияние. Крынки с молоком или так, пустые. Мешок картошки. Кошку. И шерсть ее сверкает. Ну где же, где же странница. Ой, как страшно и… хорошо… Хорошо… А она-то уже ушла, ушла куда-то… далеко…*

Ворон снова летел над березами

Ворон снова летел над березами, каркал. Но уже и Вася его не слышал, спал.

*Специальная служба, эти люди, офицер и рядовой преследуют меня. Причина мне известна: я умею летать. Скрываясь, бегу и ныряю в лабиринт. Дальше – в лабиринте, те – за мной. Вот более широкое место. Но здесь какие-то мастера. Что они делают? Сшивают некую сферу, как бы сами небеса. Хыхыхы!.. Надо вырваться, – начал разрывать ткань, временами впадая в экстаз от предчувствия неслыханной свободы; ткань утончилась – и тут я понял, что сверху в**о**ды и если я прорву пленку, то они хлынут. Что же предпринять? И эти из службы поимки таких, как я, тут как тут – цап! Ведут за руки по лабиринту. Но когда мы выходим, они смотрят куда-то в сторону, отпустив мои руки, и я – прыг! Побежал, за углом схватил сажу и вымазал ею лицо. И они пробегают мимо черной стены, в которую вжимаюсь я. Я почти свободен. Но еще в каком-то замкнутом пространстве. Из него надо выбираться. Как? Как?..*

Иду дальше и натыкаюсь на старый стол без одной ножки, вместо ножки полено. И на этом столе среди всяких тряпок, каких-то обломков, перьев сумка матери. Точно, это ее сумка, привезенная из Болгарии, ярко-коричневого цвета. Она ездила в Болгарию по путевке, приперла оттуда палас, кучу кофточек себе и платок полоумной бабке, а мне подарила комбинезон с оторванными пуговицами, его она купила в комиссионном магазине. У нас такие не продаются, говорила она. Пуговицы пришила, срезав их с моего старого костюмчика. Бегемотиха. Моя мамаша – Бегемотиха. Неповоротливая, жадная, как и полоумная бабка, подарившая мне на день рождения пробки от шампанского. Изорвать, что ли, эту проклятую сумку? Или попытаться спрятаться в ней? Да в ней-то она и отнесет меня в службу поимки. И я слышу, как она приближается, сопит своими огромными ноздрями…

Вася и Валя спали полдня. Первым очнулся Вася и сразу увидел верхушки берез. Обвел взглядом свое ложе. Увидел Валю. Пошевелился, сел. Вода, березы. Или *вода, березы*. В глазах, а точнее в сознании у него двоилось. Может, действительно, *березы, вода, лодка, эта девушка*? И все остальное? Вася чихнул. Потом еще два раза. И разбудил Валю.

– Хорошо, что ты проснулась, – сказал он.

Валя хлопала глазами, наверное, тоже не в силах осознать в полной мере эту действительность.

– А то мне уже мерещится, что я это вижу во сне, – добавил Вася. – Но… чувствую уже зверский голод. Вот голода во сне я никогда не испытывал. Это один мой друг, Кирилл Дхарма, как-то заметил, что все, может, и в самом деле иллюзия, но вот голодный желудок – реальность. Он не дурак поесть, потому и позволяет себе такие выпады против учения. Ну, как некоторые мусульмане. Мол, пророк запретил пить пальмовое вино, а про водку ничего не говорил, ххыыы… И про анашу не говорил. Вот они и обдалбливаются. Ну, Вальчонок! Доброе утро! То есть день… Новый день после нашего потопа. Хы-ыы. Давай будем обедать уже.

– Здесь? – сипло спросила Валя.

– Ну. А что? Березовые хоромы. У китайцев красный терем, у нас – березовый. Чем плохо? Мне нравится. Только бы еще горелку, баллончик с газом. Вот что надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.